

Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего

**Центр славянских исследований
Кубанского Государственного университета**

**Национальная идентичность и национализм у
славян и их соседей: проблемы прошлого и
настоящего**

Краснодар 2011

ББК
УДК
М

Научные редакторы, составители:

Э.Г. Вартаньян, доктор исторических наук, профессор

О.В. Матвеев, доктор исторических наук

Рецензенты:

С.И. Линец, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор исторических наук

Н.И. Бондарь, профессор кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, заведующий Научно-исследовательским Центром традиционной культуры Кубани Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук

ISBN

Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции / *Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев.* Крпоткин: Изд.-во « », 2011. – 220 с.

В книгу вошли материалы международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета. В подготовке сборника приняли участие историки-слависты из Москвы, Краснодара, Майкопа, Черкесска, Оренбурга, исследователи из Болгарии и Белоруссии. Статьи, представленные в издании, включают новые исследования по особенностям формирования национальной идентичности в славянских странах и в их европейско-азиатском окружении, национализму у славян в прошлом и настоящем, символам национальной идентичности и духовной культуры славянских народов, проблемам этноконфессиональных и этнических стереотипов. Сборник рассчитан на студентов и преподавателей, работников учреждений культуры и образования.

Сборник издан за счет средств авторов

Предисловие

Идея провести научную конференцию, посвящённую проблемам славянской идентичности и национализма, принадлежит незабвенной памяти Сергею Вадимовичу Павловскому, безвременно покинувшему нас соратнику и другу. Как профессиональный историк-славяновед, он отчётливо осознавал, что в угоду национальному мифу правительства ряда славянских стран наступают на прежние грабли; как широкой души человек, в котором текла польская, украинская и русская кровь, остро переживал распад и кровавые столкновения между народами бывшей Югославии, взрыв русофобии в Украине, Польше, Болгарии, давление российских олигархов на братскую Белоруссию.

После заселения славянами в раннем Средневековье огромного пространства от Балтики до Балкан говорить о славянском мире, как о чем-то едином действительно трудно. К началу XIX в. славяне жили в пределах Российской, Османской и Австрийской империй, а также Пруссии и Саксонии. К тому же все славянские народы, кроме русского, потеряли свою независимость. И это, конечно, влияло на самоощущение, самосознание зарубежных славян. Научное знание о своей истории у них почти отсутствовало. Но на рубеже XVIII–XIX вв. начинается мощный процесс Славянского Возрождения, связанный с формированием литературных славянских языков, началом борьбы за национальное освобождение, с появлением «будителей», как тогда называли великих славянских просветителей. И все деятели Славянского Возрождения обращали свои взоры на Россию.

С началом Славянского Возрождения и в России резко возрос интерес к зарубежным славянам. Отражением этого стало открытие кафедр славистики в четырех крупнейших университетах страны – Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском. В славянские страны для сбора материала поехали известные русские ученые. С этого времени (вот уже около 200 лет) в России существует славяноведение, или славистика, как отдельная гуманитарная дисциплина. Главным её достижением стало взаимоузнавание славян, создание

позитивных образов и представлений. Когда на политическом горизонте проявлялись чувства обиды и нетерпения, раздувался оголтелый национализм, подогреваемый конфессиональными особенностями, территориальными спорами, лилась кровь, слависты не впадали в отчаяние, а пытались объяснять причины долгой жизни предубеждений, показывать истоки формирования особенностей национального характера и условий государственности славянских народов. Они изучали межславянские связи, языки и традиционную культуру хорватов, русин, лужицких сербов, словаков, македонцев, белорусов, говоря современным языком, формировали позитивные стереотипы. Николай Севастьянович Державин, Никита Ильич Толстой, Диволь Григорьевич Песчаный, Виктор Иванович Косик, Ольга Владиславовна Белова, Татьяна Викторовна Волокитина и многие другие славяноведы вели и ведут кропотливую, сложную, рассчитанную не на одно десятилетие работу по исследованию общности и многообразия славянского мира. В конечном счёте, этот кропотливый труд оказывает больший эффект на формирование чувства принадлежности к славянству, нежели иные националистические проекты, оканчивающиеся всегда одинаково: большой кровью. Как тут не вспомнить слова Ф.И. Тютчева, обращённые к О. Бисмарку:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –

Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, –

А там увидим, что прочней...

С такими чувствами Центр славянских исследований Кубанского государственного университета готовил научно-практическую конференцию «Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего» и приступал к изданию её материалов. Хочется надеяться, что материалы известных и молодых славяноведов станут важным подспорьем для преподавателей и студентов, послужат стимулом для дальнейших исследований.

О.В. Матвеев

Дискурс национальной идентичности и национализма в современном российском историографическом пространстве

Актуализация в современном российском историографическом пространстве дискурса национальной идентичности и национализма [1] обусловлена как экзогенными, так и эндогенными факторами. К первой группе факторов относится происходящий во всем мире кризис национальных государств, в свою очередь, являющийся следствием глобализации, а ко второй – распад СССР и последовавшие за ним процессы поиска новых идентичностей и национальных идей в бывших советских республиках, включая РСФСР. Если в 1990-е гг., в начале этих процессов, в России активизировались национальные движения этнических меньшинств (что выразилось в «параде суверенитетов» российских республик в 1990-1991 гг., вплоть до призывов к отделению от федерального центра, в этнических конфликтах на Северном Кавказе), то затем, к концу 1990-х - началу 2000-х гг., по закону маятника, более активным стало этническое большинство России [2].

Сегодня мы являемся свидетелями обвальной «этнизации» всех сфер социальной жизни, проявляющейся далеко не только в поисках этнической подоплеки любых конфликтов в молодежной среде. Важнейшую часть этнонационалистического дискурса всегда составляют концепты «свой» и «чужой». Сегодня все чаще и все увереннее звучит лозунг русских этнонационалистов «Россия для русских!» Журнал «Русский дом» формулирует праворадикальную версию государственной национальной идеи как идеи возвращения к традиционным устоям: «...России нужна национальная идея, осознание особой миссии нашей страны. Нашей национальной стратегией должна быть державная идеология... Православие, Самодержавие, Народность — вот какой должна быть наша государственная идеология» [3]. При такой постановке вопроса «этнический (русский) и религиозный (православный) национализм полностью отождествляются с государственным («державным») национализмом» [4].

Активно участвует в формировании этнонационалистического дискурса российский сегмент Интернета. По данным на 2009 г. в Рунете действовало свыше 1,5 тыс. сайтов националистического толка, радикального нацистского характера [5]. Нормой виртуального пространства стали т.н. сайты ненависти (hate sites). «Этническая подозрительность», «этническая тревожность», «культурный расизм», «социальные практики «низовой» ксенофобии» – эти речевые конструкты стали словами-маркерами текстов современных исследователей, пишущих на темы национализма и национальной идентичности.

В сложившихся условиях властные элиты России, похоже, осознали, что национализм может быть и полезен, и опасен, что им должно и необходимо эффективно управлять и держать под контролем националистические настроения. В начале 2007 г. лидерами «Единой России» от имени Центра социально-консервативной политики был заявлен т.н. «Русский проект», который предполагал проведение под контролем «партии власти» публичных дебатов в обществе по вопросам о том, что означает «русскость» сегодня, как она соотносится с российской государственностью и православием, что такое «национальная идентичность» в условиях глобализации. Однако вскоре произошла «националистическая маргинализация» [6] проекта, вызвавшая необходимость пересмотра его наиболее жестких установок, и обществу был предложен своего рода манифест с характерным заглавием «Русская матрица. Перезагрузка» [7]. Весной 2008 г. было создано новое российское общественное движение – Общероссийский союз общественных объединений (ОСОО) «Российская нация». Цель движения – распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России. ОСОО «Российская нация» учредил одноименный Интернет-ресурс [8]. Одновременно было организовано издание журнала «Вестник Российской нации» [9]. Фактически состоялась официальная легитимация понятия «российская нация» в значении «политическая нация», выражающем идею «единства россиян» [10].

Закрепление в общественном сознании готовых формул и рассказов о «российской нации» и «общенациональной идентичности» в условиях, когда истолкования этих понятий заметно отличаются друг от друга, в значительной степени перекладывается на интеллектуальную элиту, а власть делает ставку на национально-ориентированную историографию. Одно из свидетельств тому – состоявшиеся в конце 2008 г. в Государственной Думе парламентские слушания на тему: «Роль гуманитарных наук в формировании общероссийской идентичности: совершенствование законодательной базы научно-исследовательских, издательских центров и просветительских организаций» [11].

О национализме и национальной идентичности пишут сегодня многие российские историки. Свои размышления они соотносят с классическими трудами зарубежной историографии. Как известно, национально-государственная историография сформировалась в «век национализма», т.е. в XIX столетии. Ее главные прагматические функции были связаны с задачами национальной самоидентификации и самоутверждения, т.е. формирования «образа нации» [12]. Как эмоционально точно подметил Э. Хобсбаум, «...историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глаза других, а историки – это люди, которые «производят» это прошлое» [13]. Популярными текстами в среде отечественной гуманитарии являются, в частности, «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» Б. Андерсона [14] и «Нации и национализм» Э. Геллнера [15]. При всем различии авторских подходов, в рамках обеих концепций нации трактуются как культурные артефакты: в одном случае как продукт коллективного (массового) «воображения», а в другом – как «изобретение» политической элиты, но в любом из названных вариантов нации из области «реально» существующих переводятся в конструктивистский дискурс [16].

Из отечественной исторической литературы последних лет, посвященной проблематике национализма, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают две работы: статья И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «Национальная история и национализм» [17] и коллективный труд «Национализм в мировой истории» [18], подготовленный Институтом этнологии и антропологии РАН. Не отрицая изначальную субъективность авторского выбора, хотелось бы, тем не менее, его обосновать.

В статье хорошо известного в среде историков тандема (к сожалению, совсем недавно прекратившего свое существование в связи с безвременным уходом из жизни А.В. Полетаева) речь идёт о процессе «национализации истории» и его возможных последствиях, «играх со временем», манипулировании аргументами из прошлого и ответственности тех, кто «производит» это прошлое, т.е. историков. Взаимоотношения исторической науки и идеологии национализма И.М. Савельева и А.В. Полетаев рассматривают в широком временном и пространственном контексте, в рамках которого этноцентричные национально-государственные истории перестают восприниматься как «последнее слово» для озабоченной поиском своих корней и идентичности нации. Как оказывается, «ничто не ново...». Авторы заставляют задуматься о том, что отсутствие экспертной оценки со стороны профессионального сообщества делает возможным сам факт появления многочисленных «образов прошлого», противоречащих один другому, но при этом парадоксальным образом сосуществующих в рамках одного и того же историографического пространства. Древнее, славное и величественное прошлое (реальное или вымышленное) для общества, застрявшего на очередном историческом перекрестке, становится предметом ностальгической рефлексии и (на определенном этапе) способом замещения не очень радужного настоящего и очень неопределенного будущего. Вневременные города и цивилизации – «Россия, которую мы потеряли», «островная цивилизация Черкесия», «другой Аркаим»... Этот список поистине бесконечен. Как правило, авторам этих версий прошлого удастся добиться «экзальтированного

квазирелигиозного переживания индивидом его национальной принадлежности» [19]. И только когда дело доходит до «войны историографий» (одна из самых известных в этом смысле – «кавказская война историографий» [20]) приходит запоздалое понимание чреватости происходящего непредсказуемыми последствиями. Статья на эмоционально «неспокойную» тему написана без эмоциональных перехлестов, и именно поэтому она действует отрезвляюще.

Что касается одного из крупнейших отечественных исследовательских проектов последнего времени «Национализм в мировой истории», то интерес к нему обусловлен рядом обстоятельств. Прежде всего, предпринята попытка посмотреть на проблему национализма с высоты «птичьего полета», преодолевая время, границы и расстояния. Во-вторых, для реализации этой цели был создан интернациональный авторский коллектив, включающий не только российских, но и зарубежных ученых. В-третьих, один из редакторов-составителей сборника – академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, во многом благодаря которому термин «российская гражданская нация» сегодня «уже не режет слух нашим политикам» [21].

Во введении к сборнику В.А. Тишков вместе с другим редактором-составителем (им является В.А. Шнирельман – известный специалист в области изучения национальных проблем) определяют национализм как *«идеологический концепт и основанную на нем политическую практику, которые базируются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств, их хозяйственной, социальной и культурной жизни, и члены нации должны демонстрировать свою преданность, а государство и лидеры – ставить выше всего и отстаивать интересы нации»* [22]. Что касается национальной идентичности, то она, в свою очередь, определяется В.А. Тишковым как *«общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним»*. При этом подчеркивается, что «национальная

идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике — отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляют во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова» [23]. Позиция ученого, которую он последовательно заявляет в своих монографиях, статьях и интервью, строится на установке о России как «национальном государстве», которому исторически присуща «многонародность». Она предполагает доминирование политического принципа в утверждении «российской нации» как «общероссийской идентичности». С точки зрения В.А. Тишкова, «необходимо более последовательно утверждать понятия «нация» и «национальное» в общегосударственном и гражданском смысле, не отвергая существующую практику использования данного понятия в этническом смысле. Сосуществование двух разных смыслов для такого политически и эмоционально нагруженного понятия, как «нация», возможно в рамках одной страны. ... Главное – объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими, и понятия российский народ, российская нация, россияне не отрицают существование русского, татарского, осетинского, якутского и других народов нашей страны. Поддержка и развитие языков и культур народов России не противоречит признанию российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны» [24].

С предложенными определениями нации, национализма и национальной идентичности можно спорить, но ценно то, что создано поле для научной дискуссии, на котором в последнее время уже появились заслуживающие пристального внимания региональные исследовательские проекты [25].

Примечания

1. Автор разделяет мысль А.И. Миллера о том, что «феномен национализма по своей структуре и функциям заметно шире и многообразнее, чем политическое движение либо идеология, и понятие «дискурс» лучше всего подходит для его описания» (См.: Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra. 2007. май-июнь. Т. 11. №3 (37). С. 7).

2. См.: Паин Э. А. Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
3. Горбунов А. Сплочение и возрождение // Русский дом. 2005. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusdom.ru/oldsayte/2005/200507i/20050720.html> (дата обращения: 20.08.2011).
4. Зверева Г.И. Националистический дискурс и сетевая культура. Риторика «своих» и «чужих» в публичной политике, прессе и гуманитарной науке // Pro et contra. 2005. сентябрь-октябрь. С. 35.
5. URL: <http://ruformator.ru/news/article051E6/default.asp> (дата обращения: 20.08.2011).
6. Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. январь-март. №1 (99). С. 79 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.edu.ru/text/28325270/> (дата обращения: 20.08.2011).
7. Волобуев С.Г. Русская матрица. Перезагрузка [Электронный ресурс]. URL: <http://old.cskp.ru/clauses/438/c/4150/> (дата обращения: 20.08.2011).
8. URL: <http://www.rosnation.ru/> (дата обращения: 20.08.2011).
9. URL: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=244> (дата обращения: 20.08.2011).
10. Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? С. 72
11. Гуманитарные науки – инструмент достижения общенациональной идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qwas.ru/russia/sr/Gumanitarnye-nauki-instrument-dostizhenija-obwenacionalnoi-identichnosti/> (дата обращения: 20.08.2011).
12. Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 18.
13. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм: сб. ст. / ред. Б. Андерсон и др. М., 2002. С. 332.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма: пер. с англ. М., 2001.
15. Геллнер Э. Нации и национализм: пер.с англ. М., 1991.
16. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. С. 21.
17. Там же. С. 18-30.
18. Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007.
19. Кустарев А.С. Нация: кризис проекта и понятия // Pro et contra. 2007. май-июнь. Т.11. №3 (37). С. 70.
20. Олейников Д.И. Большая Кавказская война // Родина. 2000. №1-2. С. 55.
21. Паин Э. А. Россия между империей и нацией // Pro et contra. 2007. май-июнь. Т. 11. №3 (37). С. 42.
22. Национализм в мировой истории. С.24.
23. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. 2007. май-июнь. Т. 11. №3 (37). С. 28.
24. Его же. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения. 2007. № 72 [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html (дата обращения: 20.08.2011).
25. См.: Российская идентичность на Северном Кавказе / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С. А. Ляужева, А.Ю. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2010.

Особенности формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

К числу важнейших проблем истории Нового времени относятся проблемы формирования наций, закономерностей перехода от феодализма к капитализму, становления национального самосознания и национальных культур, развития национальных движений. Эти проблемы стояли перед всеми народами, но не все государства одновременно прошли через эти этапы развития. Изменения, которые происходили при этом в социально-экономической, политической и культурной сферах государств, были в общем однотипными, но отдельные регионы и страны имели свою специфику.

Интерес к национальным отношениям в разных странах современного мира постоянно растёт, и это понятно. В мире насчитывается около 2 тыс. наций, народностей, племён. При этом примерно 90% из них входит в состав многонациональных или многоплеменных государств.

Сложность национального вопроса как общественного явления обусловлена его объективным содержанием. На каждом этапе развития национальные отношения переплетаются с разнообразными социально-классовыми, экономическими, культурно-бытовыми факторами, огромное влияние на них оказывают исторические традиции, идеологическое и психологическое наследие прошлых лет. Немаловажное значение имеет и субъективный фактор. Являясь носителями тех или иных взглядов, настроений, национальных традиций, люди неизбежно привносят их в общественную жизнь. Национальные стереотипы и предрассудки особенно цепко держатся там, где в прошлом отношения между нациями были омрачены национальной враждой и недоверием.

Национально-этнические проблемы и межнациональные отношения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы привлекали и продолжают привлекать внимание историков. Исследованию подверглись различные аспекты этой многогранной темы: зарождение и становление наций в

Центральной и Юго-Восточной Европе, особенности национально-освободительного движения в регионе, создание национальных государств и др.

Характерной особенностью трудов отечественных исследователей является углублённый интерес к социально-экономическим предпосылкам формирования наций, к анализу роли социальных факторов в национально-освободительном движении. Наряду с изучением общих закономерностей в них отмечены и следующие специфические черты, которыми отличались исторические условия периода формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Во-первых, капитализм возник и развивался в регионе Юго-Восточной Европы позднее, чем в странах Западной Европы, что существенно сказывалось на социально-экономической и политической обстановке его развития. Как эти обстоятельства, так и специфика предшествующего развития феодальных отношений в европейских странах к востоку от Эльбы и незавершённость в большинстве стран этого региона буржуазных революций привели к утверждению здесь капитализма с сохранением значительных феодальных пережитков в социально-экономической области, политической структуре, духовной жизни общества. Развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути» существенно отличало восток Европы от Англии, Нидерландов, Франции, протестантской Германии.

Во-вторых, если на западе Европы формирование наций происходило в нормальных для капиталистического периода условиях национальных государств (Англия, Франция, скандинавские государства), либо в процессе борьбы за воссоединение государства на национальной основе (Германия, Италия), то в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы существовали сложившиеся ещё в XVI – XVII вв. многонациональные государства. Два из них – Австрийская и Османская империи, охватывающие почти весь регион, – были государствами, в каждом из которых господствующая нация составляла

лишь меньшинство, к тому же формирование её в силу конкретных исторических условий отставало от наций оттеснённых.

В-третьих, формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе протекало в условиях национально-освободительной борьбы. Все народы здесь находились на положении наций оттеснённых – либо на протяжении всего периода, либо были низведены на это положение уже на стадии формирования наций, либо, добившись независимости части национальной территории (сербы, греки, румыны, а к концу периода и болгары), продолжали борьбу за полный национальный суверенитет и за освобождение всей национальной территории.

Национальное движение в разных формах и в различной степени остроты было характерной чертой общественной жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, чертой, составляющей специфику данного региона в эту историческую эпоху [1]. У ряда славянских народов эта эпоха называется эпохой национального Возрождения (чешское оброзени, словацкое обродение, хорватский препород, болгарское възраждане).

Двумя важными составными частями этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы являются представления об общности происхождения представителей югославянского этноса и своеобразное отражение в обыденном сознании его объективных свойств [2].

Следует особое внимание обратить на социальную структуру славянских народов в данный период. Одна группа славянских народов (русские, поляки, хорваты, чехи) имели собственный феодальный или уже господствующий класс. Другая группа – украинцы, словаки, словенцы, сербы, болгары – входила в состав крупных многонациональных империй, где феодальный господствующий класс принадлежал другому народу. Даже в том случае, когда у некоторых из этих народов в ранние времена имелся собственный феодальный господствующий класс (украинский, словацкий), в рассматриваемый период он уже диссимилировался и сознательно влился в

инонациональный господствующий класс (русский, венгерский) [3]. У первой группы славян (русские, поляки, хорваты, чехи) во второй половине XVIII в. под сильным влиянием западноевропейского Просвещения развивалось собственное Просвещение. Что касается народов второй группы (украинцы, словаки, словенцы, сербы, болгары), то тут следует говорить о зачатках Просвещения, причём в большей мере это относилось к славянским народам Российской империи и монархии Габсбургов. С конца XVIII в. у всех славянских народов налицо сильное влияние западноевропейского романтизма, особенно его революционного варианта, уделявшего большое внимание развитию национального языка, литературы, фольклора, прошлому данного народа.

Отмечая неразвитость национальной дифференциации югославянского населения во второй половине XVIII в., исследователи обратили внимание на следующий факт. С развитием капитализма сербская нация стала складываться в основном из православного населения, в то время как одноязычное католическое население постепенно сформировалось в хорватскую нацию. Национальная дифференциация между сербами и хорватами явилась результатом всей совокупности особенностей их исторического развития, но водоразделом для неё послужило развитие религии [4].

Изучение вопроса формирования наций и межнациональных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе сопряжено с рядом трудностей, связанных с этнической пестротой региона. Благодаря усилиям учёных Института славяноведения РАН, Института этнографии РАН в последние десятилетия XX – начале XXI в. достигнуты значительные успехи в изучении кардинальных проблем этнической и национальной истории региона. Несомненной заслугой отечественных исследователей является оценка концепции австрославизма и связанных с ними федералистических программ национальных движений как конкретной формы соглашения славянской буржуазии и дворянства с реакцией [5]. Австрофедералистские иллюзии

нанесли ощутимый вред освободительным устремлениям славянских народов империи Габсбургов.

Обращает на себя внимание и ещё один вопрос – диалектическое единство двух тенденций в национальных взаимоотношениях в Австрийской империи: одна – национальная дифференциация, сплочение отдельных наций, борьба за национальную государственность и суверенитет, другая – всё большее экономическое и культурное сближение наций, интернационализация всей жизни общества, национальная интеграция.

Национально-освободительные движения XIX в. в странах Центральной и Восточной Европы являлись неотъемлемой частью борьбы буржуазного общества против феодализма, абсолютизма и национального гнёта. В национальных движениях классы вступали в многообразные отношения друг с другом, в зависимости от социальной структуры как угнетённой, так и угнетаемой нации. Различные течения в национальных движениях XIX в. отечественные учёные группировали в два основных направления – революционное и соглашательское [6]. Типологическая характеристика данных направлений позволила показать сущность национал-либерализма, сторонниками которого в Австрийской империи выступало большинство пропагандистов австрославизма.

В конце XVIII – первой половине XIX в. национальные процессы угнетённых народов Австрийской империи стали столь ощутимы, что вызвали развитие национального самосознания. При этом наиболее активные процессы происходили в районах наиболее интенсивной социально-экономической и культурной эволюции в процессе формирования национального самосознания. Роль ядра нации у сербов играли княжество Сербия и Воеводина, у хорватов – историческое «королевство» Хорватия, у словенцев – район Любляны и Марибора.

Формирование наций у южных славян в условиях чужеземного гнёта и при переходе от феодализма к капитализму вело к национальному пробуждению. У хорватов, например, национальное пробуждение нашло

выражение в иллиризме – общественном движении хорватских либеральных сил – дворянства и связанной с ним интеллигенции. Идея «Великой Иллирии» выражала стремление югославян к освобождению от чужеземного гнёта, но объективно способствовала их сплочению вокруг Габсбургской империи.

В годы, предшествовавшие революции 1848–1849 гг. в Хорватии шло становление национального самосознания, складывания общенациональной культуры, сближение хорватов с другими южными славянами [7]. В этих процессах немаловажная роль принадлежала иллиризму. Борьба сторонников иллиризма с мадьярами (провенгерской группировкой, выступавшей за союз Хорватии и Славонии с венграми), зарождение и развитие различных направлений в иллиризме и, наконец, его крах после победы контрреволюции в Габсбургской империи [8].

В первой трети XIX в. шло формирование и словенского национального самосознания. Для процесса его становления первостепенное значение имела фольклорная традиция и идея славянской взаимности. Однако на первом этапе словенского национального движения идея славянской солидарности носила культурный характер и не была оформлена в политическую программу. В 1830–1840-е гг. широкое распространение среди словенских национальных деятелей получили идеи иллиризма [9].

Годы кризиса Австрийской монархии (1859–1871 гг.) были временем формирования буржуазно-национальной идентичности у хорватов, словенцев и некоторых других угнетённых народов империи Габсбургов [10]. На смену австрославизму в Словакии после поражения революции пришли югославизм и русофильство. В качестве носителей югославизма определена либеральная интеллигенция, выражавшая интересы национальностей, по преимуществу торговой буржуазии. Югослависты продолжали линию иллиризма, пропагандировали теорию национального единения южных славян путём их сближения и сотрудничества.

Конечной целью югославизма было создание объединённого южнославянского государства, в практической деятельности югослависты

придерживались австрославизма, программы федерализации империи Габсбургов как способа национального освобождения и этапа на пути к конечной цели. Югославистская идеология заключала в себе некоторые возможности для сближения и сотрудничества южных славян (в отличие от панхорватизма или великосербства) [11]. Наибольшее распространение югославизм получил в Хорватии, но югославистские настроения выражала также печать словенских либералов и национально-радикального течения в Воеводине.

Деятельность просветителей способствовала росту национального самосознания югославянских народов, у которых в третьей четверти XIX в. активизируются процессы консолидации наций.

Последняя треть XIX в. характеризуется мощным национально-освободительным движением на Балканах. В этом движении немаловажная роль принадлежала Черногории, которая была одним из важнейших очагов антиосманского движения балканских народов. С особой силой роль этого небольшого славянского государства проявилось во время боснийско-герцеговинского восстания 1875–1876 гг., когда народные массы Черногории вынудили князя Николу вслед за Сербией объявить войну Турции.

Известный отечественный исследователь В.Г. Карасёв охарактеризовал буржуазно-национальные революции на Балканах как массовую вооружённую борьбу народа против иноземного ига за создание самостоятельных национальных государств [12]. Национально-освободительная борьба балканских народов была фактором, имевшим первостепенное значение для судеб балканского региона и оказавшим существенное влияние на внешнеполитические курсы великих держав, что в конечном итоге и определило исход борьбы против османской Турции.

Национальные движения в Европе оказывали немалое воздействие на балканские народы, усиливая их стремление освободиться от турецкого ига. Посол России в Константинополе Н. Игнатъев сообщал в Министерство иностранных дел, что и у славян «принципы национальностей получили право

гражданственности и разгруппировали по-своему то, что прежде обуславливалось исключительно вероисповеданием ... Вопросы национальные играют ныне и на Востоке слишком значительную роль, чтобы мы могли оставаться им чуждыми. Ныне уже не обуславливается, как прежде, национальность вероисповеданием» [13]. В основе российской политики на Балканах должна быть, по мнению посла, и «поддержка принципа народностей и в особенности того чувства ненависти к одряхлевшему турецкому владычеству, на котором единственно примиряются все разнородные элементы пёстрой империи» [14].

В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была освобождена Болгария, получили окончательную независимость Румыния, Сербия, Черногория, было ликвидировано господство Османской империи над обширными районами Балканского полуострова. На освобождённых землях была уничтожена прогнившая османская феодально-деспотическая система и расчищен путь для дальнейшего капиталистического развития буржуазных национальных государств.

Балканские народы, как подчёркивает Л.И. Нарочницкая, «показали свою жизненную силу, способность создать самостоятельные ... буржуазно-национальные государства» [15].

В начале XX в. в освободительном движении народов Центральной и Юго-Восточной Европы одной из главных продолжала оставаться национальная проблема. Большинство народов региона к этому времени так и не добились национального освобождения. Поскольку национальный гнёт испытывали все слои населения, борьба за национальные права приобретала общенациональный характер.

Национальная идеология у каждого славянского народа имела свои особенности, обусловленные, главным образом, его политическим положением. У менее развитых народов господствовал такой вид идеологии, как идеология славянской взаимности Яна Коллара, связывающая все или

некоторые славянские народы, или иллиризм, стремившийся уже к политическому сплочению целой группы славянских народов.

Нации на Балканском полуострове формировались в течение XVIII – XIX вв. Этот процесс сопровождался борьбой за духовную независимость и национальное освобождение, пробуждением национального сознания широких народных масс, созданием национального литературного языка, национальной литературы и науки. В процессе формирования наций деятели национального Возрождения в балканских странах постоянно опирались на богатые традиции славянских культур, подчёркивая духовное родство с ними или принадлежность к одной из славянских культур.

В целом борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за независимость и формирование буржуазных наций сыграли большую роль в становлении национальных суверенных государств.

Примечания

1. Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; Королюк В.Л. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян // Український історичний журнал. 1969. № 12; Его же. Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Советское славяноведение. 1970. № 5; Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв. М., 1978; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы в XIX в. М., 1980. С. 422–423; Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988; Краткая история Болгарии. М., 1989; Болгария в XX в. очерки политической истории. М., 2003.

2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

3. Нидерхаузер Э. Типы историко-культурного развития славянских народов // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. М., 1978. С. 35.

4. Лещиловская И.И. Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 91.

5. Освободительные движения народов Австрийской империи: возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980. С. 508.

6. Фрейдзон В.И. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (типологическая характеристика) // Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 34–50.

7. Лещиловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848–1849 гг. М., 1977. С. 54.

8. Лещиловская И.И. Иллиризм в истории Хорватского национального Возрождения. М., 1968.

9. Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение XIX в. и Россия. М., 1978. С. 44, 60–65.

10. Фрейдзон В.И. Материалы к историографии хорватского национального движения в период кризиса Австрийской монархии (конец 50-х гг. – начало 70-х гг. XIX в. // Славянско-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.

11. Злыднев В.И., Лещиловская И.И., Львова Е.П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур // История и культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 334; Буркут И.Г. Национально-этнические проблемы и межнациональные отношения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в советской историографии // Изучение национальных отношений в зарубежных странах. М., 1985. С. 136.

12. Карасёв В.Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х гг. XIX в. // Учёные записки Института славяноведения. М., 1966. Т. XXX; Советское славяноведение. 1979. № 1. С. 119.

13. Н. Игнатъев – П. Стремоухову. 10 января 1867 г. // Архив внешней политики России. Главный архив. У-А2, 1867. Д. 534. Л. 21 и 2/об; Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50–70-е гг. XIX в. Кишинёв, 1981. С. 497.

14. Никитин С.А, Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70 гг. XIX в. М., 1970. С. 158, 167.

15. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878 гг. М., 1978. С. 6.

Балканский национализм: «свой», «чужой»

Первое.

Национализм – как проблема «свой» или «чужой» – вечен и просматривается в самых различных явлениях в истории человечества, от племенной вражды бхутту и тутси до антисемитизма.

Второе.

Национализм чаще всего свойственен небольшим странам и народам, в которых сохранилась в высокой степени память о былом величии.

Третье.

Национализм присущ и титульным нациям в мультинациональных государствах.

Четвертое.

Национализм в своих формах различен и многоступенчат: от имен до этнических чисток, от анекдота до государственной политики.

Пятое.

Национализм связан с различным исповеданием веры на территории единого государственного пространства.

Шесть.

Национализм вспыхивает во время гражданской войны.

Семь.

Национализм, рождаясь на многофакторном территориальном поле, имеет шансы в нем и раствориться. От отдельного государства до Европейского союза и Всемирных штатов человечества.

Пожалуй, все из немногих вышеприведенных признаков свойственно народам Балканского региона, точнее, сербам и хорватам, македонцам и албанцам, сербам и босанцам, сербам и албанцам, сербам и черногорцам, сербам и македонцам, проживавшим ранее в бывшей СФР Югославии.

В их отношениях – от личностных до межгосударственных, от вероисповедных до историко-культурных -- очень ярко прослеживается феномен «свой» или «чужой».

Разумеется есть и общее: все они почти семьдесят лет жили в составе одного государства, в котором Белград играл и стремился играть главенствующую роль. Недаром его первое название было Королевство сербов, хорватов и словенцев. Других народов как бы не было, вернее, они входили в мир Великой Сербии во главе с сербской династией Карагеоргиевичей, потом, во времена социалистического многонационального «общежития» – в белградскую властную сферу.

Все это не могло не вызывать соответствующей реакции среди народов королевства. Наиболее страшно проявил себя хорватский национализм в годы второй мировой войны, когда хорваты, провозгласившие в апреле 1941 г. создание Независимого государства Хорватии (Далее – НГХ), начали планомерно проводить антисербскую политику вплоть до физического уничтожения сотен тысяч сербов, проживавших на территории созданного государства. Тому было множество причин.

Назову несколько. Разность культуры, прежде всего веры, в которой возрастали сербский и хорватский народы. Можно говорить о восточном (сербы) и западном (хорваты) мирах, каждый из которых веками жил и развивался сообразно своим историческим реалиям, в корне отличными от своего соседа. Вражду между этими народами «подогревали» и религиозная нетерпимость и национализм. Немалую роль сыграла и первая мировая война, в которой сербы и хорваты сражались в разных лагерях, и последующее подчинение Хорватии сербскому Белграду, ставшему столицей нового Королевства.

В этих условиях подчинение хорватов «диким» сербам могло восприниматься как временное.

Со своей стороны здесь могу только отметить, что сербы, переселявшиеся в Хорватию, называли ее «Новой Сербией», что, несомненно, только раздражало местных жителей.

И, пожалуй, еще одно мнение, на этот раз Адольфа Гитлера. Во время встречи с главой НГХ А. Павеличем, видимо в 1941 г., фюрер сказал, что «если хорватское государство желает быть совсем солидным, нужно пятьдесят лет вести национальную нетолерантную политику, так как чрезмерная терпимость в этих вопросах только наносит вред государству» [1]. Это можно расценивать как «разрешение хозяина». В то же время, если из фразы исключить слово «хорватское», это высказывание можно сравнить с имевшим хождение в разные времена в основном в небольших странах этнократическим тезисом о том, что «своя страна только для своих», хотя и с различными оговорками.

Напомню, что на территории нового государства оказалось примерно два миллиона сербов, исповедующих православие. Для них настали тяжелые времена. Они были «удобными и беззащитными» врагами в глазах усташей.

Если власти НГХ ставили своей задачей создание государства, в котором бы все были хорваты, то Римско-католическая церковь в Хорватии на первое место ставила окатоличивание или униатство. Две идеи слились в одну: все католики были провозглашены хорватами. Окатоличивание одновременно означало хорватизацию.

Министр МВД Андрей Артукович сказал 5 мая 1941 г. в Славонском Броде: «У нас нет милости! Мы знаем, что великая Хорватия может существовать только тогда, когда в корне истребим все то, что есть сербское» [2].

Летом 1941 г. были приняты постановления о перемене названий мест, которые напоминали на сербский народ, сербскую веру или историю. Так, Српска Митровица стала Хрватска Митровица, Сремски Карловцы – Хрватски Карловцы, Српско полье и Српска Капела – Хрватско Полье и Хрватска Капелла [3].

Тогда же принимались и другие распоряжения: об увольнении со службы всех сербов, которые переселились в Хорватию после 1900 года, и их потомков, об изымании имущества у добровольцев (сербов) первой мировой войны, т. е.

возможности государства конфисковать землю и все постройки на ней без компенсации [4].

Сербский вопрос решался и через создание концлагерей, где шли массовые убийства. Наряду с лагерями, убийства шли в других местах (шахты), где можно было быстро убрать следы преступлений [5].

Спецкомиссия, созданная Синодом Сербской православной церкви, заключила, что только в 1941 г. и в первой половине 1942 г. убито около 800 000 сербов около 300 000 изгнано в Сербию и покатоличено около 240 000 сербов [6].

В мае 1945 г. НГХ исчезло с политической карты мира, но хорватский национализм продолжал жить, вспыхнув с новой силой во время развала СФРЮ. В 1991 г. была образована Республика Хорватия. Однако хорвато-сербские отношения нельзя назвать нормальными уже потому, что в Хорватии продолжает встречаться лозунг «все сербы на вербы». Само сербское население год от года уменьшается.

И последнее: самолетом из Загреба в Белград нужно лететь через Вену.

Примечания

1. Ђурић В. Мишина. Српска православна црква у Независној држави Хрватској 1941-1945 године, Ветерник, 2002. С. 24.
2. Там же. С. 25.
3. Там же.
4. Ђурић В. Усташе и православље Хрватска православна црква, Белград, 1989. С. 57.
5. Там же. С. 58.
6. Там же. С. 102-103.

**О природе национализма балканских славян в последней четверти
XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы)**

Национализм – одно из важнейших политических состояний и потому, еще и как чисто историческое явление, не утрачивает своей значимости и сегодня, в наш безумно динамичный век глобализации. Задача настоящей работы, крайне ограниченной в своем объеме, заключается в определении основных параметров исследования сущностных характеристик славянского национализма на региональном уровне, применительно к Балканам [1], снискавшим за свой долгий век исторического развития немало дерзких эпитетов, среди которых особенно известным предстает «пороховой погреб Европы» [2], необыкновенно ярко характеризующий основные векторы политического развития Балкан. Безусловно, привлекает внимание и обозначение балканского региона в качестве части глобальной «дуги нестабильности» [3], произведенное в работе кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН П.А. Искендерова [4]. Этот исследователь опирался в плане трактовки обозначенного выше понятия на материалы Доклада Национального разведывательного совета США, опубликованные в Москве в 2009 г. [5].

Принимая во внимание подобного рода эпитеты, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами их детерминации, указывающими на национализм, связанный с процессом возникновения независимых государств у балканских славян. Исторический опыт дает основания полагать, что национализм как политическое явление родился именно на Балканах и получил здесь импульс для дальнейшего развития, достигнув своего апогея в истории Третьего Рейха. Поэтому исследование специфики и природы балканского национализма, с нашей точки зрения, весьма важно и актуально не только на региональном уровне, но и в общеисторическом масштабе, с целью обозначения всей полноты реконструирования причинно-следственного комплекса, спровоцировавшего воплощение национал-фашистской идеологии в жизнь. Собственно для Балкан

разработка подобной тематики детерминируется, прежде всего, необходимостью реконструирования исторических трендов развития и определения вектора их направленности. Реализация подобного рода задач вполне может быть сопряжена с механизмами прогнозирования, актуализованными на основании простейшего принципа «прошлое детерминирует настоящее», в котором, естественно, главным выступает момент определения границ детерминации.

Национализм как категория, абстрагированная от Балкан, имеет множество дефиниций и политических оттенков. Прежде чем перейти к рассмотрению концептов относительно национализма, нам представляется необходимым отметить, что, с нашей точки зрения, проблема его возникновения восходит буквально к началу истории человеческого общества, к рубежной хронологической рамке в 40 тыс. лет назад, связанной с появлением человека разумного (кроманьонца), у которого в достаточной степени хорошо была развита речь. Уже тогда, в древнеродовую эпоху существовала дихотомная модель понятий «свой-чужой», которая и явилась платформой для возникновения наций. Следует отметить, что в данной своей позиции мы несколько приближаемся ко взглядам примордиализма [6], сторонников которого практически не осталось в наше время.

Итак, чисто в историографическом отношении можно обозначить несколько направлений в исследовании феномена национализма. Наиболее развитыми предстают западноевропейские школы, в рамках которых особенно выделяются направления культурного эволюционизма и индустриализма (К. Дойч [7], Б. Андерсон [8], Э. Геллнер [9]), а также направления, изучающие национализм с точки зрения проблемы властных отношений (Э. Гидденс [10], А. Манн [11], Ч. Тилли [12], Л. Колли [13], Д. Холл [14]). Характерной чертой для западноевропейской историографической науки в целом является также использование принципа зонально-географического деления Европы по типам национализма (Т. Шидер [15], Д. Пламенац [16], Э. Геллнер), необыкновенно органично характеризующего в плане националистических движений Балканы,

и в особенности, если речь идет о теоретических моделях американского историка Х. Кона [17], сформулированных в его работах 50–60-х гг. XX в. [18]. В основе его научной конструкции находится принцип бинарной оппозиции западноевропейского национализма с национализмом «периферийной» Европы, имевшим принципиальные отличия не только в плане хронологии и условиях формирования, но и в сущностно-специфических чертах. С точки зрения Х. Кона, подъему национализма на Западе предшествовал процесс возникновения государств, которым только предстояло стать национальными. Поэтому национализм там с самого начала носил ярко выраженную политическую мотивацию и был теснейшим образом связан с реализацией концепции гражданской свободы посредством теснейшего взаимодействия с комплексом государственных структур, понимаемых сквозь призму теории общественного договора. Периферийный же национализм, по Х. Кону, в отличие от западноевропейского, был направлен против существующих государственных образований, в рамках которых границы этносов, обретавших в процессе модернизации культурную идентичность, не совпадали с границами существовавших тогда государств. При этом Х. Кон отмечал, что для периферийного национализма, обращенного в своих апеллятивных характеристиках к прошлому, было свойственно активное тяготение к имитации форм западноевропейской государственности.

Таким образом, принимая во внимание концепцию национализма Х. Кона, соотносимую с проблемой властных отношений, мы теперь имеем возможность гораздо осознаннее подойти к вопросам типологии национализма и более явственно воспринять характеризующие передовую и периферийную Европу понятия гражданского и этнического национализма. Последний термин смущает нас своим фонетическим звучанием, подкрепляемым еще и смысловой тавтологией. Причиной тому является многозначность трактовки термина «нация», от которого, собственно, и происходит термин «национализм». Одна из основных проблем заключается в соотношении категорий «этнос» и «нация», которые зачастую признаются в науке близкородственными. С нашей точки

зрения, этнос исторически предваряет собой нацию и характеризуется общностью языка, территории, определенным типом организации хозяйственно-экономической системы и религиозно-бытовых обрядов. Важной категорией, подводящей выше обозначенные признаки под понятие этноса, выступает традиционное право, зачастую существующее в устной форме, а также неразвитость властных структур. Момент перерастания этноса в нацию начинается тогда, когда в рамках этнических групп наблюдается генезис административно-налоговой и судебно-правовой систем, совпадающий с этапом формирования государственности и, отчасти сам по себе, являющийся ее свидетельством. При этом термину «этнос» соответствует понятие «народность», а термину «нация» – понятие «народ». Важно обратить внимание, что мы в данном случае говорим именно о соответствии, а не об отождествлении, поскольку обозначенные категории обладают разным дефиниционным порядком: термины «этнос» и «нация» предстают категориями социально-политическими, в то время как понятия «народность» и «народ» – социально-историческими. Таким образом, именно ввиду четкого разграничения, с нашей точки зрения, для настоящего исследования понятий «этнос» и «нация», соотносимых с понятиями «народность» и «народ» соответственно, нам и представляется весьма неудачным термин «этнический национализм», довольно часто употребляющийся в науке в отношении славянских стран Балканского полуострова.

На протяжении определенного хронологического отрезка времени в силу ряда исторических причин балканские славяне не могли иметь собственных государств, находясь под властью Австро-Венгерской монархии и турок-осман. Изменения в исторических судьбах славянских народов на Балканах начались в последней четверти XIX – начале XX вв. и были связаны с эпохой русско-турецкой (1877-1878 гг.) и первой мировой (1914-1918 гг.) войн, вызвавших собой процессы формирования суверенных государств на национальной основе. Национализм стал выступать не только интегрирующим фактором, как в эпоху национально-освободительных движений, являя собой, прежде всего,

форму сознания народа, но еще и способом формирования геополитического пространства. Следует отметить, что когда речь идет о границах, национализм с позиций чисто морально-этических всегда предстает предпочтительнее историзма, поскольку воспринимается в ментальных структурах народов, как изначальная, идущая сверху, т.е. от Бога, данность, и потому в этом смысле даже сакрализованная (этим, кстати, отчасти и объясняется взаимосвязь национализма с различными религиозными доктринами – исламом, ваххабизмом, православием и др.).

Однако, когда речь идет о «другой Европе», включающей в себя и Балканы, подъем национализма следует воспринимать еще и в модернизационном контексте, поскольку балканские страны вступают в новый период не только политического, но и социально-экономического становления. Абстрагируясь от эмпирической конкретики, ввиду ограниченности объема работы, заметим, что основные параметры исторического развития балканских государств на рубеже веков отличались крайне слабой динамикой, вероятно именно тогда за ними и закрепилось весьма нелицеприятное утверждение о том, что они «именуются европейскими только из вежливости». На наш взгляд, низкий уровень развития правовой и политической доктрины в балканских странах после образования суверенных государств популяризовал национализм, который подменял собой официальную государственно-идеологическую доктрину, основанную на демократических ценностях, а также помогал обеспечить мобилизацию различных социальных сил в период перехода к капиталистической экономике. Это есть крайне важное, с нашей точки зрения, обстоятельство, которое и выступает одной из важнейших специфических черт балканской политической практики, поскольку мы зачастую сталкиваемся здесь с проблемой не «национализма ради демократии», но «национализма ради национализма», и эта тончайшая подмена понятий не должна упускаться из виду. И следует также отметить, что последняя из двух предложенных нами формул ведет, в конечном итоге, к разобщению близкородственных народов, к мелкому этническому дроблению,

нивелирующему, с нашей точки зрения, в крайних случаях даже жизнеспособность этноса.

Другим важнейшим моментом исследования выступает опора славяно-балканского национализма на церковь, в большей или меньшей степени, в зависимости от исторической конкретики каждого отдельно взятого народа. На Балканах сталкиваются две церковные структуры – католичество, имеющее глубокие корни в Австро-Венгерской монархии Габсбургов, и православие, объединяющее балканских славян в пределах Османской Империи. Чисто в организационном отношении между католичеством и православием наблюдается существенная разница, поскольку католическая церковь воспринимается как транснациональная, и прежде всего, ввиду унификации богослужения на латинском языке; православие же, допускающее практику совершения богослужения на родном языке, невольно создает, кстати, не совсем желательную для себя возможность возникновения национальных церквей (филетизм, т.е. принцип «племенного деления» порицается).

Однако вне зависимости от варианта христианского вероисповедания можно утверждать, что по мере социально-экономического развития церковь продолжала сохранять свою общественно-политическую значимость, закрепив за собой и ряд материальных привилегий (к примеру, и на протяжении всей первой половины XX столетия она продолжала оставаться крупнейшим землевладельцем в рамках монархических режимов Югославии и Болгарии).

Утверждая выше обозначенное, следует отметить, что рубеж XIX–XX вв. являет собой один из переходных моментов от нового к новейшему времени, в рамках которого господствовала уже иная, по сравнению с предшествующим этапом исторического развития, система ценностей, где религия уже не выступала доминирующим и регулирующим фактором. Применительно к Западной Европе бывшее место религии было занято буржуазным правом, чему во многом способствовали секуляризационные процессы эпохи Реформации. Однако это не совсем применимо к Балканам, где в буквальном смысле слова происходило столкновение демократическо-правовой доктрины с религиозной

системой ценностей, не принимающей ограничений церковно-идеологического пространства (причем первая проигрывала второй, главным образом, ввиду своей незрелости). Здесь опять можно подойти к проблеме обусловленности и заметить, что подобного рода активная политическая роль церковного института в рамках государственных структур была детерминирована опять же уровнем социально-экономического развития и спецификой капитализации балканских стран. То есть феодализм не был еще пережит на рубеже XIX – XX вв. не только как способ производства (особенно в аграрно-патриархальной крестьянской среде), но и как способ мышления. Поэтому, при всей декларативности светских форм балкано-славянской государственности, церковные структуры продолжали сохранять свою значимость, участвуя в политических процессах и отчасти даже формируя их направленность, пусть даже и по заказу светских структур. Сравнительно-ролевые характеристики славянских религиозных институтов на Балканах могут и должны выступать предметами детального научного исследования, и прежде всего с точки зрения их политической функциональности. Развернутый эмпирический материал позволит доказать или опровергнуть актуализованную роль церкви в ракурсе ее причастности к доктрине балканского национализма. Пока же, на основании гипотетического тезиса, мы считаем необходимым ввести в научный оборот новый термин «латентного преобладания» относительно славяно-балканских церковных структур, и Болгарской православной церкви в частности. Способ взаимосвязи латентно преобладающей церкви с националистической доктриной Балкан также должен выступить в данном случае предметом детального исследования. С уверенностью можно отметить следующее обстоятельство, что сама по себе связь церкви с национализмом для обозначенных хронологических рамок не нова: к примеру, национализм, объединенный с ортодоксальной христианской идеологией, в период османского господства являл собой прообраз государственно-идеологической доктрины. Но затем последовал момент освобождения государств и образования независимых политических единиц. И мы опять можем наблюдать факт взаимодействия национализма с

религиозной доктриной, но уже на принципиально ином качественном уровне. При этом в наших рассуждениях понятие «принципиально иной уровень» обозначает только новую направленность вектора во взаимосвязях и взаимодействиях национализма с религиозным мировоззрением, но не конкретизирует сам характер, способ и условия этих связей. И как раз вот именно это последнее обозначенное обстоятельство и является совершенно неизученным для балканистики как науки. Способ взаимосвязи балканского национализма с религиозно-христианской доктриной самой по себе и христианской церковью как институтом, воспринятый сквозь призму исторической детерминации в плане уровня социально-экономического развития, и представляет собой, с нашей точки зрения, главную специфическую черту, характеризующую природную сущность балканского национализма. Учитывая некоторую «одинаковость» исторических судеб балкано-славянских государств в плане отсутствия до определенного момента времени суверенной государственности, можно попробовать задать некоторую унификацию форм взаимосвязи национализма с церковью в догосударственный и государственный периоды и получить опять же эмпирическим путем «безусловную» и «условную» формы взаимосвязи. Критерии, детерминирующие «условность» или «безусловность» в различных исторических условиях, также должны быть обозначены, равно как и факторы, вызвавшие их смену или эволюцию.

Таковы, с нашей точки зрения, основные параметры исследования природы балкано-славянского национализма, принимавшего на протяжении своего исторического развития совершенно различные формы: от способа народного самосознания до механизма формирования геополитического пространства.

Примечания

1. Балканами или Балканским полуостровом именуется южная часть Европы, охватывающая 505 тыс. кв. км. и включающая в себя Болгарию, Албанию, большую часть Греции, территории бывшей Югославии, часть Румынии и Турции.

2. Данный эпитет закрепился за регионом в международно-дипломатической практике еще в конце XIX в.

3. Согласно материалам Доклада Национального разведывательного совета США так называемая «дуга нестабильности» простирается «от региона южнее Сахары в Африке через

Северную Африку на Ближний Восток, Балканы, Кавказ, Южную и Центральную Азию и часть Юго-Восточной Азии».

4. Искендеров П.А. Балканский регион как часть глобальной «дуги нестабильности»//http://www.perspektivy.info/oikumena/balkan/balkanskij_region_kak_chast_globalnoj_dugi_nestabilnosti_2010-10-13.htm (дата обращения 27.08.2011.)

5. Мир после кризиса. Глобальные тенденции - 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М., 2009. С.127-128.

6. Примордиализм (эссенциализм) – направление в этнологии, утверждающее изначальность существования прототипов наций, равно как и постоянство культурных свойств определенной этнической общности. Последнюю часть определения мы категорически неприемлем, поскольку сам факт утверждения абсолютного постоянства и неизменности чего-либо отрицает динамизм исторического развития.

7. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. N.Y., 1966.

8. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

9. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983.

10. Giddens A. The Nation State and Violence. Berkeley, 1984.

11. Mann M. Emergence of Modern European Nationalism//Transition to Modernity. Cambridge, 1992.

12. Tilly Ch., ed. The Formation of National States in Europe. Princeton, 1975.

13. Colley L. Britons: Forging the Nation. 1707-1837. New Haven, Conn., 1992.

14. Hall J. Nationalisms: Classified and Explained. Daedalus, 1993.

15. Schieder Th. Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa//Historische Zeitschrift. Bd. 202, 1966.

16. Plamenatz J. Two Types of Nationalism//Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea. London, 1976.

17. Со своей стороны мы считаем необходимым сделать важную оговорку о том, что, принимая в научно-концептуальном отношении модель Х. Кона, мы для себя подчеркиваем принципиальное видение разницы между процессами складывания нации и процессами проявления национализма.

18. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. N.Y., 1955.; Idem. The Idea of Nationalism. N.Y., 1967.; The Age of Nationalism

Из истории славяноведения в Кубанском государственном университете

Славяноведение как комплексная дисциплина, находящаяся на стыке истории, филологии, этнографии, лингвистики, имеет в России давние университетские традиции. В данной статье предпринята попытка обратиться к региональному контексту развития славяноведения в рамках Кубанского государственного университета. Работа написана при поддержке РГНФ исследовательского проекта № 10-01-38104 а/Ю.

Следует отметить, что первые десятилетия истории вуза являлись не лучшим временем для развития славистических дисциплин. Славяноведение, процветающая до революции сфера историко-филологической науки, подверглось остракизму со стороны советских властей и обновлённого научного сообщества. Давние традиции изучения славянских культур не соответствовали классовым канонам пролетарского интернационализма. Славяноведение постепенно уничтожалось как в научно-организационном плане (ликвидация академических структур, закрытие кафедр и др.), так и в отношении кадрового состава (тяжёлые материальные условия, репрессии, переквалификация, эмиграция) [1]. На развитие научных и учебных направлений в Кубанском педагогическом институте, связанных со славяноведением (не афишировавшим эту связь по понятным причинам), в 1920-х – начале 1930-х гг. оказали влияние 2 фактора: насаждение в языкознании «яфетической теории» академика Н.Я. Марра и украинизация Кубани.

Созданному в 1920 г. Кубанскому государственному университету поначалу повезло: его ректором стал Никандр Александрович Маркс, известный специалист в области азбук-прописей XVII в. Он же возглавил кафедру славяно-русской полиграфии на социально-историческом факультете. Н.А. Маркс считал, что обучение студентов чтению древнерусского письма

должно вестись на основании знакомства с рукописями [2]. Учёный издал фундаментальный факсимильный сборник образцов письма XIII – XVIII вв.

Однако в это время в СССР стали предприниматься попытки внедрения марксизма в число других гуманитарных наук, в том числе и в славянское языкознание. Согласно «новому учению о языке» Н.Я. Марра утверждалось, что язык – надстроечная категория и классовое явление. Марр придал своей «яфетической теории» не только общелингвистический, но «социально-формационный характер». Провозгласив единство глотогонического процесса, он утверждал, что все языки мира берут начало от так называемых четырёх элементов (сал, бер, йон, рош) и в дальнейшем развиваются стадийно, посредством взрывов прежней структуры в ходе социального развития [3]. Лишь развернувшаяся по инициативе И.В. Сталина в июне 1950 г. дискуссия по вопросам языкознания вскрыла антинаучный характер учения Марра. Но 1920-е–1930-е гг. последователи Марра в рамках провозглашённой борьбы с «врагами пролетариата» акцентировали внимание на коренных отличиях материалистического языкознания от буржуазного сравнительно-исторического языковедения.

Парадокс заключался в том, что марризм поддержали те учёные Кубанского пединститута, которые своим происхождением и полученным образованием, казалось, были вовлечены в орбиту традиционного славянского языкознания. Это хорошо видно на примере научного творчества Ромуальда Казимировича Войцика (1888–1959). Поляк по происхождению, выпускник историко-филологического факультета Московского императорского университета [4], он возглавил кафедру русской литературы, руководил работой словесного кабинета [5], с увлечением читал лекции по отечественной и зарубежной литературе. Но подобно многим своим переквалифицировавшимся коллегам, он пережил «детскую болезнь» увлечения «яфетической теорией» Марра. В 1925 г. в IX выпуске «Известий общества любителей изучения Кубанского края» Р.К. Войцик опубликовал статью о «новом учении», где с восторгом писал о перспективах привлечения

марризма в русскую филологическую науку. В самих формах грамматических категорий, считал краснодарский профессор, язык «отражает строй общности тех далёких творческих эпох». Например, «название сословие происходит от названий племён, скрестившихся в данном народе». Русское слово «смерд» «унаследовано от сословной клички, от сибилантной разновидности *smeg-iber*. На анализе слова «смерть» акад. Марр устанавливает связь доиндоевропейских русских земель с Ираном, Кавказом» и др. [6].

Р.К. Войцика привлекал в марризме и другой аспект социологического характера, связанный со степенями сравнения имён прилагательных. «Существование степеней сравнения, – писал Войцик, – является отражением общественного строя. Прилагательные, распределённые по трём степеням сравнения, являются принадлежащими прародины трём соответственно социально расположенным сословиям, выработавшимся на основе трёх племён. Так, племенное название «русов» появляется в другой разновидности – *iud*; луч-ше, основа «луч» – слово яфетическое» [7]. Основные черты «яфетической теории», по мнению Р.К. Войцика, имели «актуальное значение для работы над вопросами краеведческой филологии».

Марристкие фантазии подрывали основы традиционных курсов «Старославянский язык» и «Сравнительная грамматика славянских языков». Поэтому большинство филологов-славистов, поняв бесперспективность дальнейших разработок в данном направлении, возвращалось постепенно на позиции классического языкознания.

Существенное влияние на славянскую филологию и историю в Кубанском педагогическом институте оказала украинизация, которая носила принудительный характер. Само учебное заведение в этот период получило название Северо-Кавказского украинского педагогического института им. Мыколы Скрыпника. В его рамках действовало украинское отделение, на котором обучалось более сотни студентов. В 1929 г. было подготовлено и выпущено 19 специалистов в области украинского языка и культуры [8]. Историки и филологи Краснодарского пединститута С.Г. Грушевский, И.В.

Шаль, Г.Г. Григор, М.А. Садиленко, И. Кулиш и др. создавали научную базу украинизации края [9]. В начале 1932 г. для активизации украинизации на Кубани, по поручению парткома пединститута, профессор-филолог Иван Васильевич Шаль (1893–1937) и доцент Пётр Васильевич Гребенюк (1899–?) заключили с краснодарским книжным издательством договор о выпуске адаптированных к сложной языковой ситуации украинских учебников. С целью более быстрого написания таких учебников парторганизация Краснодарского пединститута решила применить «бригадный» метод. В помощь профессору Шалю и доценту Гребенюку был дополнительно назначен целый коллектив, состоявший из шести преподавателей Краснодарского пединститута [10]. Особой активностью в этом направлении отличался преподаватель украинского языка и литературы Михаил Афанасьевич Садиленко (1882-1973), который одно время возглавлял украинское отделение института [11]. Именно он выдвинул гипотезу об особой устойчивости кубанского диалекта, согласно которой этот диалект есть вариант украинского языка, максимально полно сохранивший свою первоначальную сущность. В области украинского литературоведения на Кубани он прояснил ситуацию с авторством поэмы «Харько, запорожский кошевой» [12].

Историки Краснодарского пединститута рассматривали тогда историю кубанского казачества в контексте исторического прошлого украинского народа. Эта позиция нашла отражение в книге «О кубанском казачестве» М.И. Лолы, который непродолжительное время возглавлял вуз. Лола пришёл в науку и к руководству учебным заведением из профессиональных партийцев, инициаторов украинизации [13]. Его книга преследовала цель популярно объяснить казаку-хлеборобу причину противостояния с иногородними и показать «истинного врага» всех трудящихся – «панов» [14]. Процесс классового расслоения в кубанском казачестве активно изучал И. Кулиш [15]. Более года заведовал кафедрой истории Украины в Краснодарском педагогическом институте Сергей Григорьевич Грушевский (1892–1937) [16]. Именно он написал первое советское исследование по дореволюционной

историографии Кубани [17]. Он же в соавторстве с В. Козыревым разрабатывал план полной украинизации института, который должен был стать полностью украинским к 1 января 1934 г. [18]. Но 26 декабря 1932 г. Краснодарский райисполком издал постановление о прекращении украинизации Кубани. А в январе 1933 г. ОГПУ завело дело об украинской кубанской самостоятельной организации «Союз Кубани и Украины». Согласно материалам дела, активисты этого Союза профессора И.В. Шаль, С.Г. Грушевский, заведующий кафедрой украинской литературы П.В. Гребенюк, ассистент кафедры истории И.С. Коцюберда проводили агитацию «самостоятельных идей среди кулацко-белогвардейских элементов, кулачества и украинцев» [19]. Используя легальные возможности, которые давала украинизация Кубани и прилегающих к ней областей, «Союз Кубани и Украины» якобы успел до своего разоблачения создать ячейки в 12-ти из 36 украинизированных районов Северного Кавказа.

Так или иначе, научная деятельность Краснодарского пединститута в годы украинизации акцентировала внимание на межславянские связи. Не случайно связи со славянскими странами профессоров и преподавателей вуза были поставлены им в вину в ходе репрессий 1930-х годов. Например, известный историк, публицист и географ, профессор геологии Краснодарского педагогического института Григорий Григорьевич Григор (1884–?) проходил по так называемому «делу славистов» [20]. Р.К. Войцик обвинялся в том, что «в 1931 г. находился в Киеве и, состоя профессором Польского Пединститута, входил в состав Польской военной организации, проводившей повстанческую и разведывательную работу по заданию II отдела Польского генерального штаба» [21]. «Союз Кубани и Украины», утверждалось в материалах ОГПУ, установил связь с эмигрантскими кругами в Праге [22].

В 1930-е годы в Краснодарском пединституте начинается творческая деятельность выдающегося советского учёного-казаковеда В.А. Голобуцкого. Работая в Краснодаре, он защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую дипломатической подготовке Переяславской Рады 1654 г. [23]. Накануне войны этот исследователь продолжил линию изучения социального расслоения

в среде казачества и сосредоточил свое внимание на разрушении мифа о «рыцарстве» запорожского и черноморского казачеств. И надо отдать ему должное – сумел это сделать, оперируя внушительными документальными данными, придав им слишком острый политический акцент, обязательный для советской исторической науки [24]. Кроме того, В.А. Голобуцкий обнаружил интересные документы о связях запорожского казачества с южными и западными славянами. Правда, востребованными эти материалы стали лишь в середине 1950-х – начале 1960-х гг., когда учёный работал на Украине и опубликовал свои фундаментальные монографии «Запорожское казачество» и «Черноморское казачество».

Культивирование отрицательного отношения к славяноведению, вульгарное социологизирование, пренебрежение к славянским древностям и русской дореволюционной историографии стали ослабевать лишь с угрозой и началом Второй мировой войны. Одновременно с идейным разгромом сугубо «классовой» школы М.Н. Покровского увенчались успехом усилия ведущих историков-славистов по реабилитации исторического славяноведения. Патриотические настроения и соображения о повышении престижа науки убедили советское руководство в необходимости возрождения этой научной дисциплины в СССР. Начало войны показало насущную необходимость знания истории, языков и культуры славянских народов, большинство из которых были оккупированы фашистами и вступили в ряды бойцов Сопротивления. Многие профессора и доценты Краснодарского пединститута развернули большую агитационно-пропагандистскую деятельность. Так, доцент М.В. Покровский в 1941–1943 гг. напечатал ряд статей и очерков о кубанских пластунах в газетах «Красная звезда», «Большевик» и в альманахе «Кубань». Уникальную воинскую культуру пластунов, накопленные ими знания и опыт М.В. Покровский считал необходимым востребовать в сражениях Великой Отечественной войны [25].

В послевоенный период в Краснодарском пединституте возрождается славянское языкознание и литературоведение славянских стран. А.Л.

Факторович вспоминал: «Мы учились по учебникам зарубежной литературы, изданным, естественно, в Москве, преимущественно в издательстве «Высшая школа» под грифом профильного министерства, где почти все разделы были написаны москвичами. А несколько разделов – нашими замечательными педагогами с кафедры зарубежной литературы. Её создателем, великим американистом Николаем Ивановичем Самохваловым, которому принадлежат разделы по истории американской литературы, и всеобщим любимцем и кумиром Анатолием Ивановичем Лазурским, которому принадлежали разделы по польской и чешской литературам. При том, что количество часов на эти славянские литературы было невеликим, студенты, благодаря вот такой исключительной авторитетности источников, их доступности (к слову, эти учебники были, к счастью, очень тиражными), студенты погружались в это направление просто-таки с головой. При этом польской литературой увлекался ещё один преподаватель – Станислав Николаевич Чумаков, у которого писали по этим проблемам курсовые работы.

Славянские литературы представляли ещё в одном обличье – в рамках курса литературы народов СССР. На таких корифеев украинской, белорусской литературы, как Тарас Шевченко, как блистательный классик-белорус, проживший всего лишь двадцать шесть лет, Максим Богданович, обращали внимание специалисты, читавшие курс. В разное время его вели Михаил Максимович Савченко, доктор наук, профессор; исключительно талантливый доцент Татьяна Константиновна Беляева, позднее работавшая и до сих пор работающая в Москве; далее этот и родственные курсы стала вести необыкновенно талантливая преподавательница, ныне профессор, завкафедрой современной отечественной литературы Лариса Порфирьевна Голикова, на лекциях которой все студенты сидели и сейчас сидят, затаив дыхание. То есть, о славянских литературах получалось достаточно полное представление» [26].

Филологи-слависты Краснодарского педагогического института, а с 1970 г. – Кубанского государственного университета, действительно внесли весомый вклад в изучение славянского литературоведения. Долгое время на

филологическом факультете трудился Владислав Павлович Попов (1942–2006), доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Более 30 лет он занимался проблемами славянофильства, его связями с русской литературой и религиозной философией. В 1985–1988 г. В.П. Попов преподавал русскую литературу в Университете Николая Коперника в г. Торунь (Польская народная республика). Здесь вышла его монография «Славянофилы и русские писатели». Будучи славянофилом по духу и убеждениям (писатель Валерий Ганичев даже называл Попова «форпостом славянофильства на Северном Кавказе» [27]), Владислав Павлович считал, что русская философия и русская литература синтезировали традиционный спор западников и славянофилов «на основе национальности и народности. В истории же этого синтеза не произошло – было целенаправленное уничтожение славянофильства и почвенничества, а западничество сначала упростилось до одного марксизма, а потом превратилось в либерализм и русофобию» [28].

Профессор КубГУ Лариса Порфирьевна Голикова известна своими работами по истории межнациональных литературных и культурно-исторических связей [29]. В 1996–1998 гг. она преподавала современную русскую литературу и практический русский язык на кафедре русистики факультета Константина Философа в г. Нитре (Словакия). В 2000 г. учёный заняла первое место в конкурсе Кубанского государственного университета за учебное пособие «Россия и Словакия: литературные контакты». В этой книге Л.П. Голикова уделила значительное влияние литературным связям И. Срезневского, Я. Коллара, П. Шафарика, Л. Штура, пушкинским традициям в поэзии А. Сладковича. Интересно представлены обзоры словацкой литературы в русских изданиях А. Пыпина и В. Спасовича, переводы со словацкого О. Бодянского, словацкое народное творчество в России. Различные аспекты словацко-русских литературных контактов Л.П. Голикова представила в разделах, посвящённых русской эмиграции в Чехословакии, влиянию русских классиков на формирование словацкой литературной прозы [30].

На кафедре зарубежной литературы с 1970 г. успешно трудится доцент, кандидат исторических наук Станислав Николаевич Чумаков [31]. Учёный увлечённо исследует проблемы истории польской поэзии, творчество крупнейшего поэта польского Возрождения Яна Кохановского [32].

Интенсивно исследуются на филологическом факультете кубанские говоры (О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина), народная проза восточнославянского населения края, фольклор малых жанров, календарный обрядовый фольклор (Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова).

После преобразования Краснодарского пединститута в университет активно развивалось в рамках учебного процесса славянское языкознание. А.Л. Факторович вспоминал: «Славянские языки, так называемые современные славянские языки – это, можно сказать, одна из жемчужин филологической подготовки в нашем вузе. Во-первых, когда эти курсы только в рамках университета ввели в программу как обязательные, посчастливилось, что некоторые из них преподавали носители языка. Скажем, у нас польский язык провела Елена Позырянская, этническая поляка. Да и в дальнейшем студентам везло с такими преподавателями. Но особенно высокий уровень подготовки в этом направлении сложился, когда преподавать современные славянские языки стали наши филологи, владеющие этими языкам в совершенстве. Поскольку по многу лет работали в таких странах, как Чехия, Словакия, Польша, Болгария, а во-вторых, блестяще владели вузовской методикой. Это – Людмила Алексеевна Лебедева, Лариса Ивановна Бойкова, Елена Николаевна Лучинская, Сергей Александрович Микинтесов. И, к слову, среди наших студентов, коренных, так сказать, русаков, россиян, были и, возможно, и есть те, кто выполнял по этим направлениям интересные научные работы, вырастающие даже в разделы диссертаций, особенно под руководством Людмилы Алексеевны Лебедевой» [33].

Историческое славяноведение в Кубанском государственном университете в послевоенный период связано с именем профессора Диволя Григорьевича Песчаного (1928–1998), который более 20 лет заведывал кафедрой новой и

новой истории исторического факультета. Он окончил Пятигорский государственный педагогический институт и аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Россия и национально-культурное возрождение Болгарии (30-е–40-е годы XIX в.)». В 1957 г. он избирается на должность доцента кафедры всеобщей истории Краснодарского пединститута. Сохраняя научный интерес к русско-болгарским культурным и политическим связям, учёный сосредоточил своё внимание на изучении отношений между СССР и Народной республикой Болгарией [34]. В 1973 г. Д.Г. Песчаный успешно защищает докторскую диссертацию «Сотрудничество между СССР и НРБ в области сельского хозяйства в процессе социалистического преобразования болгарского села (1948–1958 гг.)». Историко-теоретическое наследие Д.Г. Песчаного представлено несколькими монографиями, многими десятками научных статей. 26 работ учёного вышли на болгарском языке, 2 на украинском. Он стал основоположником кубанской школы болгаристики [35]. Представители этой школы Э.Г. Вартаньян, С.В. Павловский, Л.Р. Хут, Р.М. Ачагу, выполнившие и защитившие диссертационные исследования по истории и культуре Болгарии, стали достойными преемниками своего Учителя [36]. Развитие кубанской болгаристики происходило в тесном сотрудничестве с кафедрой истории южных и западных славян МГУ и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В течение двух десятков лет кафедра новой и новейшей истории, возглавляемая Д.Г. Песчаным, поддерживала тесные связи с Институтом истории Болгарской Академии наук (БАН), с Центром болгаристики БАН, с коллегами из Софийского университета [37]. Кубанские болгаристы прошли стажировку в научных центрах Народной Республики Болгарии, работали в болгарских архивах и библиотеках, участвовали в конференциях, проводимых болгарскими коллегами. Ученики Школы Д.Г. Песчаного откликались на значимые события болгарской истории изданием сборников статей, проведением конференций, приглашали болгарских историков для чтения лекций в Кубанском государственном

университете [38]. На факультете читались не только обязательные курсы по истории южных и западных славян, но и специальные курсы по узловым проблемам болгарской истории, Болгарскому национальному Возрождению, культуре славянских народов [39].

В начале 1990-х гг. кубанская школа болгаристики переживала серьёзные испытания. С крушением мировой системы социализма, переходом Болгарии в блок НАТО и ЕЭС прервались налаженные научные связи, традиции сотрудничества между учёными. С уходом из жизни Д.Г. Песчаного знамя исторического славяноведения на факультете подхватила его ученица Эгнара Гайковна Вартаньян, ныне профессор, доктор исторических наук, замечательный учёный и вузовский педагог. Она не только внесла серьёзный вклад в изучение аграрной истории Болгарии [40], но и воспитала целую плеяду учеников, специалистов в области истории славянских стран. Под её научным руководством защищены диссертации по истории Болгарии (В.В. Бондарева, В.Н. Алексеев, Ф.В. Суханов), Македонии (Я.Н. Войтова), готовятся к защите диссертации по крымским болгарам (С.В. Калашникова), по российско-белорусским связям (Н.Н. Косач), наследию славянофила Н.П. Игнатъева (А.Д. Мцхвариашвили).

На кафедре новой и новейшей истории и международных отношений плодотворно трудился недавно ушедший из жизни другой ученик Д.Г. Песчаного, историк-болгарист, доцент, кандидат исторических наук Сергей Вадимович Павловский (1945–2009). Его научные интересы были связаны болгарским национально-освободительным движением, а также с геополитикой славянских стран [41].

Проблемы истории и культуры казачьей эмиграции Юга России в славянских странах глубоко исследует доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений, кандидат исторических наук О.В. Ратушняк [42].

Давние традиции имеет в Кубанском государственном университете казаковедение. Безусловным лидером этого направления является профессор

кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета Николай Иванович Бондарь. В работах учёного нашло отражение теоретическое обоснование на основе многолетних полевых и архивных исследований этносоциального статуса кубанского казачества, взаимопроникновение южнорусского и украинского этнокультурных компонентов и развитие на их основе новой общности – субэтнуса кубанские казаки [43]. Работы исследователя всегда отличает системный, комплексный подход, успешно применяемый в славянской этнолингвистике Школой академика Н.И. Толстого. В направлении исследовательских усилий славистов из Института славяноведения РАН Н.И. Бондарь много времени уделяет созданию этнокультурного словаря Кубани – труду, рассчитанному ни на одно десятилетие [44].

Казаковедческое направление – давний предмет исследований и кафедры дореволюционной отечественной истории, возглавляемой доктором исторических наук, профессором Валерием Николаевичем Ратушняком [45]. Его работы и исследования сотрудников кафедры (Г.Н. Шевченко, В.П. Громов, П.П. Матющенко, Л.М. Галутво, А.М. Авраменко, В.Е. Бороденко и др.), посвящённые различным аспектам истории и культуры кубанского казачества, получили широкое признание, наметили целые направления и перспективы изучения. Активно исследуются на кафедре социально-экономические аспекты казачьей истории [46], военный [47] и конфессиональный аспекты [48], полковая историография и антропология казачества [49]. Сотрудники кафедры не раз выступали организаторами и участниками целого ряда научно-практических форумов международного, всероссийского и регионального уровней, авторами учебников по истории кубанского казачества. Правда, при акцентировании внимания на казачестве практически не изученной остаётся история и культура русских и украинских сёл Кубани и Черноморья, иногороднего крестьянства.

Острым и дискуссионным направлением в университете выступает кубанская украинистика. К сожалению, в последние десятилетия эта проблема

всё чаще обретает не научный, а политический характер, находя отражение в тезисах «Кубань – это часть Украины», «Кубанская народная культура – это украинская народная культура». Особенно эти тенденции заметны в издательской деятельности содружества «Кубань-Украина» [50], одним из руководителей которого в последние годы являлся доцент кафедры дореволюционной отечественной истории А.М. Авраменко. Обрушив вал едкой и несправедливой критики на научно-организаторскую деятельность профессора Н.И. Бондаря, этот, безусловно, яркий и интересный исследователь, не желал замечать, что в условиях Кубани осуществлялось не просто заимствование, а происходила трансформация исходных метропольных этнических традиций. Поэтому относить традиционную культуру казачества Кубани к локальному варианту украинской народной культуры, по меньшей мере, наивно [51]. Лишь малые этнические группы, представленные населением отдельных крестьянских сёл и хуторов края, в большей мере, чем казачество, сохранили украинские метропольные традиции и исходное этническое самосознание. Причём культурно-бытовые особенности в данном случае использовались как раз для оппозиционирования себя казачеству [52]. Интересно, что наибольшую украинскую этничность демонстрируют украинские переселенцы второй половина XX столетия. Их попытки утвердить свои этнокультурные стереотипы приводят нередко к конфликтным ситуациям. Этническую идентичность можно конструировать и провоцировать с помощью различных технологий, но при этом исследователь должен думать о последствиях, которые могут быть трагичными [53].

Одним из перспективных направлений на факультете ФИСМО является история и культура белорусов. Белорусско-российско-польские научные связи – один из объектов научного творчества заведующего кафедрой археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета профессора Николая Ивановича Кирея [54]. Активно разрабатывает проблемы истории Белоруссии аспирантка кафедры новой и новейшей истории и международных отношений Н.Н. Косач [55]. Началось

изучение и белорусов Кубани. Н.И. Бондарь, В.Н. Ракачѐв и О.В. Матвеев пришли к выводу, что проживая длительное время на Кубани, белорусы адаптировались к местной традиционной культуре. Компактных поселений они не создавали, культурно-бытовые особенности сохранялись только в языке, как правило, у старших поколений мигрирующей группы, семьи. Во втором поколении это могло проявляться на уровне отдельных слов или стереотипных выражений [56].

Заметное место в научной жизни факультета истории, социологии и международных отношений занимает историческая полонистика. Это направление курирует доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук Александр Игоревич Селицкий. Он же возглавляет Польский национально-культурный центр «Единство». Усилиями этого центра при финансовой поддержке Сейма Республики Польша несколько искусственно формируется польская этничность в регионе. Тем не менее, регулярно издаются «Польские ведомости» с массой уникальных материалов по культуре поляков, проводятся солидные научные конференции, сборники материалов которых вызывают широкий интерес [57]. Сам А.И. Селицкий – автор целого ряда авторитетных научных трудов, посвящённых польскому присутствию на Кубани и Северном Кавказе [58]. В сферу полонистики не раз направляли свои исследовательские усилия сотрудники факультета В.И. Колесов, В.Н. Ракачѐв, А.П. Труханович, О.В. Матвеев, А.М. Авраменко [59]. Поскольку выходцы из Польши, а также поляки из белорусских и украинских губерний сосредотачивались преимущественно в городах, то исследуется вклад поляков, прежде всего в профессиональную культуру региона: музыканты, юристы, учителя, военные и т.д. Проблемой остаётся изучение идентичности кубанских поляков, отдельные аспекты которой изучены лишь на примере религиозной жизни и деятельности отдельных общественных организаций. Перспективны и имагологические изыскания, связанные с проблемой взаимовосприятия поляков и местного населения, изучение повседневности.

В изучение истории и культуры чешских компактных поселений на Черноморском побережье внесли определённый вклад доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук Игорь Валерьевич Кузнецов и преподаватель Владимир Игоревич Колесов [60]. На кафедре дореволюционной отечественной истории в 2007 г. под руководством П.П. Матющенко была защищена диссертация Е.В. Домашек по истории и культуре чешских колоний Северного Кавказа, где целая глава посвящена культурной жизни чехов Черноморья [61]. Отдельные исследователи работают на факультете по проблемам идентичности кубанских чехов [62].

Следы югославских народов в истории и культуре Кубани рассматривали в своих работах О.В. Матвеев, В.Н. Ракачёв, С.В. Жабчик [63]. Установлено, что сербы, хорваты, черногорцы не образовывали в крае компактных поселений, если не считать городка югославских строителей в Тимашевске, которые в середине 1980-х гг. приехали в край для возведения агрокомплекса «Кубань». После военных событий 1991–1996 гг. часть югославских строителей и их семей решили осесть на Кубани. Изучение адаптации этой группы, а также деятельности национально-культурного центра «Юговичи», существующего 12 лет вполне может стать темой специальной диссертации.

Исследование истории и культуры кубанских болгар сотрудниками факультета ФИСМО началось лишь в последнее десятилетие. Изучены компактные группы болгар в Кавказском, Ейском и Екатеринодарском отделах Кубанской области, а также в Черноморской губернии, особенности производственной культуры болгарских огородников, ставились вопросы об идентичности кубанских болгар в связи с Балканскими войнами и Первой мировой войной [63]. Исследуются и современные компактные поселения потомков депортированных крымских болгар, осевших в крае после 1956 г.: устная история, различные аспекты состояния этнокультурной памяти [64]. Изучение этой группы весьма перспективно, как и особенностей

функционирования национально-культурного центра болгар «Шипка», где болгар.

Таким образом, сегодня в Кубанском государственном университете славяноведение активно присутствует как в учебном процессе, так и в рамках вузовской науки. Профессорско-преподавательский состав осуществляет исследовательские усилия в самых разных направлениях славянского языкознания, литературоведения, истории, этнографии, фольклористики. Осознавая необходимость интеграции этих направлений, мы в 2006 г. создали Центр славянских исследований (сопредседатели Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев), координирующий работу по изучению кубанских и зарубежных славян. За это время удалось провести 4 научно-практические конференции международного и регионального уровней, выпустить под эгидой Центра 8 книг [65]. Кроме того, сотрудники Центра постоянно участвовали в Кирилло-Мефодиевских чтениях, проводимых Армавирским филиалом Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования, в конференциях, организованных Институтом славяноведения, Болгарской академией наук, Польским национально-культурным центром в Краснодаре и др., печатались в зарубежных, столичных и региональных изданиях. Каждый год ширится круг наших друзей и коллег по России, из Украины, Белоруссии, Болгарии, Польши.

Славяноведение в Кубанском государственном университете прошло трудный путь от запретов и преследований до масштабных славистических направлений. Хочется надеяться, что этот опыт будет использован для восстановления единого научного пространства славянских стран.

Примечания

1. Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 209. С. 10.
2. Кубанский государственный университет: 90 лет в истории образования и науки России / Под ред. М.Б. Астапова. Краснодар, 2010. С.19.
3. Досталь М.Ю. Указ. соч. С. 276–277.
4. Солодовников Ю.А. К проблеме изучения биографии профессора Р.К. Войцика // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции. Краснодар, 10–11 июля 2002 г. / Научн. ред, сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 288–290.

5. Кубанский государственный университет. С. 41.
6. Войцик Р.К. Яфетическая теория академика Н.Я. Марра // Известия общества любителей изучения Кубанского края. Краснодар, 1925. Вып. IX. С. 98.
7. Там же.
8. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 71.
9. Чумаченко В.К. К истории Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института в Краснодаре // История регионального научного сообщества: проблемы изучения / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2007. С. 89.
10. Иванцов Г.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б) 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009. С. 52.
11. Чумаченко В.К. Кубанская литературная Голгофа (кубанские писатели, историки и журналисты – жертвы политических репрессий) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации) / Научн ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2001. С. 264–265.
12. Васильев И.Ю. Указ. соч. С. 74.
13. Там же. С. 73.
14. Лола М. О кубанском казачестве. Ростов н/Д; 1926.
15. Кулиш И. Классовое расслоение кубанского казачества в конце XIX – начале XX в.в. // Труды Кубанского педагогического института. Т. I(IV). Краснодар, 1930. С. 97–123.
16. Чумаченко В.К., Грушевский Д.В. Кубанский историк С.Г. Грушевский: вехи биографии // История регионального научного сообщества: проблемы изучения / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2007. С. 125.
17. Чумаченко В.К. Указ. соч. С. 89.
18. Чумаченко В.К., Грушевский Д.В. Указ. соч. С. 124.
19. Там же. С. 125.
20. Карслидис О.О. Григорий Григор: к истории одного забытого имени // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2008. С. 92.
21. Солодовников Ю.А. Указ. соч. С. 297.
22. Чумаченко В.К., Грушевский Д.В. Указ. соч. С. 124.
23. Юсов С.Л. Кубанские вехи жизненного пути В.А. Голобуцкого // История регионального научного сообщества: проблемы изучения / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2007. С. 111.
24. Ратушняк В.Н. В.А. Голобуцкий – советский исследователь истории черноморского казачества // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Под ред. С.С. Минц. Краснодар, 1991. С. 100.
25. См.: Шевченко Г.Н. М.В. Покровский об использовании воинами Великой Отечественной войны военного опыта пластунов Кубани // Российское общество и войны XX века: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 247–249.
26. Интервью с профессором Александром Львовичем Факторовичем. 2 декабря 2010 г. Личный архив автора.
27. Федорченко А. Рыцарь верный. Памяти Вячеслава Попова // Родная Кубань. 2007. № 1. С. 130.
28. Попов В.П. Национальное и общечеловеческое в почвенничестве Ф.М. Достоевского // Третьи кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации) / Научн ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2001. С. 56.
29. Филологический факультет Кубанского государственного университета. Краснодар, 2005. С. 137.
30. Голикова Л.П. Россия и Словакия: литературные контакты. Краснодар, 2000. С. 86–103.

31. Филологический факультет Кубанского государственного университета. С. 167.
32. Чумаков С.Н. Из истории польской поэзии // Польские ведомости. Краснодар, 2010. № 2 (27) – 3(28).
33. Интервью с профессором Александром Львовичем Факторовичем. 2 декабря 2010 г. Личный архив автора.
34. Куценко И.Я. Слово об учителе // Дорогой истории. Памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Р.М. Ачагу. Краснодар, 2007. С. 5.
35. Вартаньян Э.Г. Из истории кубанской болгаристики // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004. С. 23.
36. См.: Вартаньян Э.Г. Памяти учителя: несколько штрихов к портрету Д.Г. Песчаного // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Хут Л.Р. Памяти наставника // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005; Павловский С.В. Воспоминания об Учителе // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Кирей Н.И. Д.Г. Песчаный: штрихи к портрету бескомпромиссного профессора истории // Дорогой истории. Памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Р.М. Ачагу. Краснодар, 2007.
37. Вартаньян Э.Г. Из истории кубанской болгаристики. С. 24.
38. Там же. С. 25.
39. См.: Практические занятия по истории южных и западных славян: Методические указания / Сост. Д.Г. Песчаный, Р.М. Ачагу, Д.В. Павловский. Краснодар, 1987; Павловский С.В. Болгарское Национальное Возрождение. Учебное пособие. Краснодар, 1988; Вартаньян Э.Г. Мировая художественная культура Нового времени. Краснодар, 1991.
40. Вартаньян Э.Г. Аграрная наука Болгарии: история и современность (1878–2000 гг.). Краснодар, 2002.
41. Павловский С.В. О попытке Г.С. Раковского создать политическую газету в Одессе (1858–1859) // Советское славяноведение. 1979 № 4; Его же. Газета Г.С. Раковского «Дунавски лебед» как источник по истории болгарского национально-освободительного движения начала 60-х годов XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980; Его же. Атака Газпрома на Белоруссию и национальные интересы России: геополитический аспект // Синергетика образования. Вып. 9. Третьи Международные Кирилло-Мефодиевские чтения. М.; Ростов-на-Дону, 2007; Его же. Украинская государственность и геополитика // Запад-Восток: общество и государство в новое и новейшее время. Краснодар, 2008; Его же. Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер о «гниении» и «закате» Европы // Синергетика образования. 2009. № 1(14); Его же. К вопросу о предыстории болгарской геополитики в средневековую и османскую эпоху // Освобождение Болгарии и славянский мир. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 130-летию освобождения Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Его же. Болгарские метаморфозы и НАТО // Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009 и др.
42. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997; Его же. Казаки-эмигранты в Болгарии (1920-е–1930-е гг.) // «Да кто душу положит за други своя...» (к 130-летию участия русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от Османского ига 2875–1878 гг. Материалы II Международных Дворянских чтений (25–26 ноября 2006 г.) / Под ред. О.В. Матвеева, Е.М. Сухачёвой. Краснодар, 2006.
43. Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы / Под ред. Н.И. Кирей, М.В. Семенцова, О.В. Матвеева. Краснодар, 1999; Его же. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть I: XIX – начало XX вв.) // Из

культурного наследия славянского населения Кубани / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 1999; Его же. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос-пространство-время // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар, 2000; Его же. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества // Православие, традиционная культура, просвещение / Под ред. Н.И. Бондаря и М.В. Семенцова. Краснодар, 2000; Его же. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар, 2003 и др. См. также: Кирей Н.И., Селицкий А.И. Н.И. Бондарь – исследователь традиционной культуры славян Кубани // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009; Матвеев О.В. Исследователь-казаковед Н.И. Бондарь (к 60-летию со дня рождения) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы седьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Армавир, 2010.

44. См.: Бондарь Н.И. Кукушка (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2002; Его же. Угол / вугол, глухой угол, куток (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2003; Его же. Жид (Жыд (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9) / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 2003; Его же. Осина (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Мир славян Северного Кавказа; Вып. 1 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004; Его же. Хлеб / Хлеб: пища и символ // Живая старина. 2006. № 3; Его же. Дед / Дид – Баба (Материалы к этнокультурному словарю Кубани) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2 / Под ред. А.М. Авраменко, В.К. Чумаченко. Краснодар, 2007.

45. Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк Валерий Николаевич Ратушняк // Валерий Николаевич Ратушняк. Биобиблиографический указатель. Краснодар, 2010. С. 11–12.

46. Из дореволюционного прошлого кубанского казачества / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1993; Матющенко П.П. Аграрная политика царизма в казачьих областях Северного Кавказа в капиталистический период. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1989; Галутво Л.М. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1993; Ратушняк В.Н., Матющенко П.П. О некоторых особенностях общественного развития и экономического положения казачества и иногороднего крестьянства Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985; Ратушняк В.Н., Ивченко И.В. Кубанская казачья община и возможности использования её исторического опыта // Проблемы казачьего возрождения. Ч. I. Ростов-на-Дону, 1990; Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв. Сословный строй. Социальные отношения. Учебное пособие. Краснодар, 1993; Летопись Кубанского казачьего войска 1696–2006 / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2006; Энциклопедия кубанского казачества / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2011 и др.

47. Ратушняк В.Н. Из исторического прошлого кубанских пластунов // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993; Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой мировой войне (1914–1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999; Клочков О.Б. Генерал Г.А. Рашпиль и его военно-политическая и государственно-административная деятельность. Краснодар, 2005; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имён...» (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2005; Они же. Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007; Матвеев О.В. «Казачи высказали замечательное добродушие и человеколюбие...» К вопросу о

последствиях Кавказской войны // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 3. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010 и др.

48. Бороденко В.Е. Монастыри кубанских казаков в дореволюционный период // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993; Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009; Зудин А.И. Старообрядчество Кубани в конце XVIII – начале XX веков: исторический аспект. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2009; Матвеев О.В. Из истории церковных приходов станицы Дядьковской (1828–1918 гг.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 6 / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2011 и др.

49. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): Категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; Его же. Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011 и др.

50. Авраменко А.М. Третий сборник «Кубань–Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики // Кубань–Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып.3 / Сост. А.М. Авраменко. Краснодар, 2008.

51. Бондарь Н.И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиций в условиях Кубани // Кубань-Украина. Шевченковские чтения. Историко-культурные связи Кубани и Украины; к 70-летию В.Г. Захарченко / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 2008. С. 138.

52. Там же. С.140.

53. Там же. С. 141.

54. Кирей Н.И. Творческий и жизненный путь выдающегося филолога-слависта и этнографа Е.Ф. Карского (1861–1931) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2004.

55. Косач Н.Н. Интеграция России и Беларуси (90-е гг. XX – начало XXI в.) // Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов / Под ред.Э.Г. Вартастьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009; Её же. Н.Н. Республика Беларусь и Краснодарский край: сотрудничество в области культуры // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009; Её же. Агрокотропки Республики Беларусь (начало XXI в.) // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартастьян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010.

56. Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачѳ В.Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 195.

57. Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред А.И. Селицкого. Краснодар, 2003; Поляки в России: история и современность / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2007; Поляки в России: вехи в истории / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2008; Поляки в России: эпохи и судьбы / Под ред. Х. Граали, А.Л. Петрожицкого, А.И. Селицкого. Краснодар, 2009.

58. Селицкий А.И. Поляки-дворяне на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Дворяне Юга России на службе Отечеству / Под ред. О.В. Матвеева, Е.М. Сухачѳвой. Краснодар, 2004; Его же. Обществено-культурные организации поляков Кубанской области и Черноморской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Поляки в России: эпохи и судьбы / Под ред. Х. Граали, А.Л. Петрожицкого, А.И. Селицкого. Краснодар, 2009; Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008. См. также: Матвеев О.В. Новые книги о поляках Северного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып.5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009.

59. Ракачѳ В.Н. Поляки на Кубани: демографический аспект // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003; Его же. Поляки глазами россиян (опыт социально-психологического

анализа) // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010; Труханович А.П. Поляки на Кубани в конце XIX – начале XX в. (опыт этносоциологического анализа) // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003; Авраменко А.М. Битва при Берестечко (1651 г.): проблемы картографирования // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003; Колесов В.И. Польские национальные школы в Кубано-Черноморской области: образование и идентичность // Поляки в России: XVII – XX вв. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2003; Матвеев О.В. «Бо ти ляхи израдливи люди...» Образы поляков в исторической картине мира кубанского казачества // *Polacy i gosjanie – przewycieczanie uprzeden*. Lodz, 2006; Его же. Польский след в истории дореволюционного Майкопа // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. 2007. № 3–4; Его же. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е–50-е годы XIX века: история повседневности // *Кубанский сборник*. 2008. Т. III (24) / Под ред. А.М. Авраменко и Г.В. Кокунько; Его же. «Пилсудских нам не надо...» Повседневность поляков Кубано-Черноморской области глазами партийного сообщества в 1920-е гг. // *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.* / Ред.-сост. Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону, 2009; Его же. Поляки и русские в глазах друг друга (по материалам Кубанского областного жандармского управления начала XX века) // *Синергетика образования*. Армавир, 2010. № 2(18). Шестые международные Кирилло-Мефодиевские научно-педагогические чтения. Ч. 1.; Его же. Поляки на службе в Кубанском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010 и др.

60. Кузнецов И.А. Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999; Колесов В.И. Некоторые дискуссионные вопросы истории чехов Кубани // *Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность*. Краснодар, 1999.

61. Домашек Е.В. История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1914). Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.

62. Матвеев О.В. «Среди них вспыхнул патриотизм славян...»: чехи Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009; Его же. Книга по истории и культуре северокавказских чехов // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 6 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. С. 209.

63. Матвеев О.В., Ракачёв В.Н. Сербский след в истории Кубани // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 3: Памяти В.П. / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007; Матвеев О.В. Следы югославян в истории Кубани и Черноморья второй половины XIX – начала XX в. // *Синергетика образования*. 2009. № 1(14); Жабчик С.В. Связи населения Кубани и Черноморья с южными славянами в конце XVIII – начале XX веков. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.

64. Матвеев О.В. Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX – начале XX в. // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.

65. Матвеев О.В. Устная история болгар Темрюкского района (по итогам полевого сезона 2004 г.) // *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 2 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2005; Бондарь Н.И. Болгары Кубани: некоторые аспекты этнокультурной памяти // *Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного* / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Рогалева С.В. К вопросу о судьбах крымских болгар в условиях немецко-фашистской оккупации // *Освобождение Болгарии и славянский мир*. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 130-летию освобождения

Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Её же. Крымские болгары: реабилитация и возвращение из депортации (1956 – начало XXI в.) // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008.

66. Освобождение Болгарии и славянский мир. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 130-летию освобождения Болгарии от османского ига / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Год Болгарии в России: проблемы истории и культуры славянских народов. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009; Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010; Мир славян Северного Кавказа. Вып.3: Памяти В.П. Попова / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007; Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008; Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5: К 60-летию профессора Н.И. Бондаря / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009; Мир славян Северного Кавказа. Вып. 6 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011.

Различное понимание экономических категорий у славянских и неславянских народов

В настоящей статье рассматриваются особенности отношения к некоторым экономическим понятиям у различных народов, связанные в первую очередь, с менталитетом, сформировавшимся под влиянием религиозных представлений. Конфессиональные различия всегда влияли и влияют на повседневную экономическую жизнь народов.

Сложность представляет тот факт, что славянские группы населения относятся к различным конфессиям, не позволяющим строго включить их в ту или иную конкретную группу. В связи с этим, представленная нами таблица, носит скорее схематичный (а, следовательно, дискуссионный) характер, и призвана лишь проиллюстрировать логику изложения исследованного материала и выбор автором экономических категорий для рассмотрения.

	Славянские народы		Неславянские народы	
в средние века и в новое время	1. Отношение к деньгам и в целом к богатству			
	православные	католик и	протестанты	Мусульмане
в новое и новейшее время	2. Отношение к банковскому делу и в частности к ссудному проценту			
	традиционные западные коммерческие банки		этический (исламский) банкинг	

Как видно из таблицы, нами рассмотрены две экономические категории – деньги (богатство) и банки (ссудный процент).

Деньги выступают неотъемлемой и существенной частью финансовой системы любой страны. Ценность денег в сознании и в подсознании отдельного человека и групп населения не представляет собой константу: система взглядов на деньги менялась на протяжении веков по мере накопления различными народами экономического (теоретического и практического) опыта.

Исследованию вопросов использования денег и отношения к ним, регламентируемые психосоциальными нормами и социальными ценностями, посвящено много научных работ российских ученых [1]. Особенно заслуживающими внимания, на наш взгляд, являются труды Н.Н. Зарубиной, в которых рассмотрены различные аспекты отношения к деньгам, связанные с социопсихологическими особенностями поведения населения [2].

Славянские народы, исповедующие католицизм и православие, имеют много общего в отношении к деньгам и богатству в целом. Так, например, у восточных славян, традиционно поощрялись страдание и бедность в земной жизни, за которые непременно воздастся в загробной жизни. В период существования безмонетного периода истории на Руси, связанного в первую очередь, с распространением натурального хозяйства, и позднее, даже когда активно начали чеканить монеты, последние чаще всего выступали атрибутом монаршей власти в том или ином княжестве. Изображение государя на монетах должно было, как на международной арене, так и внутри страны, служить доказательством его абсолютной власти на данной территории. Представители церкви стремились внушить большей части населения равнодушие к деньгам и богатству.

В то время как у народов, исповедовавших протестантскую ветвь христианства, поощрялся добросовестный труд, в результате которого создавалось честно заработанное богатство, а деньги можно было использовать в земной жизни [3].

У большинства мусульманских народов, исторически сложившиеся развитые торговые отношения, как на международном уровне, так и внутри государств, способствовали быстрому распространению денег в виде монет, усовершенствованию технологии их чеканки, и складыванию отношения к деньгам как к очень важному инструменту экономической жизни. Умение торговать, возведенное в ранг искусства (эффективный маркетинг и мерчендайзинг) активно влияли на формирование психологии покупателя и продавца, то есть большей части населения.

Если говорить о функциях денег [4], то у славянских народов, особенно у представителей их восточной ветви в средние века господствовала функция сбережения (создания сокровищ в виде кладов). В результате монеты изымались из денежного оборота и неподвижно оседали, замедляя процесс развития товарно-денежных отношений. У неславянских народов на первый план выходили такие функции денег, как средство обращения и средство платежа.

На сегодняшний день множество иных аспектов, кроме конфессиональных, выходит на первый план. Психологическая «окраска» денег и в целом богатства часто связана с источником происхождения конкретных сумм. Бережному и экономному отношению к деньгам противостоит расточительное отношение к неожиданному доходу, и особенно к деньгам, незаработанным честным путем [5].

Существенной психологической характеристикой славянских и неславянских народов является их отношение к факту ухода имеющихся у них денег. В целом такой процесс сопряжен с падением экономических стимулов в жизни и, соответственно, с уменьшением круга потребностей. Однако у разных групп населения реакция на отток денег из их рук в другие (на законной основе) совершенно различна и зависит от целого ряда обстоятельств.

Переходя ко второму понятию, рассматриваемому в данной статье – банковское дело (наличие ссудного процента), следует заметить, что в современной экономической литературе все большую актуальность приобретают исследования так называемых этически ориентированных моделей развития. Важным принципом этической экономики является учет культурных традиций самых разных групп населения. В настоящей статье сравниваются две модели сформировавшихся банковских систем – традиционная западная, (к которой относится и Россия) и исламская [6].

Западная банковская система предполагает как выплату, так и взимание ссудного процента при совершении депозитных и кредитных операций. Разница в величине этих процентов составляет доход коммерческих банков.

Что касается исламской экономической модели, то ее основы были заложены еще в трудах средневековых ученых, и свое продолжение получили в новое и новейшее время. Во второй половине XX века произошло возрождение исламской экономической мысли, когда многими авторами стала подчеркиваться неприемлемость, с точки зрения ислама, существующей системы экономических отношений (прежде всего в финансовой сфере) и возник вопрос о применении на практике положений шариата, касающихся экономики. Исламские банки, страховые компании, инвестиционные фонды появились и в европейских странах. Исламская банковская системы показала себя как более устойчивая в момент нынешнего кризиса, так как опирается на реальные активы. В мусульманском мире (а теперь и в Европе) используются формы финансирования, не связанные с получением процентов по кредитам.

Рассматривая вопросы, касающиеся функционирования банковской системы, основанной на этических принципах, следует отметить, что термин «исламский», уже не воспринимается как конфессиональный аспект: по прогнозам экономистов, он вскоре исчезнет, уступив место «партнерству» (исламская экономика – это экономика участия, а не экономика долга) или «этическому банкингу». В качестве клиентской базы могут рассматриваться любые инвесторы (не только мусульмане), мыслящие не в спекулятивных категориях, а желающих регулировать деятельность по «принципам партнерства». Исламская экономика и исламское банковское дело, в частности, способствуют более справедливому распределению ресурсов [7].

В исламских банках особое внимание уделяется риск-менеджменту: более жесткие условия при распределении убытков между партнерами приводят к более качественной оценке потенциальных рисков. Такой инструмент очень эффективен против финансового пузыря, который стал причиной современного кризиса. В исламском банкинге можно выделить три основных инструмента: 1. Выдача средств под процент от прибыли. 2. Лизинговая схема: банк покупает завод или оборудование и продает его заемщику в рассрочку. 3. Совместное

участие банка и клиента в бизнесе, когда банк выступает соучредителем проекта.

Таким образом, банки, действующие на исламских принципах, не имеют одного из основных источников прибыли традиционных европейских (в том числе российских) коммерческих банков - разницы между процентом по выданным ссудам и процентом по привлеченным средствам. Источник получения дохода для них иные операции, к примеру, при оформлении ипотеки банк может сам приобрести жилье, а затем продать его клиенту в рассрочку по более высокой цене. Кроме того, они активно используют доленое финансирование вместо долгового, при котором прибыль и убытки разделяются между банком и его клиентами, ставшими участниками совместного проекта - вместо того, чтобы получать или выплачивать проценты, которые также запрещены шариатом [8].

В том случае, когда банк не является полностью исламским и осуществляет часть операций на основе традиционных методов финансирования, то он должен вести отдельные счета для процентных и беспроцентных транзакций. Такой метод был использован одним из российских банков в 2006 г. - банком «Глобэкс». Ранее специалисты «Альфа-Банка» изучали возможности выхода на исламские рынки капитала, но посчитали механизм предоставления средств, используемый в работе исламских банков, невыгодным для себя. Одним из главных недостатков были названы большие сроки для оформления таких сделок [9].

Что касается нашей страны, то создание исламских банков сдерживает отсутствие соответствующего законодательства: нормативы ЦБ не позволяют осуществлять деятельность подобных кредитных организаций. Однако при преобладании в целом православного населения в ряде регионов нашей страны открываются производства халяльной продукции, мусульманские кафе, ателье по пошиву и продаже мусульманской одежды. Но дело не только в этом: в ряде стран используются лишь инструменты исламского банкинга, а не система в целом. В нашей стране можно было бы применять некоторые из этих

инструментов. Возможно, если в наших отдельных регионах существовали бы исламские банки, то глобальный финансовый кризис нанес не столь значительный удар по региональным банкам. Это связано с тем, что исламские банки не могут занимать друг у друга деньги под процент, так как процентные ставки запрещены; и что более важно – такие банки не нагружают себя непрофильными высокорисковыми активами, такими как ипотечные обязательства, предпочитая более надежные, но, возможно, менее доходные активы» [10].

Западные традиционные банки обладают куда более широкой линейкой продуктов, инструментами по управлению ликвидностью, а также инновациями, чем исламские банки, но, наличие хотя бы одного такого банка в таких российских регионах, как Татарстан или Башкортостан, могло бы стать хорошей перспективой, как для развития самих этих субъектов федерации, так и для нашего государства в целом.

Если говорить о российском опыте, то следует упомянуть «Бадр-Форте Банка», единственный, использовавший в своей работе исламские технологии ведения бизнеса с 1997 по 2006 г. В уставе банка было сказано, что он имеет право «осуществлять свою деятельность в соответствии с действующим законодательством России и нормами международного права, используя исламские экономические технологии ведения банковского дела, не противоречащие банковскому законодательству России» [11]. С точки зрения российского законодательства «Бадр-Форте Банк» был обычным коммерческим банком [12]. Он был уникальным кредитным учреждением с оригинальными продуктами, разработанными с учетом специфики нашего законодательства [13].

Кроме двух рассмотренных можно выделить также заслуживающие внимания социально-экономические понятия, такие как;

- 1) гендерные аспекты, связанные с особенностями менталитета различных народов, выражающиеся в выборе типа управления финансами в семье;

- 2) социокультурные и психологические факторы возникновения и функционирования системы страхования в различных странах;
- 3) особенности финансового (инвестиционного, сберегательного и налогового) поведения населения.

Перечисленные дефиниции, наряду с исследованными в данной статье, представляют интерес, как с исторической точки зрения, так и с позиций современной социально-экономической жизни.

Примечания

1. Верховин В.И. Экономические стереотипы в русском фольклоре // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 82–88.; Ванина О.Н. Стереотипы экономического сознания россиян // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 112-116.; Абрамова С.Б. Деньги в социальном взаимодействии: опыт исследования актуальной денежной культуры. Екатеринбург, 2002; [Верховин В.И. Структура и функции монетарного поведения // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 67–73.](#)

2. Зарубина Н.Н. Этика служения в российской хозяйственной культуре: светские и духовные предпосылки // Христианские начала экономической этики. М., 2001.; Бизнес в зеркале русской культуры. М., 2004; Этика предпринимательства в русской культуре // Отечественные записки. 2002. № 4–5.; [Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег](#) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 38-48; [Влияние денег на социальное конструирование времени. Динамика нелинейности](#) // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 51-61; [Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации](#) // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 13-23; [Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности](#) // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13-21; [Мифология денег в российском обществе](#) // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 39-48; [Православный предприниматель в зеркале русской культуры](#) // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 100–112.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 томах. Т.3. М.: Мысль, 2004.

4. 1) мера стоимости всех товаров и услуг; 2) средство обращения; 3) средство платежа; 4) функция сбережения.

5. Кузина О. Экономико-психологические исследования финансового поведения населения. Рукопись. Ч. 1., 50 с. // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/97877>; Кузина О., Радаев В., Рощина Я. Основные понятия финансового поведения населения. Рукопись, 37 с. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/97877>.

6. Наиболее удачное определение понятия «исламская экономика» (или «исламская экономическая модель») дано российским ученым А. Ю. Журавлевым в работе: Концептуальные начала исламской экономики // 7. Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / Под ред. Р.И. Беккина. М., 2004. С.5.

7. Беккин Р.И. Исламская экономика. Краткий курс. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. С. 6.

8. Журавлев А.Ю. Теория и практика исламского банковского дела. М., 2002.

9. Чайкина Ю. «Глобэкс» занял у исламского банка// Коммерсант. 2006. № 160(3491). 30 августа.

10. Жуйков Д. Исламские банки на подъеме // РБК daily. 10 октября. 2008.

11. Журавлев А.Ю. Принципы функционирования исламских банков // Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты / Под ред. Р.И. Беккина. М.,

2004. С. 91.

12. Джабиев А.Н. Перспективы применения принципов исламской экономики в хозяйственной деятельности субъектов в рамках законодательства РФ // Исламские финансовые отношения и перспективы их осуществления в российском мусульманском сообществе. М., 2004. С.40–41.

13. Беккин Р.И. Исламская ипотека и ее современные модификации // Проблемы современной экономики. 2007. № 1(21). С. 348–350.

А.Д. Мцхвариашвили (г. Краснодар)

Положение в Сербии в 1860-х гг. XIX в.

(по материалам записок графа Н.П. Игнатьева)

Международное положение и обстановка на Балканах в конце 50-х гг.-60-х гг. XIX века были довольно сложными. После Крымской войны Россия оказалась практически в полной внешнеполитической изоляции. Международное и внутреннее положение России диктовали полный отход от активной деятельности в сфере дипломатии. Эта её позиция проявилась и в балканской политике. Рассматриваемый период характеризуется усилением на Балканах австрийского влияния и одновременным ослаблением в этом регионе позиций России. Это вызывало серьезное беспокойство в дипломатических кругах. Российские дипломаты в изменившихся условиях пытались найти средства для укрепления русского влияния в балканских странах.

Граф Н.П. Игнатьев с полной уверенностью отмечал, что «все его действия с 1861 г. в Турции и между славянами были вдохновлены и клонились к тому, чтобы Россия одна могла хозяйничать на Балканах и в Черном море, чтобы восточные народы в особенности славянские обращали свои взоры исключительно на Россию, ставя свою будущность в зависимости от неё» [1]. Но, тем не менее, русский посланник с сожалением замечал, что «связь, существовавшая некогда между православными народностями Турции в то время почти исчезла» [2].

По приезду в Константинополь Н.П. Игнатьев сразу установил связь с дипломатическими агентами при Порте от Сербии и Румынии, а также с греческим посланником. Для него было важно продемонстрировать единство православных народов Османской империи и европейских держав. В дни церковных праздников представители православных государств вместе посещали церковные службы. Российский посланник писал родителям 5 апреля 1865 г., что присутствовал на службе в патриархии в присутствии большой свиты, греческой миссии и сербского поверенного в делах [3].

История связей русского и сербского народов начинается в эпоху Средневековья во времена домонгольской Руси и дотурецкой Сербии. Можно выделить несколько периодов в истории русско-сербских связей.

Первый следует датировать XII - серединой XVII века. Его общей чертой было преобладание духовных связей, причем даже светские правители оказывали материальную поддержку монастырям как средствам православия. Политические и экономические связи практически отсутствовали, Русь была в то время слишком далека от Сербии, чтобы могла восприниматься как реальный политический фактор.

Второй период середина XVII – XVIII века. Во второй период русско-сербские связи переживали «обмирщение». Россия в это время пришла на Балканы, установив первые политические контакты с сербами. В то же время Россия еще не видела в себе сил и желания решать политическое будущее сербских земель и оставляла их вне зоны своего политического влияния.

Третий период приходится на XIX век и начинается с момента, когда русские солдаты в ходе Русско-турецкой войны 1806-1812 гг. впервые ступили на населенные сербами земли [4].

Русско-сербские связи становятся особенно значительными именно в XIX в., важную роль в их развитии стали играть благотворительные организации - Славянские комитеты. Они оказывали содействие училищам, газетам, обществам, церкви и собирали средства для обучения южнославянской молодежи в России [5]. Например, Славянский благотворительный комитет был открыт в Москве в 1858 г., основной целью его создания был сбор средств, отправка книг, помощь молодежи. Петербургский комитет начал выпускать «Славянские сборники», где содержались фактические сведения об этнографии, истории и культуре славян. Однако, публицист Пыпин А.Н. считал все эти меры недостаточными, так как «несмотря на долгие годы существования комитетов, русское общество оказалось вообще мало готово к тому, чтобы понять характер единомышленников, за свободу которых они шли на жертвы» [6].

Наиболее полно в отечественной литературе освещен Съезд в мае 1867 г. в Москве. В качестве славянских гостей приехал 81 человек, Сербию представляли 12 человек. Возглавлял делегацию официальный представитель сербского правительства, министр юстиции Петроньевич.

С.А. Никитин, опираясь на работу видного ученого и депутата от Сербии на съезде 1867 г. М. Миличевича сообщает о том, что сербские представители перед отъездом в Россию посетили князя Михаила и руководителя внешнеполитического ведомства И. Гарашанина, где им были вручены указания и директивы [7]. Возможно, что у сербов были свои интересы, т.к. 1867 г. был временем, когда старый вопрос о турецких гарнизонах в сербских крепостях приобретал особое значение.

По мнению С.А. Никитина от деятельности сербских представителей ждали результатов, во-первых, дипломатической поддержки России на случай обострения отношений с Турцией, и, во-вторых, финансовой помощи со стороны российского правительства [8]. Но, впоследствии, он приходит к выводу, что основная цель, а именно политическая поддержка со стороны России, достигнута не была. Но, тем не менее, Съезд 1867 г. способствовал росту взаимного интереса и симпатии [9].

Земли Сербии уже более 400 лет находилась под властью Османской империи. После вхождения в состав Османской империи Сербской деспотии в 1459 г. был образован Белградский пашалык, административным центром был город Смедерево. После завоевания Белграда в 1521 г. административный центр был перемещён соответственно в Белград. С 1718 по 1739 гг. Белградский пашалык входил в состав Габсбургской монархии, но по Белградскому мирному договору возвращён Османской империи. В 1789-1791 гг. он опять входил во владения Габсбургов. После сербской революции в 1817 г. на территории Белградского пашалыка было образовано Княжество Сербия под управлением сербского князя Милоша Обреновича.

Дом Обреновичей берет свое начало от Милоша Теодоровича, участника первого сербского восстания, воеводы Кара Георгия. В 1815 г. Милош был

назначен турецкими властями оберкнезом (главным князем) трех сербских областей, вскоре башкнезом (главным князем) всей Сербии. Династия правила Сербией с 1815 г. по 1842 г., и с 1858 г. по 1903 г. [10].

Необходимой предпосылкой для создания самостоятельного сербского государства являлась централизация системы управления, устранение сепаратизма. Независимо от содержания турецких фирманов, предоставляющих Белградскому пашалыку очень ограниченные полуавтономные права, турецкие власти постепенно были устранены от управления сербским населением. Официальное признание султанским правительством прав Сербского княжества на внутреннюю автономию имело большое значение в развитии Сербии как самостоятельной единицы в составе Османской империи.

Начавшаяся в 1828 г. новая Русско-турецкая война закончилась подписанием 2 (14) сентября 1829 г. Андрианопольского трактата. Согласно этому соглашению, Порты подтверждала право России на покровительство Сербии, и обязалась удовлетворить ряд сербских требований издав серию хатти-шерифов. Хатти-шерифы 1828 г. и 1829 г. подтверждали, что Сербское княжество получает внутреннюю автономию, при этом оставаясь в составе Османской империи и уплачивая ей ежегодно точно фиксированную сумму. В ноябре 1833 г. после восстания в восточной Сербии, Порты была вынуждена издать еще один хатти-шериф, санкционировавший присоединение к Сербскому княжеству шести нахий, что увеличило его территорию на треть, и фиксировавший величину дани в размере 2 300 тыс. грошей. Кроме того, Константинопольская патриархия в 1833 г. признала независимость сербской церкви.

Таким образом, хатти-шерифы 1829-1833 гг. окончательно установили политический статус Сербии как полунезависимого государства, сохранявшийся вплоть до 1878 г. [11].

Вмешательство Порты во внутренние дела Сербии, в частности, отказ от признания династических прав князя вопреки принятому ранее Закону о престолонаследии подтолкнуло Михаила к изданию в 1861 г. целого ряда

особых законов: Закона о государственном совете; Закона о Народной скупщине; Закона о Народной армии, введившего воинскую повинность для мужчин от 20 до 50 лет. В 1862 г. был принят Закон о государственной администрации, предусматривавший формирование «совета министров», ответственного перед князем.

С самого начала князь Михаил занял активную позицию в отношении турок. Уже в 1862 г., используя в качестве повода стычку с турками, открывшими артиллерийский огонь по Белграду, он потребовал их полного вывода из Сербии. Под давлением стран гарантов турки вывели войска из двух крепостей и сократили оставшиеся гарнизоны. Кроме того, было подтверждено их обязательство окончательно покинуть Сербию. Но только во время визита в Стамбул в 1867 г. князю был вручен фирман, наделяющий его правом владения остальными крепостями. В июне 1867 г. состоялись торжественные проводы последних турецких воинских частей. Символом сохранявшегося вассального положения Сербии оставались ежегодно выплачиваемая дань и султанское знамя над белградской крепостью [12].

Все принимаемые меры способствовали укреплению княжеской власти. Англия и Австрия протестовали против этих решений, хотя международная ситуация (восстание в Герцеговине, итальянские дела и предстоявшая мексиканская экспедиция) побуждали их этот вопрос не обострять. Никто не сделал каких-либо шагов, чтобы помешать осуществлению планов сербского правительства [13].

Долгосрочные цели сербской политики предусматривали кроме переговоров с Портой, и подготовку к большой войне. В период краткого правления князя Михаила были предприняты серьезные шаги: заключены договоры о союзе с Черногорией (1866 г.), Грецией (1867 г.), Валахией (1868г.). С руководством болгарской эмиграции велись переговоры об образовании единого сербско-болгарского государства во главе с князем Михаилом [14].

Граф Н.П. Игнатъев ни на секунду не сомневался в верности России Михаила Сербского и отчужденности его от Австрии: «В Сербии мы можем

рассчитывать на преданность князя Михаила, предоставившую нам исключительные гарантии. Его преемник, может быть нам враждебен или не иметь в глазах народа и славян того авторитета, как нынешний владетель». Но так же, русский посланник подчеркивал, что «болгары представляли пока лишь сырой материал, без достаточных кадров для образования самостоятельного княжества, предполагалось все сербско-болгарские земля, которые удастся освободить от турецкого ига воссоединить в составе сербско-болгарского государства под властью князя Михаила» [15].

Вскоре после конференции в Париже в 1869 г. граф Н.П. Игнатьев проанализировал отношение России к турецкому правительству, к христианскому населению в Турции и к западным державам, как они сложились тогда на почве Восточного вопроса: «Среди наших единомыслителей возродилось прежнее соперничество после Критского восстания». Н.П. Игнатьев также отмечал, что «некоторая холодность наступила так же в отношениях сербов к болгарам, хорватам и черногорцам. Это открыло широкое поле влиянию западных держав, которые воспользовались обстоятельствами и своими интригами и посеяли в умах наших единомыслителей недоверие к нам; последние не знали кого им выгоднее держаться, их прельщали материальные выгоды, которые сулили им западные державы, но они могли ими воспользоваться не иначе как живя в мире с Турцией» [16].

В июне 1868 г. князь Михаил был убит в результате покушения, организованного белградскими сторонниками Карагеоргиевичей. Гибель князя Михаила стала для Сербии потрясением, поколебавшим ее государственные основы, поскольку не стало фигуры, олицетворявшей режим. Положение осложнялось еще и тем, что князь не оставил наследника или преемника.

Граф Н.П. Игнатьев отмечал доброту и благородство князя Михаила, а произошедшее называл «грозным преступлением, лишившим Сербию всякой надежды на дальнейшее расширение прав и свобод» [17]. По мнению русского посланника, благодаря личностным качествам, убиенный князь завоевал доверие и уважение в среде соседних славянских народностей. Николай

Павлович сообщает далее, что Порта изначально стремилась к созыву международной конференции великих держав для решения вопроса о престолонаследии, но затем отказалась от этой мысли, решив предоставить сербскому народу право свободного выбора [18].

Наследником был провозглашен обучавшийся в Париже четырнадцатилетний Милан Обренович, внук брата Милоша. Скупшине оставалось лишь подтвердить законность наследования. До наступившего в 1872 г. совершеннолетия князя вся полнота власти принадлежала регентам.

Таким образом, со смертью князя Михаила закончился очередной период в истории Сербии.

Примечания

1. Записки графа Игнатьева Н.П.// Исторический вестник 1914 г. № 1.С. 56.
2. Записки графа Н.П.Игнатьева о его пребывании в Константинополе в 1864 – 1874 гг. // Русская Старина 1914 г. № 4.С. 46
3. Цит по: Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864-1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. №6.С. 47.
4. Русские в Сербии. – Белград. 2009. С. 20-36.
5. Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи 70 – 80 гг. XIX в.М.1989.С. 4-5.
6. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878. № 9. С. 348.
7. Никитин С.А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX века//Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867 – 1878 годах. М. 1948. С. 21 –
8. Там же, С. 31.
9. Там же, С. 92.
10. Семёнов И.С. Христианские династии Европы. Династии, сохранившие статус владетельных. Генеалогический справочник. М. 2002. С. 374.
11. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVII – 70 гг. XIX в.).М. 1986. С. 112 – 121.
12. Чиркович С.М. История сербов. М. 2009.С. 271.
13. Дебидур А. дипломатическая история Европы. М. 1948. Т.2. С. 325-327.
14. Чиркович С.М. Указ.соч. С. 272.
15. Записки графа Игнатьева Н.П. // Исторический вестник 1914 г. № 1. С. 68.
16. Записки графа Н.П. Игнатьева //Русская старина. 1915. №4. С.14.
17. Граф Н.П. Игнатьев Дипломатические записки (1864-1874). София. 2008. Т.1. С. 268-269.
18. Там же С.269.

Дискуссионные вопросы русских и белорусов в XXI в.**о единстве исторических корней**

В учебном пособии Республики Беларусь «ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ ў кантэкстэксцэ сусветных цывілізацый» отмечается, что «в результате широкого расселения славян и взаимодействия их с различными этносами с VIII – IX вв. начался процесс распада общеславянского языка и образования отдельных славянских языков. Это привело к образованию трех славянских групп, в недрах которых в период Средневековья сформировались славянские народности: западной (поляки, чехи, словаки, лужицкие сербы), восточной (белорусы, русские, украинцы), южной (болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы) ветвей» [1]. Эта же версия о славянских народностях популярна и во многих учебных пособиях Российской Федерации.

Но в 2009 г. в сети Интернет появляется статья Артёма Деникина «Генофонд Белорусов», которая шокировала многих читателей. Из этой статьи следует, что исследования российских и белорусских ученых показали, что «белорусы и русские – совершенно разные генетически и антропологически этносы. И ближайшей родней белорусам являются вовсе не русские и украинцы, а мазуры и лужицкие сербы. ... Многие российские политики и политологи повторяют советский миф о том, что якобы белорусы и русские – почти один и тот же народ, и на этом основании они считают необходимым вхождение Беларуси в состав России. Однако специалисты прекрасно знают, что у белорусов и русских разное этническое происхождение, разная антропология, разные языки, разный уклад жизни, разные традиции, разная религия (у белорусов – униатская и католическая), разные национальные характеры. А проведенные в последнее время исследования генетиков России и Беларуси показали, что у народов и совершенно разные гены» [2].

Конечно, это высказывание нашло массу откликов во многих социальных сообществах среди пользователей сети Интернет. К примеру, сообщество «Я люблю Беларусь» так разделило по голосам обсуждение этой статьи, на

которую было представлено 120 комментариев (в основном от граждан СНГ) [3]. В них имеют место споры среди участников, однако 15 авторов считают, что русские и белорусы один народ, 10 – разные, 8 просто комментируют её просто как интересную статью [4].

В сообществе «За адзіную дзяржаўную мову ў Беларусі» (За единый государственный язык в Беларуси) 18 марта 2011 г. появились результаты социологического опроса на тему: «Беларусы – славяне ці заходнія балты? Беларусы – частка расейскага народу ці гэта асобная нацыя, якая мае сваю асобную гісторыю і мову?» (Белорусы – славяне или западные балты? Беларусы - часть российского народа или это отдельная нация, которая имеет свою отдельную историю и язык?): 38,46 % респондентов считает белорусов балтами, а 61,54% - славянами [5].

В XXI в. все чаще и чаще в сети Интернет поднимаются темы: «Белорусы и русские братья, или просто соседи?!», «Чому росіяни не розуміють мови братських народів?», «Чаму расейцы не разумеюць моваў братэрскіх народаў?» (Почему русские не понимают языки братских народов?), «Откуда берется русская ненависть к белорусоязычным и украиноязычным братским народам?» [6] и т.д.

Нужно отметить и дискуссию о единстве языка. К примеру, Интернет-сообщество «Россия, Украина, Беларусь» с 18 января 2010 г. по 26 августа 2011 г. проводило социологический опрос на тему: «Русский язык для стран-соседей России. Иностранная речь, или средство межнационального общения родственных народов?». Результаты следующие: 1. Родной язык – 41.84%; 2. Язык межнационального общения – 22 (22.45%); 3. Иностранный язык, привитый русскими оккупантами – 13,27% [7].

В Конституции Республике Беларусь (ст. 17) говорится, что «государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки», что подчеркивает равенство и родство двух языков [8].

Несмотря на то, что лидирующие позиции, пусть с небольшим перевесом, занимает ответ о том, что белорусы и русские один народ, позиции россиян по

вопросу о взаимоотношениях Республики Беларусь и Российской Федерации в сферах культуры, экономики, политики следующие:

1. Самым надежным партнером России среди стран СНГ в 2010 г. является Казахстан (37%) [9].

2. Белоруссия, лидировавшая в 2009 г., в 2010 г. упоминается значительно реже (снижение с 43 до 23%), а вот Украина рекордно поднялась в этом рейтинге, заняв почетное третье место (с 4 до 21%) [10].

Учитывая рейтинг самых надежных партнеров России глазами населения, закономерно выглядят и позиции глав государств СНГ в 2010 г., пользующихся наибольшим доверием россиян. В нем лидирует президент Казахстана Нурсултан Назарбаев (32%), второе место занимает его украинский коллега Владимир Янукович (17%), доверие к которому значительно превышает показатели его предшественника Виктора Ющенко (3%). Исследование показало двукратное снижение позиций главы Белоруссии Александра Лукашенко (с 33 % в 2009г. до 16% в 2010г.) [11].

В вопросе о том, в какой из стран СНГ в большей степени обеспечены политические, социальные, гражданские и другие права русскоязычного населения, в 2010 г. наши сограждане отдали приоритет все той же тройке – Белоруссии (27%), Казахстану (21%) и Украине (17%). Но надо отметить, что для Белоруссии этот показатель снизился почти в два раза по сравнению с 2009 г., когда он составлял 48% [12].

Что касается уровня интереса к истории, культуре и достопримечательностям стран СНГ, то россиян наиболее привлекают Украина, Белоруссия и Казахстан (14–15% каждая) [13].

Белорусы и россияне — ветви одного славянского древа. Союз Беларуси и России основан, прежде всего, на общности исторических судеб наших народов. Мы переживали тяжелые времена, но берегли наше духовное единство и наш уникальный, богатый культурный мир.

Примечания

1. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый): вучэб. дап. / В.І. Галубовіч ; 4-е выд.; пад рэд. В.І. Галубовіча, Ю.М. Бохана. – Мінск: Экаперспектыва, 2009. С. 34 (перевод с белорусского языка).
2. «Аналитическая газета «Секретные исследования» Архив публикаций // <http://secret-r.net/publish.php?p=119>(26.08.2011г.)
3. «Я люблю Беларусь». Закрытая группа // <http://vkontakte.ru/club10064> (29.08.2011г.).
4. Комментарии к теме: беларусы и русские не один народ? Интересная статья. // <http://vkontakte.ru/feed?section=comments> (30.08.2011г.).
5. «За единый государственный язык в Беларуси». Открытая группа Обсуждения // http://vkontakte.ru/topic-1538280_24163411(30.08.2011г.).
6. «За единый государственный язык в Беларуси». Открытая группа. Обсуждения // http://vkontakte.ru/topic-1538280_20546142(30.08.2011г.); Языковая школа. Откуда берется русская ненависть к беларускоязычным и украиноязычным братским народам? // <http://www.lagneo.ru/81633/1> (27.08.2011г.).
7. «Я люблю Беларусь» Закрытая группа. // <http://vkontakte.ru/club322390> (30.08.2011г.); «Я люблю Беларусь» Закрытая группа.Обсуждения // <http://vkontakte.ru/club322390>
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1 996 г. и 1 7 окт. 2004 г. -3-е изд.,Минск, 2008.С.7.
9. Новости – Казахстан. Агентство международной информации // <http://www.newskaz.ru/society/20101213/988870.html> (26.08.2011г.)
10. Там же.
11. Казахстан – главный партнер России в СНГ // <http://www.asiapress.ru/category/без-рублики>
12. Там же.
13. Там же; .Лауреаты премии Союзного государства / сост. Ж.В. Котлярова. Минск, 2007.С. 3.

М.Ю. Горожанина (г. Краснодар)

*Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны...*

Ф.И. Тютчев

Православие как духовная основа южного и восточного славянства

Сегодня в условиях становления нового миропорядка по-прежнему значима проблема славянского единства. В то же время, в отличие от XIX века, нынче она приобретает иную окраску. В современной России, к сожалению, идея панславянизма с одной стороны, все чаще становится брендом различного рода экстремистских организаций, с другой стороны является политическим мифом. Такая противоречивость не может не настораживать. В связи с чем, представляется целесообразным рассмотреть становление и развитие данной проблематике в исторической ретроспективе.

В отличие от XIX века, когда все российское общество было охвачено идеей освобождения Балкан, а лозунг славянского единства имел реальную подоплеку, сегодня несколько иная ситуация. В настоящее время наблюдается заметное противоречие между теоретической разработкой проблемы и реальным положением дел, между стремлением отдельных славянских общественных организаций к объединению и официальной политикой славянских держав. Времена, когда Болгарию именовали шестнадцатой республикой, давно канули в лето, да и внешняя политика России давно уже ориентирована не на Балканы. К сожалению, нынешних российских деятелей больше волнует независимость Абхазии и Осетии, нежели братской Сербии. Идея панславянизма давно не встречает никакой поддержки со стороны официальных властей славянских государств, из всех многочисленных связей, некогда существовавшими между Россией и южными славянами сегодня единственным консолидирующим фактором выступает православие. С нашей точки зрения, именно православная парадигма является мощным импульсом к духовному единению двух братских народов русских и болгар. История

религиозных связей является ярким тому подтверждением. Остановимся же лишь на самых знаковых моментах.

Тесному духовному сотрудничеству Руси и болгар первоначально способствовали три фактора:

1) Исторический. Процесс христианизации, как болгар, так и русских был почти идентичен, совпадает не только время крещения (865 г. Болгария, 988 г. Русь), но и причины. Как в Болгарии, так и на Руси начало принятия христианства восходит к периоду складывания государственных институтов. Инициатива крещения исходит в обеих странах от главы государства (на Руси князь Владимир, в Болгарии царь Борис). Православная Церковь, как Руси, так и Болгарии с древних времен противостояла католическому Риму.

2) Культурный. Церковная догматика болгар и русских была весьма схожей, также как и обрядность, что с одной стороны, являлось следствием культурной близости, с другой влиянием соседней Византии. Как для болгар, так и для русских именно Византия была источником христианского вероисповедания. Нанимаясь на службу к византийскому императору, славяне воочию знакомились с христианскими ценностями, а затем по возвращению домой начинали их проповедовать. У обоих народов сохранилось церковное предание о первой христианской проповеди в их землях апостола Андрея Первозванного. Общим изначально был и язык церковного богослужения. Как известно, благодаря трудам просветителей св. Кирилла и Мефодия, славянские народы получили не только собственную письменность, но и возможность вести богослужение на родном языке.

3) Территориальный. Близость территорий не только способствовала развитию торговых связей, но и оказывала влияние на взаимное проникновение в культуру друг друга. До сих пор ряд российских исследователей полагают, что главную роль в крещении Владимира сыграла не Византия, а Болгария. По их мнению, именно оттуда изначально шло христианство на Русь [1]. Анализ древних рукописей наглядно демонстрирует следы болгарского влияния на русскую культуру и русского на болгарскую. Именно болгарские книжники

были первыми носителями церковной грамотности на Руси, именно в Болгарии изначально создавались церковная литература для Руси. Позже, спасаясь от турецкого гнета, многие православные болгары находили приют в русских землях. Примерно с XIX в. начинается процесс болгарского культурного ренессанса, в котором важную роль играла Российская империя. Именно она была хранительницей духовных традиций и православной культуры болгарского народа в период турецкого гнета. Протянув руку помощи, Россия не только предоставила в духовных семинариях и академиях учебные места будущим болгарским пасторам, но и снабдила их всей необходимой литературой.

Таким образом, все это способствовало складыванию таких общих черт в духовной сфере как:

1) Неразрывная связь православия с идеей национальной консолидации общества. Как в Болгарии, так и на Руси в период политической нестабильности и смут, именно Церковь являлась носителем государственности, была единственной объединяющей силой.

2) Изначально обе Церкви выступали не только проводником государственной идеологии, но и являлись главным просветителем общества. Именно православное духовенство обоих народов, с одной стороны способствовало сохранению и развитию национальной культуры, с другой являлось инициатором активного межкультурного взаимодействия и общения.

3) Идея духовной независимости от Византии. Первоначально как на Руси, так и в Болгарии основную часть духовенства составляли выходцы из Византийской империи. Долгое время обе церкви находились в подчинение константинопольского патриарха, что вызывало недовольство. Не случайно уже в первом политическом трактате Древней Руси митрополит киевского происхождения Илларион, проповедовал идею равенства всех «языков» т.е. всех народов не только перед Богом, но и в развитии мировой истории, особо подчеркивал богоизбранность младого русского племени.

Вместе с тем, имелись и некоторые отличия:

1) Так изначально христианская вера болгар неразрывно было связана с идеей освобождения. Именно болгарское духовенство выступало инициатором национально-освободительной борьбы, прекрасно понимая, что добиться церковной самостоятельности можно лишь получив независимость. Не случайно начало болгарского национального возрождения связано с именем преподобного Паисия Хиландарского, который считал, что без развития патриотических чувств не возможно пробудить народное самосознания. Этим целям была посвящена его «История славяно-болгарская о народах, и о царях, и о святых болгарских» (1762), ставшая, по сути, манифестом патриотизма. Именно болгарское православное духовенство стояло у истоков национально-освободительной борьбы XIX в. Так, в 1801 г. при содействии епископа Врачанского был сформирован боевой отряд Земское болгарское войско [2].

2) В отличие от Руси, где процесс формирования церковной независимости был непрерывным, Болгарская Церковь постоянно сталкивалась с серьезными препятствиями на пути к своей самостоятельности. Так, еще в 919 г. на Церковно-Народном Соборе в Преславе была провозглашена автокефалия Болгарской Православной Церкви, в 927 г. это решение признал Константинополь, глава Болгарской Церкви – архиепископ Доростольский Дамиан был объявлен Патриархом. Но уже в 1018-1019 гг. византийский император Василий II Болгаробойца, завоевав Болгарию, лишил ее патриаршего ранга, низведя ее до статуса Архиепископии. Права Болгарской церкви заметно были урезаны. Почти два века болгарский народ находился под греческим игом. Лишь в 1235 г. была создана Вторая Болгарская Патриархия, с центром в Тырнове, которая просуществовала 158 лет (1235 -1393). После ее ликвидации, центром духовной жизни болгар была Охридская Архиепископия. Но в 1767 г. после покорения Балкан турками и она была полностью подчинена Константинополю на правах Преспанской митрополии [3].

3) Долгое время, в отличие от России, где православие по-сути превратилось в идеологию государства, православное духовенство Болгарии вынуждено было существовать без всяческой государственной поддержки в

условиях господства турецкого ига. В это непростое время, именно русская Православная Церковь оказывала как материальную, так и духовную поддержку своим братьям.

В целом же в истории духовного взаимоотношения Руси и Болгарии можно выделить четыре периода. За основу периодизации взяты следующие факторы:

1) Изменения во внешней политике и приоритетных задачах, стоящих перед Церковью.

2) Трансформация церковного управления и церковной организации.

3) Изменение в положение православного духовенства и его отношение с официальной властью.

Первый, начальный: X – XVI вв.

Характеризующийся складыванием государственных институтов и зарождением церковной иерархии. Именно в это время в обеих церквях формируется двойственное отношение к Византии. С одной стороны, ее рассматривают как духовный центр, с другой как источник постоянного давления. К этому же времени относится складывание единой формы церковного богослужения и начала создания церковной литературы на славянском языке. Именно болгарские переводы греческой богослужебной литературы активно использовались на Руси. Анализируя взаимоотношения русской и Болгарской православной Церкви, следует заметить, что ведущую роль в это время выполняет болгарское духовенство. Именно оно является носителем религиозного образования на Русь.

Второй, культурно – реформистский XVI – XVIII вв. Началом данного этапа является образования Московской патриархии (1589 г.). К главным особенностям этого периода можно отнести формирование идеологии «Москва – третий Рим», которая во многом определила механизм взаимоотношения с Болгарской православной церковью. В отличие от первого периода на данном этапе именно от Руси исходит инициатива поддержки православия в Болгарских землях. В то же время, несмотря на турецкий гнет, болгарское православное духовенство продолжает оказывать влияние на русскую

культуру. Появление на территории Московии большого количества выходцев с Балкан, с одной стороны активизирует издательскую деятельность (второе южнославянское влияние), с другой создает предпосылки для начала церковной реформы. Как оказалось, болгарские переводы греческих церковных текстов, активно используемые на первом этапе на Руси, не всегда достаточно воспроизводили оригинал. Это вызвало необходимость знаменитой Никоновской книжной правы. Именно в этот период четко выделяется центры духовных связей русских и болгар, такие как Москва, Киев, Афон. Особенно важную роль играл Рыльский монастырь. В 1558 году, игумен Рыльского монастыря Григорий заключил с русской православной Церковью договор «О помощи и взаимопочитании на русские и болгарские святцы». В 1584 г. Иван Грозный разрешил монахом этой обители организовать на Руси сбор материальной помощи. Именно иноки этого монастыря активно проповедовали в болгарских землях идею нерушимой дружбы болгар и русских. Не удивительно, что первым иноземным монастырем, посещенным русским монархом Михаилом в 1628 г. была именно эта обитель [4].

Третий, национально-освободительный. XVIII – н. XX в. Начальной датой данного этапа является подчинение русской православной Церкви государственной власти, ознаменованное такими событиями как упразднение патриаршества (1700г.) и создание Св. Синода (1721 г.). Для болгарской Церкви это один из тяжелых периодов, она не только лишилась своей автономии в 1767 г., но и возможности иметь собственное духовенство, основная часть священства назначалась из греков, что встречало массовое недовольство и во многом стало причиной самостоятельного провозглашения в 1872 г. автокефалии болгарской Церкви и ее независимости от Константинополя.

В отличие от предшествующих этапов, на данном политика русской православной Церкви относительно болгарской находилась в зависимости от воли русского монарха и во многом определялась интересами российской империи. Что нашло наиболее яркое отражение в отношении РПЦ к схизме, объявленной константинопольским патриархом. Именно под давлением

монархической власти, несмотря на свои симпатии независимой Болгарской Православной Церкви (БПЦ) православное духовенство России в этом вопросе придерживалось нейтралитета. Вместе с тем, Святейший Синод РПЦ предпринял ряд мер, направленных на преодоление изоляции БПЦ. В это время по-прежнему продолжали обучаться будущие болгарские пасторы в российских духовных школах, некоторые архиереи предоставляли болгарам святое миро, в ряде случаев происходило совместное сослужение русского духовенством с болгарскими клириками. Однако, полного канонического общения между двумя братскими церквями не существовало вплоть до 1945 г.

Четвертый, компромиссно-конморфистский. 1914 – 1991 гг. На этом этапе, впервые за многовековую историю два братских народа оказались по разную сторону баррикад вначале в Первую мировую войну, затем во вторую. В тоже время, несмотря на все усилия католического Рима, взять болгар под свою опеку, они сохранили верность православию и русскому народу. Даже в этот сложный период продолжалось духовное общение между двумя братскими церквями. В годы второй мировой войны, несмотря на противодействие фашистской Германии, БПЦ оказывала материальную поддержку своим русским братьям. В 1942 г. все приходы Болгарии выделили на нужды РПЦ по 1% от доходов, наибольшие пожертвования были внесены от Софийской и Пловдивской епархии по 150 тыс. левов, активное участие в сборе средств принимали и простые граждане [5]. В ответ на это РПЦ в 1945 г. своим ходатайством перед Константинопольским Патриархом Вениамином подготовила почву для переговоров, в результате чего 22 февраля 1945 г. давно желанное и ожидаемое событие совершилось — схизма была прекращена, независимость Болгарской православной церкви была признана всем православным миром.

Таким образом, подводя итог данному исследованию, следует особо подчеркнуть: общность веры объединяла два братских народа, способствовала их тесному культурному взаимодействию. Не раз в трудную минуту они приходили на помощь друг другу. Сегодня особенно важно не забывать об

этом. Как верно писал И.С. Аксаков, спустя несколько лет после получение Болгарией независимости: «Несбыточное сбылось. Но какой ценой? Вот этого и не следует забывать ни нам, ни болгарам... Болгарское государство порождено и крещено русской кровью, а потому не должно, да и не может никогда стать русскому сердцу чуждым» [6].

Примечания

1. Кузьмин А.Г. Крещение Руси. М. 2004. С. 40-41.
2. Скурат К.Е. История Православных поместных Церквей. <http://www.sedmitza.ru/>
3. Там же.
4. Чалых Н. Н. Рыльск: История с древнейших времён до конца XX века. Рыльск, 2002. С. 234
5. Шкаровский М.В. Болгарская Церковь в годы второй мировой войны // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4 С. 34
6. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М. 1998. С. 447 - 448

Русское антиковедение и русская национальная идентичность

Возникновение интереса к античности в России, как и в большинстве других европейских стран, было связано с развитием так называемых «буржуазных отношений». Неотъемлемой частью развития отношений данного типа является формирование национального самосознания, в свою очередь выступающего в качестве главного критерия идентичности посттрадиционного общества. Специфика возникновения в XVIII в. российского антиковедения состоит в том, что его зарождение и наиболее длительный период развития приходились на время, когда привнесенные (в значительной степени искусственно) элементы западной культуры (в том числе научной) должны были сосуществовать с «базисом» совершенно иного типа, более соответствующего культурным установлениям средневековья. Объективно сложившаяся ситуация была характерна в целом для Восточной Европы. Здесь всюду, включая католические страны, вестернизация (и мода на античность в частности) предстает в виде барской забавы или правительственного искания престижной «европовидности». Отсюда, кстати, очевидна несерьезность рассуждений по поводу Возрождения в ВКЛ или Речи Посполитой, где «раннебуржуазного» города в качестве условия данного культурно-исторического явления не существовало. Бутафория магдебургского права находится здесь примерно в том же смысловом ряду, что и городские положения Российской империи XVIII в. и вводить нас в заблуждение не должна.

Известная неорганичность заимствованного восприятия античности предопределила неизбежное методологическое эпигонство российского антиковедения, зависимость от авторитета западной науки. При самом возникновении российской науки о классической древности в качестве зачинателей выступают приглашенные из Германии специалисты, и прежде всего Готлиб Зигфрид Байер. Кроме норманнской теории, надолго ставшей

жупелом для отечественной историографии, им были намечены основные сюжеты российского антиковедения и смежных с ним дисциплин, и поныне являющиеся наиболее разрабатываемыми: скифское наследие, греческие колонии Северного Причерноморья, кавказские и среднеазиатские древности [1].

Показательна оценка вклада Г. Байера в русскую науку, которую дал русский патриот М.О. Коялович еще в 1885 г.: «Байер – человек великой западноевропейской учености, но совершенный невежда в области русской исторической письменности... При таких условиях ученому историографу можно было работать только в области глубочайших русских древностей... Тут только могла найти себе приложение громадная эрудиция ученого немца... Этот результат научных исследований отвечал основному плану петровских преобразований; но он был еще более результатом немецких национальных вождедений касательно России. Что же касается научности этого результата, то... ее здесь было меньше всего при всем богатстве ученых приемов Байера» [2].

Нетрудно заметить, что данная оценка чрезмерно критична и едва ли в полной мере справедлива. Тем не менее М.О. Коялович вполне к месту обратил внимание на тесную взаимозависимость между национальной наукой и национальным языком. Последний для восточноевропейских народов, весьма поздно (лишь с XIX в.) ставших на путь распространения грамотности, оказался гипертрофированно значимым, так как мотивация по поводу национального языка во многом заменила здесь такой связующий западные нации мотив, как устойчивый торговый интерес и основанное на нем гражданское самосознание городской самоуправляющейся общины. Действительно, национальный идеализм восточноевропейских народов, легко переходящий в национализм, в основе своей идеологии имеет «языкопоклонство». Причастность национальному (литературному) языку стала неким аналогом дворянского диплома, дающего исключительное право участвовать в принятии решений общенационального масштаба. Творчество в области языка в Восточной Европе

XIX в. – это все та же барская забава «образованных классов», на протяжении всего столетия, а затем и первой четверти XX в. упражнявшихся в «нарезании» восточноевропейской карты на народности, без сколько-нибудь заметного учитывания мнения на этот счет самих «народностей». Вместе с тем бросается в глаза существенно меньшая искусственность языко- и нациетворчества в русском обществе, чему определяющим образом способствовала собственная государственность на основе византийской традиции.

Переводы греческих и римских авторов в первой половине XIX в. послужили сильнейшим стимулом для развития русского языка прежде всего антиковедческой науки. Предшествовал массовым русскоязычным изданиям античных авторов переводческий опыт М.В.Ломоносова, в 1748 г. впервые переведшего на русский язык горациевский «Monumentum» (Гораций. Оды, III 30). На наш взгляд, справедливо говорить о второй линии в российском антиковедении, идущей уже не от Байера, а от Ломоносова. На переводах с древнегреческого и латыни вырабатывался русский национальный язык, видимо, таким же образом, каким вырабатывался немецкий благодаря переводу Библии, сделанному Лютером. Отсюда трудно переоценить значение ломоносовской линии, только в переводах «Памятника» отмеченной творчеством наиболее выдающихся русских национальных языкотворцев – Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова А.С. Пушкина, В.Я. Брюсова, В.Ф. Ходасевича. Однако не менее важное значение имела переводческая деятельность собственно историков и филологов-классиков. Так, к сороковым годам XIX в. были сделаны следующие наиболее крупные переводы: «Греческие классики» И.И. Мартынова (26 томов), «Жизнеописания Плутарха» С.Ю. Дестуниса, аристофановская комедия «Облака» И.М. Муравьева-Апостола, «Илиада» Н.И. Гнедича. Во второй половине XIX в. это были переводы: Ф.Ф. Зелинского (Тит Ливий), Ю.А. Кулаковского (Аммиан Марцеллин), Ф.Г. Мищенко (Фукидид, Геродот, Полибий, Страбон), В.И. Модестова (Тацит, Гораций); в начале XX в. – С.А. Жебелева (Геродот) и т.д. Многие из этих переводов не потеряли своего научного значения по сей день и продолжают переиздаваться.

Антиковедение, прежде всего в аспекте переводческой деятельности, сыграло во многом определяющую роль в выработке языковых норм национального русского языка. И в этом смысле содействовало формированию русского самосознания в не меньшей степени, нежели через примеры гражданской доблести греков и римлян. Показательно так же и то, что в России из антиковедения довольно рано развилось византиноведение. Причем рост его шел параллельно с процессом вовлечения разночинной молодежи в сферу дворянской культуры. Нациетворчество в России таким образом соединилось с возвращением на новом этапе к византийскому коду России. Автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» не случайно в 1834 г. написал осуждение начала германского этапа европейской истории: «когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслись беспокойными кометами... робкое римское просвещение прижалось к берегам Сирии, Александрии, Цареграда» [3].

Таким образом, русское антиковедение, возникнув из потребности в национальной самоидентификации, во многом отразило характер русского национального самосознания, в котором общеевропейское органично ужилося с византийским. Означенный литературный процесс (в аспекте переводческой практики с классических языков) убедительно свидетельствует об исключительной важности освоения античных памятников для формирования русского языка и литературы, новоевропейского варианта русской культуры в целом. «Русская античность» оказалась «одним из системообразующих процессов национальной культуры» [4].

Примечания

1. Историография античной истории / под ред. В.И.Кузищина. М., 1980. С. 48.
2. Коялович М.О. История русского самосознания. Минск, 1997. С. 135–136.
3. Гоголь Н.В. О движении народов в конце V в. // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в VII т. Т. VI. – М.: «Художественная литература», 1986. С. 139.
4. Кнабе Г.С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 1999. С. 225.

Славяне и русы на Кавказе в VII – X вв.

Славяно-кавказские отношения имеют многовековую историю. В исторической литературе очень много внимания уделяется истории Руси и славянства на Кавказе в X – XII вв. в связи с деятельностью Тмутараканских князей. Однако, данные источников, в особенности арабских, позволяют сделать вывод, что ещё задолго до образования Тмутараканского княжества славяне и русы играли на Кавказе весьма заметную роль, и как купцы, и как воины. Как справедливо отмечал советский востоковед А.Я. Якубовский, «русские славяне выступали в X в. на Востоке не только как купцы, но и как крупная политическая сила» [1]. Темы русов и славян на Кавказе касались такие историки как В.В. Бартольд. Лингвист и историк О.Н. Трубачев изучал регион, пытаясь локализовать Азово-Черноморскую Русь. Исследованием проблемы славян и русов на Кавказе успешно занимается ижевский историк Л.Р. Прозоров. А.Л. Монгайт исследовал вопрос русов и славян на Кавказе в связи с вопросом об истории и подлинности Тмутараканского камня. Так какие же связи имели место?

Ещё в 628 г. армянский историк Моисей Кагантакаваци описывает, как хазары осадили город Партаву (Бердаа). Он сам был в лагере хазар и видел и слышал их разговоры, записал несколько слов, среди них было несколько славянских [2]. Историк отмечает также густые и длинные усы у воинов, что было характерно для славянского внешнего облика. Нет ничего удивительного в том, что славяне и хазары на Кавказе выступили как союзники. Так, текст из анонимного сочинения «Собрание историй» 1126 г. повествует: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца» [3]. В 644 г. о русах упоминает князь, правитель Дербента Хашрияр. Он писал арабскому халифу: «Я нахожусь между двумя врагами: одни – хазары, а другой – русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того чтобы платить дань, будем воевать с руссами сами, и собственным оружием, и будем удерживать их,

чтобы они не вышли из своей страны». В 737 г. армия арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда двинулась войной против хазар. Разгромив хазар на Кавказе, он по свидетельству источников захватил в полон двадцать тысяч славянских семей живших на берегу Дона [4]. В 880 и 909–910 гг. русы, по свидетельству персидских историков, появляются в Каспийском море, и совершают морские походы [5]. Они не коснулись Кавказских берегов, но плыли русы (к побережью северного Ирана) предположительно вдоль дагестанского побережья. В 914 г. русы на пятистах судах спустились Волгой через владения и с разрешения хазар в Каспийское море, обосновались на острове, лежащем напротив Баку, и в продолжение нескольких месяцев грабили, жгли и опустошали западное, восточное и южное побережья Каспийского моря [6]. Однако на обратном пути большая часть русов была истреблена в Хазарии. Эта неудача на Волге побудила Русь в 943 – 944 гг. выбрать другой путь для похода на Кавказ. По Черному морю русы, направились вдоль Кавказского побережья, а затем сушей к северу от Кавказского хребта вышли к Дербенту. Во время похода был взят крупный и богатый город Бердаа. Вот как об этом рассказывает Ибн-Мискавейх: «Когда они достигли Куры, вышел против них представитель Марзубана и заместитель его но управлению Бердаа. Было с ним триста человек из Дейлемитов и приблизительно такое же число бродяг и курдов. Простой народ убежал от страху. Вышло тогда вместе с ними (войско) из добровольцев около 5000 человек на борьбу за веру. Были они (добровольцы) беспечны, не знали силы их (Русов) и считали их на одном уровне с армянами и ромейцами. После того, как они начали сражение, не прошло и часу, как Русы пошли на них сокрушающей атакой. Побежало регулярное войско, а вслед за ним все добровольцы и остальное войско, кроме Дейлемитов. Поистине, они устояли некоторое время, однако все были перебиты, кроме тех среди них, кто был верхом. Русы преследовали бегущих до города (Бердаа). Убежали все, у кого было вьючное животное, которое могло увезти его, как военные, так и гражданские люди, и оставили город. Вступили в него Русы и овладели им» [7]. Примечательно что в

походе 943 – 944 гг. на стороне русов участвовали так же аланы и лезгины, что является свидетельством союза Киевской Руси с этими народами [8]. В договорах заключённых между Русью и Византией в 945 г. упоминается «Корсунская страна» [9] а византийский историк Лев Диакон, рассказывая о войне Руси и Византии, излагал послание императора Цимисхия к Святославу Храброму, напоминая тому про поражение его отца Игоря в 941 г.: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок» [10]. Как известно, Боспором Киммерийским называли Керченский пролив. Ввозможно, что уже в середине X в. на Таманском полуострове существовал форпост для продвижения Руси к Кавказо-Черноморскому региону, за это говорит и активная деятельность Руси в данном регионе.

В «Повести временных лет» в изложении событий войны Святослава Храброго против хазар упоминаются и кавказские народы: «В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов» [11]. В Новгородской первой летописи есть любопытное упоминание о том, что князь Святослав привёл ясов и касогов на поселение к Киеву [12]. Эту же гипотезу поддержал в дальнейшем и историк В.Н. Татищев. А.Н. Сахаров сделал следующее предположение: «Можно предположить, что в преддверии ожидаемого похода на Дунай Святослав мог привести с собой в Киев не поселенцев, а отряды ясов и касогов. Дальнейшие события показали, как тщательно подходил он к балканской кампании, обеспечив себе поддержку угров, печенегов, а во время русско-византийской войны – и болгар» [13]. По сообщению местных исторических хроник в 987 г. эмир Дербента «тайно искал помощи против раисов у русов», которые прибыли на зов на восемнадцати судах [14]. И снова – указание на близость пребывания русов к Кавказскому региону. По мнению востоковеда В.Ф. Минорского, это было бы невозможно

если бы русы находились далеко от Дербента [15]. Русы находились на службе и в самом Дербенте в качестве гуламов (слуг), составляя по-видимому третейскую силу, или гвардию эмира. Автор составленного в конце X в. библиографического свода «Фихрист» Ибн-Исхак ан Надим сообщает о посольстве, которое «один из царей горы Кабк» отправил к «царю русов». Это одно из достоверных свидетельств установившихся мирных контактов русов с северокавказскими народами [16]. О торговых отношениях русов с арабским миром через Кавказ, на рубеже IX – X веков свидетельствует арабский таможенник Ибн Хордадбег: «Что же касается русских купцов, а они (русы) – племя из славян, то они привозят меха бобров, меха чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых (частей) страны славян к Румскому морю, и взимает с них десятину царь румийцев. Если же они плывут по Танаису, реке славян, то они высаживаются в городе хазар, и взимает с них десятину его владетель, потом они идут в Джурджанское море и высаживаются на его берегах, где хотят... Иногда они привозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад, причём переводчиками им служат славянские евнухи; они выдают себя за христиан и уплачивают джизью» [17]. Данные о пребывании русов и славян в Каспийском (Хвалынском) море можно найти в русском былинном эпосе. В былине «Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле» и в былине «Василий Буслаев молится ездил» в них присутствует упоминание о плавании и походах в Каспийском море.

Таким образом, можно подвести следующие итоги. В период VII–X вв. славяне-русы на Кавказе выступали и как военная сила, и как наёмники, и как союзники тех или иных кавказских народов, и как купцы. Однако при всём при этом, зачастую вопросов может быть больше чем ответов. Не ясно, откуда совершали свои походы русы и из какого центра действовали. Тмутаракань как мощный оплот Киевской Руси на Кавказе набирает свою силу лишь с конца X в. Возможно, этим центром была будущая Тмутаракань, возможно Крым, возможно отдельные центры русов на Кавказе. Вопрос этот требует дополнительного изучения. Уже во второй половине XII в. о районах,

связанных с Северным Кавказом и Предкавказьем упоминается в «Слове о полку Игореве» как о «Земле неведомой», или незнаемой: «Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь преграждало, ночь стенаниями грозными, птиц пробудила, свист звериный поднялся, востепенулся Див, кличет, на вершине дерева, велит послушать земле неведомой. Волге, и Поморью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол!» и далее «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело!» [18]. Процессы феодальной раздробленности надолго отбросили Русь «назад» от её прежних позиций на Кавказе, Чёрном и Каспийском морях.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988. С. 147.
2. Прозоров Л.Р. Кавказский рубеж на границе с Тмутараканью. М., 2006. С. 77.
3. Откуда есть пошла русская земля. М., 1986. Т. II. С. 568-569.
4. Прозоров Л.Р. Указ. соч. С. 85.
5. История Российского флота. М., 2008. С.6.
6. Там же.
7. Откуда есть пошла русская земля. Т. II. С. 576–578.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. С. 147.
9. Повести Древней Руси. М., 2002. С. 82.
10. Лев Диакон. История. М., 1988. С. 80.
11. Повести Древней Руси. С. 95.
12. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С.100.
13. Там же.
14. История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. С. 147.
15. Там же.
16. Там же.
17. Славяне и Русь. Проблемы и идеи. М., 1999. С. 300–301.
18. Повести Древней Руси. М., 2002. С. 305.

**Болгарское население Софии по данным наследственных описей
кадийских регистров 1731-1833 гг.**

Шариатские суды, где обязанности судьи исполнял кадий с помощниками, являлись инстанцией, решавшей любые правовые конфликты в Османской империи. Полномочия кадиев включали рассмотрение как гражданских, так и уголовных дел. Помимо судебных в их функции входил также ряд административных и нотариальных обязанностей, в том числе раздел наследства.

В восприятии османских властей неким аналогом кади в христианских общинах был приходской священник, являвшийся главой общины и представлявший интересы христиан перед лицом местных властей. Подобно кади, в обязанности священника входило заверение завещаний, торговых сделок и договоров. Таким образом, священники оказывались для христиан низшей судебной инстанцией, что сводило к минимуму вмешательство османских властей во внутренние дела и в повседневную жизнь христианских общин. Судопроизводство внутри общины также находилось в руках местного священника. Вопросы в области семейного, договорного и наследственного права он решал в основном без вмешательства османской администрации на основе положений канонического церковного и традиционного обычного прав [1]. Однако, подробный анализ документов кадийских судов показывает, что нередко христиане при решении различных вопросов, в том числе такого внутрисемейного, казалось бы, дела, как распределение наследства, предпочитали обращаться именно к кадию.

Кадийские регистры представляют собой интереснейшие исторические материалы, отражающие разнообразные стороны повседневной жизни населения Османской империи, в том числе болгарского населения Софии. Сведения, предоставляемые этими документами широки и разнообразны, и открывают широкое поле для исследования различных сторон жизни городского общества того периода. Протоколы содержат сведения о

конфессиональном, профессиональном и национальном составе населения отдельных городских кварталов. Не менее интересны вопросы половозрастного состава семей, положения женщины в семье и обществе, отношения родственников к общесемейной и личной собственности.

Основным источником данной работы стали наследственные описи кадийских регистров Софии XVIII-первой трети XIX веков, переведенные на болгарский язык и опубликованные в 1977 г. [2]. В использованном издании представлены сто наследственных протоколов периода с 1731 по 1833 годы, из которых 56 – дела, рассматривающие вопросы наследования христиан.

Наследственные протоколы предоставляют подробные сведения о этноконфессиональном составе населения городских кварталов Софии в рассматриваемый период.

Как и в других городах Османской империи в Софии существовала традиционная для исламского мира «церковно-квартальная» организация населения [3]. Минимальной административно-территориальной единицей в городах являлась махала (тур. *Mahalle* – квартал, район города), которая, как отмечают исследователи, по своему характеру имела много общего с сельской общиной – городской квартал выступал также в качестве посредника между своими жителями и османской властью [4].

Изначально городские кварталы были этнически замкнуты. Со временем разделение их по этническому принципу сглаживалось. Этот процесс можно проследить, сопоставив данные наследственных протоколов с данными более раннего регистра джелепкешанов Софии 1576 г. [5] (*Джелепкешан* – категория населения, обязанная предоставить определенное количество овец на нужды османского государства и армии. Освобождены от чрезвычайных налогов).

В целом, сравнение данных двух источников и их анализ показывает, что четкое разделение кварталов Софии по этноконфессиональному признаку со временем сглаживалось. Замкнутые, исключительно мусульманские или христианские кварталы, такие как махала Алишер или Калоян, в XVIII в. и позже выглядят скорее редким исключением, нежели нормой. Население

большинства кварталов смешанное. Например, население махалы Языджи-заде, бывшее в XVI в., по данным регистра джелепкешанов исключительно мусульманским [6], к началу XIX века стало смешанным, с небольшим преобладанием христианского населения.

Ярким примером квартала со смешанным населением, где по численности согласно наследственным протоколам преобладают христиане, является махала Элхадж Хамза (регистре джелепкешанов не упомянута) В издании наследственных протоколов представлены всего восемь ее жителей, шесть из которых являются христианами. Один из мусульман – брадобрей Али Челеби (1739 г.) [7] – «сын Абдуллаха», т.е. мусульманин в первом поколении. Упоминание «сыновей Абдуллаха» среди жителей ранее исключительно христианского квартала указывает на то, что постепенное сглаживание религиозных рамок между городскими кварталами происходило не только за счет процессов переселения в махалы представителей другой религии, но и за счет продолжения процесса исламизации.

Анализ данных наследственных протоколов позволяет также сделать вывод, что особенно сильно процесс изменение религиозного состава населения кварталов и постепенного сглаживания религиозных границ между кварталами проявился во второй половине XVIII века.

Наследственные описи предоставляют большое количество информации о профессиональном составе населения Софии и его экономическом состоянии, позволяет проследить распространение определенных профессий среди мусульман и христиан. Среди людей, занимающихся традиционными ремеслами – кожевенным делом, шорничеством, сапожным, кузнечным, портняжным ремеслом продолжает сохраняться профессиональная замкнутость. Большинство профессиональных сообществ продолжают оставаться замкнутыми и в этническом плане – шорничество, кузнечное и кожевенное ремесла свойственны исключительно мусульманам. В числе торговцев, наследственные протоколы которых неоднократно встречаются в источнике, мусульман практически нет: всего в ста протоколах упомянуто

девять торговцев – больше, чем представителей какой-либо иной профессии, в их числе всего два мусульманина. Также характерными исключительно для христиан по данным источника оказались профессии торговца бакалеей и трактирщика, которые впервые упоминаются в середине рассматриваемого периода и позже становятся все более популярными. Выделение торговли бакалеей как особой профессии позволяет сделать вывод о процессе постепенной специализации торговли. Упоминание среди торговцев людей, приехавших в Софию из других городов, еще раз подтверждает, что в рассматриваемый период этот город являлся важным торговым и ремесленным центром.

В данном издании наследственных протоколов упомянуто четыре православных священника, на протоколе о наследстве одного из которых хотелось бы остановиться более подробно. Судя по протоколу, священник Хранчо (1756 г.) [8] имел собственную мастерскую и лавку. Значительную часть описанного имущества составляют различные виды головных уборов, судя по их числу, явно предназначенных на продажу. В том числе перечислено несколько вариантов келлепушей – круглых легких шапочек, поддеваемых под кавук (старинный головной убор, на который наматывается чалма) для защиты его от загрязнения.

Такое занятие православного священника кажется как минимум странным, поскольку за занятие торговлей и ремеслом священник лишался сана. И еще более странным кажется, что некоторая часть его производства была ориентирована на покупателей-мусульман. Среди кредиторов и поставщиков Хранчо, также упомянуты в основном мусульмане.

Из-за своей специфики и ограниченности выборки опубликованных документов источник не отражает всего разнообразия занятий горожан Софии. Тем не менее, наследственные дела позволяют сделать ряд выводов об особенностях деловой жизни представителей разных национальностей и конфессий.

Наследственные описи предоставляют немало интересных сведений о положении женщины в семье, ее экономическом и социальном статусе. Из ста опубликованных в данном издании наследственных протоколов шестнадцать посвящено рассмотрению вопросов о наследстве женщин, в их числе две мусульманки. Во многих протоколах женщины фигурируют в качестве кредиторов, должников, совладельцев недвижимости. Также есть несколько упоминаний женщин-рабынь и служанок.

При процедуре раздела наследства в большинстве случаев женщина-наследник фигурирует как самостоятельное лицо. Редко в протоколах о распределении наследства в мусульманских семьях брат или муж может выступать как представитель сестры или супруги. Часто именно женщина, например вдова умершего, выступает в качестве инициатора обращения в шариатский суд при распределении наследства, что отмечается во вступительной части протокола.

По законам шариата вдова имеет право на $1/8$ часть наследства мужа, мать – около $1/3$, бабушка – $1/6$, доля дочери высчитывается от доли сыновей, составляя всегда $1/2$ от доли брата.

Интересны с точки зрения принципа распределения долей наследства случаи, когда на момент смерти мужа и раздела наследства жена беременна. В таком случае «плод в утробе матери» априори воспринимается как сын, т.о. ему причитается сумма, вдвое превышающая долю наследства его сестер и матери, что интересно, поскольку есть вероятность, что родится девочка, или ребенок не родится вовсе. Всего встретилось 4 таких случая, в трех из которых речь идет о распределении наследства в христианских семьях.

По данным некоторых наследственных дел многие женщины, как мусульманки, так и христианки, выглядят достаточно самостоятельными и независимыми в экономическом плане. Например, В протоколе о наследстве священника Георгия (1798 г.) [9] указано, что за семь лет до его смерти супруга, христианка Велика выкупила у мужа $1/2$ часть дома. Судя по составу наследников, семья Велики и Георгия была бездетной - помимо супруги там

упомянуты два брата и две сестры Георгия. В этом кроется возможное объяснение выкупа супругой $\frac{1}{2}$ части их дома: таким образом, она закрепила свои права на этот дом – в противном случае после смерти мужа по закону шариата она могла претендовать лишь на $\frac{1}{8}$ общей стоимости имущества, и было возможно решение вопроса о доме в пользу родственников мужа, выступающих в данном случае как противоположная заинтересованная сторона.

Богатством выделяется христианка Ката (1806 г.) [10]. Как и у многих других женщин, в описи ее имущества упомянуты ювелирные украшения и предметы роскоши, но в данном случае их состав более разнообразен, упомянуто больше золотых изделий, чем в остальных протоколах. Общая стоимость имущества Каты сопоставима со стоимостью имущества успешного торговца грека Анастаса (1808 г.) [11] и превышает стоимость имущества галантерейщика Георгия (1808 г.) [12]. Собственница части лавки, она предоставляла существенные займы своему супругу – общая сумма его долгов близка к сумме, в которую была оценена часть дома и лавки, принадлежавшая Кате. Как отмечает Р. Дженнингс, основываясь на правовых документах Кайсери XVII в., подобная практика, когда женщины давали в долг, особенно членам своих семей – мужьям, детям, сестрам и братьям, была очень распространена. Нередки были случаи обращения женщин в суд для взимания долгов [13].

Упоминания женщин в качестве кредиторов, выдающих займы, в том числе, мужьям и близким родственникам, доказывают их относительную экономическую самостоятельность и обеспеченность. Анализ данных наследственных протоколов кадийских регистров позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности женщины в обществе того времени, высокой степени ее независимости в решении экономических и правовых вопросов.

Подводя итог анализу данных наследственных протоколов кадийских судов, можно сказать, что сведения, предоставляемые этим источником обширны и разнообразны. Наследственные описи являются ценным

источником по истории городского общества Софии. Поскольку они являются официальными юридическими документами, их сведения объективны. Протоколы содержат сведения о конфессиональном, профессиональном и национальном составе населения отдельных городских кварталов. Не менее интересны вопросы половозрастного состава семей, положения женщины в семье и обществе, отношения родственников к общесемейной и личной собственности.

Примечания

1. *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 30.
2. Наследствени описи и покупко-продажбени протоколи от кадийските регистри на София, XVII–XIX в. Часть 1. Наследствени описи // Турски извори за българската история. VI. (Извори за българската история. XX). София, 1977. С. 7–223.
3. *Димитров С.* Занаяти и търговия в София през XVIII век // София през вековете. София, 1989. Т. 1. С. 95.
4. *Иванова С.* Институт колективной ответственности в болгарских городах XV–XVIII вв. Институтът на колективната отговорност в българските градове през XV–XVIII в. // Исторически преглед, 1983. № 1. С. 33–44; История на България. София, 1999. Т. 2. С. 173–178.
5. Регистър на джебкешаните // Турски извори за българската история, т. III. (Извори за българската история. XVI). София, 1972. С. 88–95.
6. Там же. С. 90.
7. Наследствени описи и покупко-продажбени протоколи от кадийските регистри на София, XVII–XIX в. Часть 1. Наследствени описи // Турски извори за българската история. VI. (Извори за българската история. XX). София, 1977. С. 41–42.
8. Там же. С. 66–68.
9. Там же. С. 136–137.
10. Там же. С. 140–142.
11. Там же. С. 144–147.
12. Там же. С. 142–143.
13. *Jennings R.C.* Women in early 17th century Ottoman judicial records – the Sharia court of Anatolian Kayseri // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XVIII. Part I. Leiden, 1975. P. 102–103.

Этноконфессиональная толерантность в Оренбургском казачьем войске

Процесс становления и развития казачества протекал на фоне широкого этнического окружения, что отразилось на его составе и структуре. В казачество проникали различные этнические группы со всей совокупностью хозяйственных и социальных связей, бытовых традиций и религиозных верований. Чаще всего они разделялись по конфессиональным признакам, не смешивались и не поглощали друг друга, а взаимно сосуществовали.

Одним из самых интернациональных и многонациональных было Оренбургское казачье войско (далее ОКВ), к которому в конце XVIII века были причислены татары Сеитовского посада [1]. В 1798 г. служилый татарин Киндерметев от татарского общества в составе 60 человек подал прошение императору Павлу I о причислении к оренбургскому войску ясачных татар Ильинской крепости. Рассмотрение этого прошения было передано Оренбургскому военному губернатору О.А. Игельстрому. Он предложил зачислить в войско лишь тринадцать ясачных татар, т.к. они живут на линии и больших расходов на их содержание со стороны казны не потребуется. Остальных же не причислять, т.к. они хотят стать казаками лишь для избавления от работ по заготовке корабельного леса в Казанской и других губерниях, где они более нужны. Однако Именным указом Павла I Сенату от 12 октября 1799 г. ясачные крестьяне и татары Оренбургского округа были исключены из подушного оклада и причислены к ОКВ [2].

Из зачисленных в ОКВ татар Сеитовского посада было организовано три пятисотни, где по штату положено было иметь: полковников, или пятисотников – 3, пятисотных есаулов – 3, писарей полковых – 3, сотников – 15, сотенных есаулов – 15, хорунжих – 15, пятидесятников – 30, рядовых казаков – 1416, а всего 1500 человек. В соответствии с данным штатным расписанием на должности полковников 1-й, 2-й и 3-й пятисотни были назначены Габайдулла Рахматуллин, Сулейманов, Абдульман Сагятов. В 1-й пятисотне состояло:

служащих – 407 человек, отставных и малолетних – 583 человека. Во 2-ой и 3-ей пятисотнях служащих было 412 и 392 человека соответственно, а отставных и малолеток – по 577 человек. Одежда и лошади командировавшихся казаков поставлялись от общества, порох и свинец от казны [3].

Для управления каргалинскими татарами под ведомством Войсковой канцелярии было учреждено станичное правление с войсковым старшиной на должности председателя и двумя присутствующими. Первыми в «Станичное Каргалинское казачье присутствие» были назначены Хабибул Ахмеров, Мустафа Муртазин и Надыр Арасланов. Станичное присутствие разбирало и решало все уголовные и прочие казачьи дела. Наиболее важные из них представлялись на ревизию в Войсковую канцелярию, где от «Каргалинской станицы присутствовал один судья в чине пятисотенного есаула и который чин, как войсковой член, не только по каргалинским делам, но и по делам всего Оренбургского казачьего войска заседать и равный с прочими присутствующими голос иметь долженствует» [4]. Дела земские были отнесены к уездному суду.

2 августа 1817 г. высочайше было повелено включить в ОКВ 243 черкеса, живущих в деревне Островной, и 176 человек служилых и ясачных татар, живущих в деревнях Ускалыцкой и Новоумеровской, всего 419 человек. Черкесы поселились на островных речках недалеко от р. Урала, между Красногорской крепостью и Вязовским отрядом. Татары переселились в Никольскую и Гирьярскую станицы [5].

С 1736 по 1917 гг. составной частью Оренбургского казачьего войска были крещеные татары – нагайбаки. Формирование этой этнической группы шло на основе взаимного смешения и культурного сближения в районе Нагайбацкой крепости тептярей (включая и крещеных), старокрещеных татар и старокрещеных казаков. В 1842 г. в связи с изменением границ территории Оренбургского казачьего войска нагайбаки в числе 1250 д.м.п., входившие в Бакалинскую и Нагайбацкую станицы, были переселены далеко на восток в населенные пункты Кассель, Фершампенуаз, Париж, Требия, Краснокаменск,

Астафьевский в Верхнеуральском уезде. Часть из них поселилась в казачьих селениях Неженское, Ильинское, Подгорный Гирьял, Аллабайтал. Тогда же или несколько позже нагайбаки были поселены в селениях Попово, Варламово, Ключевский-второй [6]. К началу XX в. нагайбаки были вполне сложившейся сословно-этнической группой крещеных татар.

В 1826 г. к ОКВ было причислено 428 душ калмыков обоего пола. В 1840 – 1842 гг. к этой группе добавилось 3571 человек, переведённых из упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, они были расселены в 32 посёлках [7]. По данным К. Герна и С. Васильева, в 1843 г. в составе ОКВ числилось 4 тыс. калмыков [8]. Но к 1852 г. их число сократилось до 2648 человек, а к 1870 г. до 2284 душ обоего пола [9]. Следует отметить, что при переселении калмыков на войсковую территорию администрация достаточно заботливо отнеслась к водворению их на отведенные им участки. Однако они не смогли приспособиться к новым условиям жизни, что сказалось на их численности, хотя превышение смертности над рождаемостью наблюдалось еще и в Ставрополе [10].

Данные Государственного архива Оренбургской области показывают, что к 1865 г. в Оренбургском войске проживало 87% русских, 4,7% татар, 2,1% нагайбаков, 1,9% мордвы, 1,7% башкир, 1,3% калмыков, 1,2% ногайцев, 0,2% чувашей, 0,04% поляков и 0,02% бухарцев. Причём практически во всех этнических группах за период с 1858 по 1865 гг. наблюдается рост населения, лишь поляки и ногайцы терпят демографический спад. Так, если в 1858 г. в ОКВ проживали 121 поляк и 3 полячки, то к 1865 г. остались 92 мужчины и всего 1 женщина польского происхождения [11]. Следует отметить, что у татар, башкир, киргизов и калмыков наблюдается численное превосходство мужчин над женщинами (на 100 мужчин – 96 женщин), в то время как у русских на 100 мужчин приходится в среднем 104 женщины. У мордвы же, наоборот, наблюдается количественный перевес женщин над мужчинами [12].

Для более точного анализа этнического состава Оренбургского казачьего войска необходимо было бы рассмотреть соотношение рождаемости и

смертности в каждой племенной группе, но такие данные не собирались, т.к. большее внимание уделялось не племенному, а конфессиональному делению.

В среде оренбургских казаков сосуществовали православные – 89%, магометане – 7,9%, раскольники – 2,9 %, язычники – 0,08% и католики – 0,04% [13]. Для более тщательного рассмотрения соотношения полов необходимо проанализировать смертность и рождаемость в указанных конфессиях.

Анализ статистических данных показывает, что во всех конфессиях наблюдается превышение рождаемости над смертностью, а также преобладание мужского населения над женским. Самая высокая рождаемость в 1859 – 1865 гг. прослеживается среди православного (в среднем 5,8 % мужчин и 5,3 % женщин) и магометанского (в среднем 5,5 % мужчин и 5,4 % женщин) населения. А самая высокая смертность у единоверцев – 4,4 % мужчин и 5,3 % женщин в среднем за указанный период.

Следует отметить, что во всех конфессиях наблюдалась большая смертность среди новорожденных детей. Причину этого мы видим в том, что многим женщинам в период беременности, в то время когда мужчины были на службе, приходилось выполнять тяжёлые полевые работы, вследствие чего дети рождались недоношенными, заболели и умирали в младенчестве.

Внутри оренбургского казачьего населения были казаки-раскольники, некоторые авторы относят их к «этноконфессиональным подгруппам» [14]. Распространению раскола в ОКВ способствовали миграция населения и административно-территориальные преобразования. Например, все 267 донских казаков, переселённых в 1802 г. в станицу Рассыпную, исповедовали старообрядческую веру [15].

Самыми «раскольничьими» уездами в первой четверти XIX в., по данным Ю.Н. Сергеева, были Оренбургский, Троицкий и Челябинский, т. к. здесь действовало двадцать семь старообрядческих молитвенных домов [16]. Самыми же многочисленными по числу раскольников станицами были Рассыпная (569 человек), Коельская (1169 человек, на 117 больше, чем православных) и Челябинская, где проживало 1077 раскольников. Следует

отметить, что проживали казаки–староверы и в Оренбурге, а именно в Форштадте [17]. В 1839 г. в ОКВ было 3898 казаков, придерживающихся старообрядчества, из них 131 человек относились к поморско-московской секте и не принимали священства. Отметим, что 53 % раскольников были женщины [18].

Итак, к концу XIX в. на территории Оренбургского казачьего войска проживало 87,4 % славянского населения, 9 % – татар, 1,7 % – башкир, 1,2 % - мордвы, 0,3 % – киргизов, 0,23 % – калмыков, 0,12 % – чуваш и 0,05 % черемис [19]. Всё войсковое население, за исключением нагайбаков, татар и калмыков, говорило на русском языке. Но языковой барьер не являлся препятствием для общения, все понимали друг друга без переводчика. Башкиры, русские, мещеряки, тептяри не раз стояли плечом к плечу в сражениях, на пограничной линии, ценой жизни подчас выручая друг друга [20]. Офицерский и даже генеральский чин мог получить казак любой национальности, заслужив его достойной службой [21].

Примечания

1. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. - Оренбург, 1905. – С. 80.
2. Дело о записи Ильинской крепости дер. Зубочистенской ясачных татар в Оренбургские казаки. 12 марта 1798 г. // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. 6. – Оренбург, 1900. – С. 52 – 54.
3. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 4. - Оренбург, 1905. – С. 81 – 82.
4. Там же. – С. 81 – 82.
5. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. - Оренбург, 1907 – С. 254 –255.
6. Исхаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. Казань, 2004.
7. Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в. (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. док. Сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000. – С. 20.
8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.14. Ч.2 / Сост. К. Герн, С. Васильев. – СПб., 1848. – С. 115.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 167. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 – 4об.
10. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом. Выпуск 1. Оренбург: Типография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1877. – С. 139.; ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 2. Л. 4об.

11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 103. Л. 208, Д. 117. Л. 160 об. – 161, Д. 133. Л. 168 об. – 169, Д. 146. Л. 150 об. – 151, Д. 151. Л. 121, Д. 175. Л. 18, Д. 186. Л. 19 об. – 20, Д. 181. Л. 140 об. – 141.
12. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии издаваемые Оренбургским Губернским Статистическим комитетом. Выпуск 1. Оренбург: Типография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1877. – С. 130.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 103. Л. 211, Д. 117. Л. 158 об. – 159, Д. 133. Л. 180 об. – 181, Д. 146. Л. 197 об. – 198, Д. 151. Л. 163 – 164, Д. 175. Л. 19 об. – 20, Д. 186. Л. 21 об. – 22, Д. 181. Л. 138 об. – 139.
14. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. – М., 1992. – С. 274.
15. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. – С. 24 – 25.
16. Сергеев Ю.Н. Из истории старообрядчества и христианского сектантства на Южном Урале // Башкирский край: сб. ст. Вып. 3. – Уфа, 1993. – С. 30 – 38.
17. Свиньин П. Картина Оренбурга и его окрестностей // Отечественные записки. Ч. 35. № 9. – СПб, 1828. – С. 21
18. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 20. Л. 25-25 об.
19. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 64 а. Л.56 – 58.
20. Баканов В.П. Из истории Оренбургского казачьего войска. – Магнитогорск, 1993. – С. 37.
21. Кортунов А.И. Численность и национальный состав Оренбургского войска в XVIII – XIX вв. Автореф. дисс.... канд. ист.наук: 07.00.02. – Оренбург, 2004. – С. 29.

А.В. Гайворонская (г. Краснодар)

«... Из верных и настоящих офицеров почти никого не осталось, а вместе с ними ушли традиции и чувство долга!»

*Из дневника императрицы
Марии Федоровны*

Идеология и мораль кубанских офицеров (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Необходимость переосмысления событий исторического прошлого наступает порой спустя сравнительно короткий промежуток времени, когда прошедшее остается еще так тесно связано с настоящим, что переоценка устоявшихся и привычных представлений дается особенно болезненно. В конце XX столетия, когда были заново открыты страницы истории русской армии рубежа XIX – XX веков, образ офицера императорской армии предстал перед современниками неизвестным ранее многообразием портретов.

Среди множества обозначенных вопросов военной истории дореволюционной России остается необходимость заполнения пробелов в истории казачьего офицерского корпуса, так как без обращения к историческому прошлому офицеров казачьих войск представляется не полной и история всего офицерского корпуса русской армии. На сегодняшний день одними из самых противоречивых остаются представления о морально-нравственном облике казачьих офицеров. Уточнение сложившихся стереотипов предполагает обращение исследовательского внимания к различным аспектам жизни офицеров войска, изучение которых позволит воссоздать утраченные и дополнить искаженные черты портрета казачьего офицера.

В рассматриваемый период времени офицерская среда императорской армии должна была иметь определенный уровень воспитанности, общего развития, моральных понятий, внешних манер и правил поведения. В основе поведения и мировоззрения русского офицерства лежали традиционные ценности, принятые и поддерживаемые в офицерской среде – патриотизм, чувство долга, офицерской чести, товарищество, ответственность, честность. Формирование этих представлений начиналось для большинства офицеров в

годы обучения в военно-учебных заведениях и поддерживалось на протяжении всей жизни. По мнению известного военного писателя А.М. Дмитриевского, чрезвычайно недальновидным в деле воспитания офицерства было отсутствие должной заботы о складывающемся мировоззрении офицеров. Указывая на то, сколь важным для армии являлось воспитание в будущих офицерах национальных и воинских идеалов, автор особенно подчеркивал, что «и идеал и даже «традиции» должны быть одни и те же для всей русской армии, так как ненормально, чтобы то, что считается хорошим для одного полка или части войск, было бы нехорошим и безразличным для другого полка или части войск, особенно по вопросам «нравственного элемента» и службы» [1]. Поднятая автором проблема была созвучна настроениям казачьих офицеров. Участвуя в обсуждении статьи «В чаянии реформ», помещенной в одном из выпусков «Русского инвалида», военный писатель-публицист П. Краснов писал следующее: «Нужно стремиться иметь единую русскую конницу, с одним могучим духом, одним уставом, одною системой обучения» [2].

Способствовать распространению общего уровня понятий о чести в среде офицеров должны были «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде». В 1894 году «Правила...» получили статус закона, легализующего офицерские дуэли как средства восстановления чести оскорбленной стороны. Благодаря новому закону, дуэли в офицерской среде были разрешены. Офицеры получили законное право на поединок, но окончательное решение о необходимости и уместности дуэли было за приговором суда чести и одобрением командира части. И хотя дуэль по-прежнему «оставалась уголовным преступлением, тем, кто вышел на «поле чести» по решению суда общества офицеров, как бы заранее гарантировалось высочайшее помилование» [3]. Появление закона 1894 года не только утвердило право офицера на поединок, но и обязало офицера следовать этому правилу. В том случае, когда поединок назначался офицерским судом чести и офицер отказывался от участия в поединке, офицер был обязан покинуть свою часть, как того требовали правила Приложения 1894 года [4].

Обращение именно к дуэльной традиции имело в своей основе стремление к возрождению лучших представлений об офицерской чести и носило воспитательный характер. Статьи дуэльных кодексов чести, получившие широкое распространение в печати после издания закона 1894 года, перемещались в обычную повседневность, определяли и направляли поступки и поведение офицеров. Каковы были последствия принятых мер, можно судить по тому, что офицеры войска все также крайне редко и очень осторожно пользовались предоставленной возможностью законного поединка. Не прибегали к дуэли даже тогда, когда, казалось, были нанесены непростительные оскорбления как лично офицерам, так и их семьям. В секретной переписке Войскового Штаба за 1913 год рассматривалось заявление офицеров 2-го Кавказского полка о решении всех офицеров полка не подавать руки своему сослуживцу из-за того, что «последний не сдержал данного Есаулу Ловягину честного слова возратить письма жены последнего, с которой он состоял в переписке, уверяя, что таковые им уничтожены, тогда как в действительности этого не было» [5]. Тогда же Есаул Ловягин обратился к командующему батальона с просьбой передать его дело в суд чести. После рассмотрения дела в суде чести, одному из офицеров было предложено оставить службу, другому было сделано внушение. Поединок не назначили, а вызова на дуэль ни от одного из офицеров не последовало. Громкие и шумевшие дуэли обычно происходили в гвардейских частях расквартированных в столичных городах. Офицер Конвоя, сотник князь А.В. Витгенштейн, «был хорошо известен современникам тем, что 1889 году ранил на улице Петербурга студента Н. Островского, ударившего женщину. В другой раз имя князя «прозвучало» в 1901 году, когда, вновь отстаивая честь дамы, он был ранен с отставным полковником Максимовым и вскоре скончался» [6].

На стыке веков дуэль продолжала оставаться в офицерской среде едва ли ни единственным средством в разрешении сложных ситуаций (затрагивающих репутацию офицера) в сфере личной жизни. Офицеры знали и помнили о дуэли, но предпочитали обсуждать участие в ней в беседах, и только в самых редких

случаях настаивали на поединке. Объяснительные служебные письма и личная переписка офицеров подчас напоминали размышления героя романа Л.Н. Толстого: «Алексей Александрович долго и со всех сторон обдумывал и ласкал мыслью вопрос о дуэли, хотя и впредь знал, что он ни в каком случае не будет драться» [7].

Открытый конфликт с командиром, а тем более дуэльная ситуация – редкость не только в казачьих войсках. Служебная дисциплина служила серьезным препятствием к возможному поединку, хотя и не лишала офицера права именно таким образом защитить свою честь. В офицерской среде существовали иные способы демонстрации недовольства командиром. Одна из них, более сдержанная, заключалась в том, что все офицеры, подавали рапорт о болезни. Такая «забастовка» была прежде всего обращена к командиру – он мог изменить свое поведение и отношение к офицерам или оказывался вынужден доложить начальству, что его подчиненные бунтуют. Исход был непредсказуем. Могли убрать грубияна-командира. Могли наказать офицеров, дабы не бунтовали [8]. Так, зимой 1898 года командующему 2-м Черноморским полком, войсковому старшине Квицинскому было поручено провести секретное дознание по поводу переписки, в которой командующий 2-м Полтавским полком полковник Мазан обвинял сотника Принца Шах-Рух-Дараб-Мирзу. Последний обвинялся в неповиновении, в неисполнении приказаний начальника, в неуважении, в дерзостях и угрозах, наконец, в анархизме, либерализме и деморализующем его влиянии на других офицеров полка и рапорта названного сотника [9]. При рассмотрении дела упоминалось имя еще одного офицера полка – хорунжего Братухина. Поведение офицеров открыто демонстрировало подчеркнутое неуважение своему командиру в обществе сослуживцев, о чем полковник Мазан сообщал в одном из своих рапортов: «31 декабря под 1-е января в военном собрании, куда согласно приказа по гарнизону все гг. офицеры и классные чиновники для встречи Нового года, сотник принц Шах-Рух и хорунжий Братухин в присутствии всех показали свое полное ко мне пренебрежение, как начальнику гарнизона, и

своему прямому и непосредственному начальнику, выразившегося тем, что они не подошли ко мне с поздравлениями, когда не только все гг. офицеры частей и классные чиновники управлений и учреждений, но и все их жены подходили ко мне с поздравлениями» [10]. Результатом проведенного расследования стало письмо Наказного Атамана атаману отдела с пометкой «секретно»: «Рассмотрев представление командующего 2-м Полтавским полком о привлечении сотника принца Шах-Рух-Дараб-Мирзы и хорунжего Братухина к законной ответственности, я вовсе не нахожу в проступках названных офицеров состава преступления которое давало бы право полковнику Мазану возбуждать вопрос о преследовании их судом... По проверке же, донесение его оказалось простым недоразумением, происшедшим от того, что полковник Мазан понимает названное им преступление не в общепринятом смысле, а по-своему. Неосновательное и столь серьезное обвинение офицера остается на лицо, и за него полковник Мазан мог бы ответить по суду, как за ложный донос. Предписываю указать полковнику Мазану все вышеупомянутые его неправильные действия и внушить ему необходимость проявление большего такта в отношениях с подчиненным ему офицером» [11]. В приказе по войску было объявлено о наложении двухнедельного ареста на сотника и о выговоре командиру полка. Таким образом, командиру, утратившему моральное влияние на своих подчиненных, публично было отказано в поддержке, но оставлена возможность налаживания отношений в дальнейшем.

Честность и порядочность должны были являться неотъемлемыми качествами каждого офицера. Гарантией данного офицером слова служила его честь. Офицер Конвоя, князь Даддани изумил окружающих «заявлением, что он заложил свои эполеты, что означало, что он поручился своим честным словом об уплате карточного долга» [12]. Тем не менее, далеко не все офицеры войска обременяли себя заботой о сохранении нерушимости собственного слова. Так, в 1882 году, в ходе сбора копий приговоров, вынесенных офицерам войска судами общества офицеров, выяснилось, что в 1-м Пластунском батальоне командующий сотней есаул Саханский избежал суда общества

офицеров в обмен на данное им обещание покинуть батальон в чем и дал подписку: «Дана эта подписка обществу гг. офицеров 1-го Пластунского Батальона войска Кубанского в том, что в виду сделанного мне снисхождения – не предания, по просьбе моей за совершенные мною поступки суду общества офицеров и представления этим мне возможности искать посредством перевода службы в другой какой-либо части, – я обязываюсь по выезде из 1-го Пластунского батальона... в отпуск, обратно в батальон не возвращаться» [13]. Спустя время упомянутый офицер самовольно вернулся в часть за что был взят под арест до вынесения приговора суда общества офицеров, заседание которого наконец было назначено.

Участие офицера в подлоге или воровстве немедленно рассматривались офицерским судом чести и являлось веской причиной для изгнания офицера из части. В рассматриваемый период конфликтные ситуации, случавшиеся в офицерской среде, неблагоприятное поведение офицеров, да и практически все стороны частой жизни офицеров находились в компетенции суда общества офицеров. Причины появления таких судов в армии и их назначение можно рассматривать лишь в контексте существовавшего понятия чести офицера на фоне действовавшего неписаного дворянского кодекса чести. Само название судов чести определяло их суть и назначение. Избираемый офицерами отдельной части суд общества офицеров, а позже и суд чести, должен был и представлял в ней «лучший авторитет по всем вопросам чести и благородства; он лучший посредник между офицерами в их ссорах; он же, вместе с тем, и верный хранитель и выразитель традиций своей части по вопросу о дуэли». В число проступков разбирающихся в полковых судах чести, могли входить драки между офицерами; заем денег у нижних чинов; игра с нижними чинами в карты или на бильярде; привод в офицерское собрание лиц сомнительного поведения; писание анонимных писем; нечестная игра в карты; отказ от уплаты карточного долга; двусмысленное ухаживание за женой товарища по полку; появление в общественном месте в нетрезвом или неприличном виде [14]. Увольнение по приговору суда чести наносило непоправимый ущерб репутации

офицера. Такие случаи не афишировались и замалчивались как самими офицерами, так и их начальством, чему способствовала секретность документации судебных разбирательств. Недовольство таким положением дел выразил наказный атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Михеев, который предложил отправлять копии приговоров к новому месту службы, если офицер покидал часть по приговору суда чести или выходил на льготу, так как в ином случае: «ни начальнику части, ни новым товарищам его – офицерам... ничего не бывает известно о том, судился ли он офицерским судом чести в первоочередном полку и, в утвердительном случае, за совершение какого именно поступка и к чему был приговорен. А знание это является для всех их весьма важным, начиная хотя бы с того, чтобы иметь вполне определенное представление о нравственном облике подобного офицера как нового сослуживца и кончая составлением на него новым начальником очередной аттестации» [15].

Доносительство было совершенно несовместимо с понятием офицерской чести. Презрительное отношение к этому занятию воспитывалось в офицерах еще со времени обучения в кадетских корпусах и юнкерских училищах. Офицерам было запрещено также писание каких-либо анонимных писем. Заметным исключением этому правилу оказалась анонимная записка офицера Кубанского или Терского казачьего войска «Наболевшие казачьи вопросы, нужды и мысли», поданная в 1902 году военному министру. Записка представляла собой список вопросов, обозначенных автором, как давно уже требующих решения, с подробными комментариями и конкретными предложениями. Учитывая серьезность документа и, несмотря на его анонимность, записка была не только внимательно изучена в Главном Управлении казачьих войск, но по распоряжению военного министра, разослана «на заключение командующим войсками в округах, командирам корпусов и начальникам дивизий, где есть казачьи части» [16].

Согласно законодательству, офицеры не должны были заниматься политикой. Приказом по военному ведомству от 19 декабря 1905 года было

объявлено о воспрещении всем военнослужащим какого бы то ни было участия в политической жизни страны [17]. Историки русского зарубежья уточняют ошибочность формулы, принятой и распространенной в отечественной историографии – «армия вне политики», подчеркивая что «армия была вне партийности – офицер и солдат не смели ни принадлежать к какой-либо политической партии, ни принимать участия в проявлении партийной деятельности. Офицер не должен был склоняться к симпатизированию каким бы то ни было партийно-политическим идеям, хотя бы близким к формуле «Вера, Царь, Отечество» [18]. Такие правила распространялись и на отставных офицеров, имеющих право ношения мундира. Офицерам запрещались также публичное произнесение речей и высказывание суждений политического содержания [19]. Неосторожный интерес к политике в юности мог стать непреодолимым препятствием к поступлению в военно-учебные заведения, а излишняя политизированность могла испортить аттестацию вполне пригодного к службе офицера и навредить его карьере. Примером тому служит заключение к аттестации атамана Екатеринодарского отдела Кубанской области, с 1899 года генерал-майора В.П. Савицкого, составленное в октябре 1905 г. генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым: «На ответственный пост не считаю пригодным. Не устойчив в своих мнениях. Много занимается политикой» [20].

Столь жесткие требования, казалось, должны были полностью исключить участие офицеров войска в политике, однако, как обычно, случались исключения. К.Л. Бардиж, офицер войска, избирался депутатом Государственной Думы всех четырех созывов от кубанского казачества и являлся членом партии кадетов.

Профессиональная принадлежность требовала от офицерского корпуса воспитания в своих представителях необходимых нравственных качеств. Примеры неблагоприятных поступков офицеров войска не были исключением, но своим существованием лишь подчеркивали границы допустимого традициями поведения офицера. Собственная мораль придавала офицерству особое чувство

сплоченности, поддерживала и регулировала отношения внутри офицерской среды, а также выделяла особый статус офицера в обществе.

Примечания

1. Дмитриевский А. Идеал офицера // Военный сборник. 1912. № 7. С. 384.
2. Краснов П. Какие реформы нужны казакам // Военный сборник. 1912. № 12. С. 40.
3. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб., 1998. С. 50.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 14. 1898. С.259.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.396. Оп.1. Д. 10634. Л.1 00.
6. Клочков Д.А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества Конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб., 2007. С.221.
7. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.7. М., 1987. С.312.
8. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. С-Пб., 1998. С.50.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д.7269. Л.91.
10. Там же. Л.84.
11. Там же. Л.137-139.
12. Клочков Д.А. Указ. соч. С. 222.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д.3688. Л.18.
14. Кульчицкий В.М. Советы русского офицера. Тверь, 1996. С.30.
15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10240. Л.146.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 470. Л.1.
17. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 9428. Л.2.
18. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры // Российский военный сборник. 2000. Вып.17. С. 136.
19. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 325.
20. РГВИА. Ф.330. Оп. 58. Д. 875. Л.5.

Россия в представлениях чешских эмигрантов «первой волны»

В истории формирования чешской диаспоры в Российской империи можно выделить два основных этапа. Среди чешских переселенцев «первой волны» (60-70-х гг. XIX в.) преобладали крестьяне, основавшие многочисленные чешские колонии на Волыни, в Крыму и на черноморском побережье Кавказа. В конце XIX – начале XX в. чешская эмиграция стала направляться уже преимущественно в российские города, и на первый план среди переселенцев вышли предприниматели, инженеры, рабочие и т.д. [1].

Привлечению чешских колонистов в Россию предшествовала широкая агитационная кампания, организованная чешскими переселенческими организациями и российскими представителями. В сельские районы Богемии и Моравии были направлены агенты для вербовки будущих колонистов. В чешских газетах появились материалы, расписывающие преимущества колонизируемых российских земель и льготы для переселенцев. Были выпущены агитационные листовки соответствующего содержания. Разрабатывались специальные пособия для переселенцев. В 1870 г. славянские комитеты Москвы и Санкт-Петербурга профинансировали поездку в Новороссийск чешского журналиста Эдуарда Валечки, который по возвращении издал в Праге брошюру «Черноморский округ Кавказа», описывающую земли, предлагаемые чехам для переселения и маршрут следования из Чехии на Кавказ [2]. В 1876 г. в Праге вышла книга «Чешский переселенец на Русь» чешского агронома Ф. Доубравы, который несколько лет прожил на Волыни. Эта работа являлась подробной инструкцией для колонистов [3].

В агитационных материалах Россия представлялась как страна неограниченных возможностей, где переселенцев ждало неременное богатство. Расписывались природные богатства страны, изобилие свободной земли, плодородие почвы и т.д. Говорилось о прекрасных перспективах для занятия предпринимательством, ремеслом и торговлей. Все это находило

отклик в среде чешского крестьянства, которое серьезно страдало от малоземелья, аграрной перенаселенности, экономических кризисов и т.д. При этом в крестьянском сознании Россия порой принимала очертания «обетованной земли». Так, по воспоминаниям первых чешских колонистов Крыма, собранным в начале XX в. чешским учителем И. Непрашем, побудительным мотивом для их переселения стало известие, что «якобы из России переехали в Турцию 3 млн. человек, так что там теперь есть много земли и везде есть потребность в трудолюбивых людях... Говорилось тогда и о Крыме. Из некоторых уст слышалось, что эта земля окружена молоком с медом. Говорилось, что там хлеба много... мясо, мол, было в Крыму дешевым» [4].

Крым и Кавказ привлекали бедных чешских крестьян и батраков тем, что земли там предоставлялись переселенцам бесплатно, и также им выделялись продовольствие, инвентарь и скот. На Волынь направлялся поток более обеспеченных крестьян, которые покупали там землю. В Волынской губернии в 1860-70-е гг. стоимость земли была в 10 раз меньше, чем в Богемии, что выглядело очень привлекательным для колонистов. Организаторы переселения в этот регион даже выдвинули лозунг (или, как сейчас говорят, «рекламный слоган»): «За халупу на родине – хозяйство на Волыни» (имелось в виду, что, продав усадебный участок в Чехии, крестьянин мог за вырученные деньги купить солидный земельный участок на Волыни) [5].

Весьма привлекательными для переселенцев выглядели льготы, предоставляемые колонистам российским правительством: освобождение от налогов (на 5 лет) и от воинской повинности, свобода вероисповедания, возможность в ускоренном порядке получить российское подданство и т.д. [6]

Развитию чешской эмиграции в Россию способствовало формирование определенного общественного мнения. В 60-70-е гг. XIX в. в чешском обществе стали активно распространяться идеи славянской солидарности, которым вполне отвечала мысль о переселении в «единоплеменную» Россию. Деятели чешского национального движения били тревогу из-за того, что, эмигрируя в США и Германию, чехи ассимилировались в чуждых этнических средах и

утрачивали национальную идентичность. Переезд же в Россию, по их мнению, позволял чехам «сохранять свою национальность». Чешские публицисты рисовали образ пореформенной России как бурно развивавшейся страны, которая в будущем станет играть ведущую роль в мире. По мнению современного чешского историка Вратислава Доубека, именно «под влиянием образа новой России в 1860-е гг. поток переселенцев из Чехии, некогда направленный исключительно на Запад и в Америку, изменил свое направление на прямо противоположное – на Восток» [7].

Переселенческие агенты также старались обыграть «славянскую идею». В частности, организатор чешской эмиграции на Волынь Франц Пршибыл в 1867-1868 гг. объехал многие районы Чехии, агитируя за переселение, и выдвигая не только экономические аргументы, но и идеи о «соединении с братьями-славянами». Это вызвало недовольство австрийских властей, Ф. Пршибыл был арестован и выслан в Россию [8].

Австрийское правительство, в целом, допускало переселение чехов в Россию «в частном порядке», но стремились предотвратить какие-либо проявления «славянской солидарности». Российские власти, со своей стороны, также опасались осложнить отношения с Австро-Венгрией. Именно поэтому чешское переселение в Россию не стало государственным делом, а было представлено как проявление частной инициативы. Само переселение было организовано не государственными органами, а частными переселенческими компаниями, действовавшими в чешских землях. Такой подход, безусловно, привел к сокращению масштабов возможной чешской эмиграции в нашу страну [9].

На страницах чешских газет развернулась дискуссия по поводу начавшейся эмиграции в Россию. Авторы, выражавшие проправительственную точку зрения, описывали колонизацию исключительно в черных красках. Сама идея переселения в «отсталую» и «дикую» Россию представлялась им авантюрой. Положение первых колонистов оценивалось как тяжелое, а подробные описания их мытарств должны были заставить желающих эмигрировать

оставаться на месте. В конце 1869 г. в популярной газете «Покрок» («Прогресс») появилась характерная статья, автор которой, писавший под псевдонимом «Чех», был представлен как петербургский корреспондент данного издания. В ней положение чешских переселенцев на Волыни расценивалось как «бедственное», отмечалось испытываемое ими чувство разочарования, содержалась масса упреков в адрес Пршибыла и его компаньонов, названных «аферистами» и «грабителями». Кроме того, в данной статье содержались критические отзывы о самой России, названной «варварской страной». Волынь же была названа «бедной провинцией, обильной только песками и болотами». Прогнозы автора в отношении волынских чехов были неутешительными – в существующих условиях, по его мнению, их неизбежно ожидала утрата своей национальной идентичности и «растворение» между русскими и поляками [10].

С опровержением данных взглядов выступил в той же газете один из лидеров чешской переселенческой общины на Волыни Иосиф Ян Олич. В его статье под заглавием «Из Волыни» доказывалось, что в результате переселения в Россию чехи смогли получить неоспоримые материальные выгоды, стать собственниками земли и получили возможности для развития различных ремесел и промышленности в условиях отсутствия реальной конкуренции. Автор статьи был уверен, что своеобразное положение волынских чехов между русскими и поляками, наоборот, весьма выгодно. Он выражал твердую уверенность в том, что чехи на Волыни смогут сохранить свою самобытность, так как и русские, и поляки, по его мнению, по своему культурному развитию стояли ниже чехов [11].

Инициатор переселения на Волынь Ф. Пршибыл отвечал своим критикам на страницах ведущей чешской газеты «Народны листы» («Народная газета»). Он доказывал, что его противники являются агентами австрийского правительства, опасющимися «русского гостеприимства для чехов» как фактора сближения двух славянских народов. Эти аргументы были сочувственно приняты в чешском обществе, настроенном негативно по

отношению к венскому правительству. Из газетной дискуссии Ф. Пршибыл и И.Я. Олич вышли победителями, а идея переселения в Россию приобрела много новых сторонников. В целом, чешские органы печати «национального направления» поддержали кампанию по переселению в Россию [12].

В материалах, публиковавшихся на страницах российских газет, подчеркивалась лояльность чешских эмигрантов, говорилось о восторженном восприятии ими российской действительности. Так, например, газета «Киевлянин» в 1870 г. отмечала, что волынские чехи критиковали австрийские порядки, а о своей новой родине говорили, что «здесь же – мы нашли свободу, благоприятный климат, здесь не гибнут сотни тысяч чехов за Германский союз (имелась в виду австро-прусская война 1866 г. – А.П.), здесь нет разорения» [13].

В действительности, прибывшие в Россию колонисты сталкивались с серьезными трудностями. В Крыму и на Кавказе им приходилось приспосабливаться к непривычному климату, «с нуля» обустриваться на новом месте и организовывать хозяйство, бороться с болезнями и т.д. На Волыни положение колонистов было более благоприятным, однако и там они встречали экономические трудности. Колонисты испытывали разочарование, столкнувшись с российскими законами и порядками, и особенно – с произволом бюрократии. Таким образом, возникшие ранее у переселенцев радужные представления о России вступали в противоречие с реальностью.

Первые колонисты вспоминали, что испытали неизбежное чувство разочарования, когда «... встретились с такой Россией, какой она была в действительности, и которая довольно быстро показалась им не такой розовой, как им многие расписывали еще в Чехии» [14]. Спустя десятилетия пионеры чешского переселения вспоминали свои первые годы на новом месте как время, наполненное различными жизненными трудностями и лишениями. В их сознании произошла корректировка сложившегося образа России, приближение его к действительности. Разочарование приводило к тому, что некоторые

переселенцы возвращались на родину, впрочем, таких случаев было немного [15].

Сравнивая положение первых чешских колонистов Крыма с жизнью их потомков в начале XX в., И. Непраш отмечал: «Была такая большая нищета и всяческие страдания, что их рассказ и сравнение с сегодняшним благополучием иногда даже сказке подобно... Когда смотришь на сегодняшнюю жизнь переселенцев и их потомков, тяжело верится в то, что это тягостное время было меньше, чем полстолетия назад» [16].

Со временем, благодаря своему трудолюбию и предприимчивости, а также поддержке российских властей, чешским колонистам удалось успешно адаптироваться на новом месте. Они смогли наладить прибыльное хозяйство и достичь высокого по тем временам уровня жизни. По свидетельству современников, чешские колонии по степени экономического развития и благосостояния жителей заметно выделялись среди русских и украинских селений и уступали только немецким колониям [17].

По мере адаптации чешских переселенцев их теплые чувства к России и русскому народу усиливались. К концу XIX в. подавляющее большинство колонистов приняло российское подданство, а на Волыни значительная часть чехов обратилась в православие. Все это свидетельствовало об успешной интеграции чехов в социальное пространство Российской империи.

Примечания

1. Герчикова И.А. Чехи в России: история продолжается // Славяноведение. 2002. № 5. С. 66-67.
2. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 86-87.
3. Ковба Ж.Н. Чешская эмиграция на Украине во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Львов, 1974. С. 8.
4. Непраш И. Переселение чехов в Крым и основание Чехограда // Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь, 2005. С. 146-147.
5. Vaculík J. K počátkům českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2. polovině 19. století // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha, 2002. S. 205.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 82 об.
7. Доубек В. Между Венной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX века // Родина. 2001. №1. С. 105.
8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 189. Д. 971. Л. 24.

9. Ненашева З.С. Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века // *Slovanské historické studie*. Sv. 29. Praha, 2003. S. 35.
10. Крыжановский Е.М. Чехи на Волыни. СПб., 1887. С. 10.
11. Там же. С. 11.
12. Vaculík J. Op. cit. S. 198.
13. Киевлянин – 1870 – 10 марта.
14. Непраш И. Указ. соч. С. 148.
15. Doubek V. Česká emigrace do Ruska v druhé polovině 19. století. Dobové interpretace // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha, 2002. S. 187.
16. Непраш И. Указ. соч. С. 149, 152.
17. Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920. S. 55.

Сербы Венгрии: проблема формирования национальной идентичности

Турецкая агрессия имела самые губительные последствия для Южной Венгрии, Хорватии и Трансильвании, которая привела к массовой гибели мадьярского населения и запустению этих регионов [1]. Поэтому Габсбурги начинают поощрять колонизацию венгерских территорий переселенцами из других районов империи и даже сопредельных государств. В 1640 г. несколько тысяч сербов во главе со своим патриархом переселяются из Османской империи в Бачку, Срем, Банат и ряд других южных областей Венгерского королевства, за тем был еще несколько волн сербской иммиграции [2]. Это привело к славянизации Южной Венгрии и размытию четкой границы расселения между южными славянами и мадьярами.

Сербские районы Южной Венгрии, несмотря на то, что они в последней трети XIX – начале XX вв. сохраняли аграрный характер, занимали лидирующие позиции в экономике Венгрии. Это была житница Австро-Венгрии, дававшая большие объемы товарного хлеба. Сербские крестьяне имели значительную земельную собственность, что служило основой для развития их благосостояния [3]. Если в Сербии крестьянские хозяйства до 5 га составляли в начале XX в. 72,6% от численности всех хозяйств, то в Воеводине всего 24% [4]. Сербы достигли больших успехов в промышленности, торговле и в финансовом секторе Южной Венгрии и Хорватии. В 1911 г. в Южной Венгрии и в Хорватии действовало 59 сербских финансовых учреждений, крупнейшее из которых, «Центральный кредитный банк», в 1914 г. объединился с «Сербским банком» в Загребе в единый банк с общим капиталом в 60 млн. крон [5]. Богатые сербские предприниматели охотно финансировали национальные проекты сербов Венгрии.

Первые существенные успехи в области образования и культуры сербы добиваются именно в Австрийской империи. В 1792 г. в Будапеште создается первая сербская гимназия, следующая в 1810 г. появляется в Нови Саде [6]. Сербы воспользовались эмансипацией и европеизацией культуры в империи

Габсбургов. Первые сербские типографии, газеты возникают в Австрии. В первой половине XIX в. Буда, Пешт и Нови Сад становятся культурными центрами сербов. Неслучайно, что в науке и культуре уже автономной (независимой) Сербии важную роль играли сербы Венгрии. С сербами Венгрии в Белград приходит не только европеизированная культура, но и национальная идея.

У сербов в империи Габсбургов традиционно был развит коллективизм и чувство единства, основанные на языке, православии и исторической традиции. Этническая принадлежность сербами определялась по принципу вероисповедания [7]. Католик или мусульманин не мог быть сербом. Даже новые структуры, появлявшиеся в условиях модернизации, подчинялись сербскому традиционализму. На рубеже XVIII-XIX вв. у сербов начинает развиваться национальная идентичность, постепенно средневековая категория «народ», состоящая из православных воинов, трансформируется в сложное понятие, включающие симбиоз различных социальных групп и культурных кодов. О сложных изменениях в национальном самосознании сербов в XIX в. свидетельствует дискуссия о литературном сербском языке. В XVIII в. сербская народная идентичность гарантировалась привилегиями, дарованными граничарам и сербской православной церкви, поэтому использование славяно-сербского языка и церковного алфавита считалось незыблемой нормой. Однако в XIX в. победили сторонники придания народному языку статуса литературного сербского языка. Консерваторами данный шаг расценивался как удар по национальным институтам сербов. В отличие от жителей Сербии, большинство сербов Венгрии, это новшество восприняло с недоверием, однако постепенно, оно набирает популярность среди части сербских интеллектуалов Южной Венгрии и Хорватии.

Победа В. Караджича и других литературных реформаторов имело далеко идущие последствия для национального самосознания сербов. В 40-60-е гг. XIX в. новое поколение сербских интеллектуалов начинает в культурных кодах национальной идентичности на первое место ставить не религию, а язык,

испытывая на себе влияние европейских национальных революций XIX в. В это же время активно развивается теория о едином сербском народе, с различным вероисповеданием, куда автоматически попадали хорваты и мусульмане Боснии. С такой постановкой проблемы подавляющая часть сербов Венгрии и Хорватии было несогласно. Только в 1903 г. Сербская народная партия, сломав сопротивление консерваторов, вносит в свою программу тезис о «сербском народе трех вер» [8].

После 1867 г. ситуация в Южной Венгрии начинает меняться существенным образом, что не могло не сказаться на развитии сербской национальной идеи Австро-Венгрии. Согласно венгерскому закону 1868 г. «о нациях», сербы потеряли остатки политической автономии, но при этом они получили культурно-религиозную автономию, в частности, сохранились патриарший совет, национально-церковный собор. Компетенция последнего выходила далеко за решение церковных проблем и вопросов образования. Все постановления собора утверждались королем [9]. Церковные общины, в условиях отсутствия политической автономии сербов Венгрии брали на себя значительную часть функций по защите национальных интересов сербского народа. Сербские интеллектуалы Венгрии и Хорватии, выступая за светский характер культуры, не стремились существенным образом, нарушать автономию церкви, в то время, как в Сербии правящая элита берет курс на установление контроля государства над деятельностью церкви и значительную трансформацию ее роли в жизни общества. В Сербии, в отличие от Венгрии образование имело только светский характер. Консолтдация сербов Венгрии вокруг церкви способствовала политике мадьяризация, проводимая Будапештом с 70-х гг. XIX в. Поэтому церковь вновь начинает восприниматься как главный оплот «сербскости» в Венгрии и в Хорватии. Радикальная интеллигенция сербов не смогла серьезно поколебать представление сербов о церкви, как главном хранителе национальной идентичности. Этому во многом способствовал аграрный характер сербского общества Венгрии и Хорватии. Средний класс, который мог стать основой для секуляризации национальной

идентичности у сербов Дунайской империи, не был многочисленным. К тому же значительная его часть с большим пиететом относились к церкви, как хранительнице национальной традиции и защитнице интересов сербов.

Венгерская политическая элита видела в сербской православной церкви важную государство-образующую основу, с которой необходимо считаться. Поэтому в 1875 г. утверждается устав Сербской церковной автономии, окончательно урегулировавший все спорные вопросы. В состав собора вошли патриарх, 6 епископов и 75 депутатов, избираемых сербским населением, из них 25 являлось священниками, 50 – светскими лицами. Избирательное право получили все мужчины-сербы с 24 лет, жившие в общине не менее 6 недель и регулярно платившие налоги. Собор созывался не реже 1 раза в 3 года между Пасхой и Троицей. Собор получил право закрывать и открывать церковно-приходские школы, управлять церковным имуществом, определять административное управление сербской православной церковью, избирать патриарха и епископов, создавать благотворительные организации [10].

Авторитет церкви подкреплялся значительной материальной и духовной основой. В начале XX в. под ее контролем в Венгрии и в Хорватии находилось 246 начальных школ, 221 образовательное учреждение, два института по подготовке учителей, две церковные семинарии, 20 детских садов [11]. Кроме этого церкви принадлежало несколько фондов, обладавших крупными финансовыми средствами. «Национальный церковный фонд», сформировавшийся за счет пожертвований прихожан финансировал постройку новых церквей и монастырей. Капитал фонда в начале XX в. превысил 19,5 млн. крон. «Карловицкий школьный фонд», основанный в 1749 г. митрополитом Павлом, пополнявшийся за счет пожертвований прихожан и духовенства, выделял средства на развитие сербского образования. В начале XX в. в кассе фонда имелось около 100 млн. крон. Кроме этого, 24 сербских монастыря в Венгрии владели 30 тыс. йохов земли, а вся собственность монастырей оценивалась в 40-50 млн. крон. Большая часть монастырских земель сдавалась в аренду, которая приносила неплохие доходы. Лично патриарху принадлежало 4

имения в Дале, Бело, Бродо, Борово с 24 тыс. йохов земли. Вся недвижимая собственность сербской церкви российским генеральным консулом в Будапеште оценивалась в 1912 г. почти в 100 млн. крон [12]. Таким образом, по уровню благосостояния сербская православная церковь стояла на втором месте после католической церкви Венгрии. Отдавая должное сербской православной церкви в деле сохранения национальной идентичности сербов Венгрии, следует отметить, что она выступала с некоторыми антимодернистскими лозунгами, осуждаю гражданские браки и имматрикацию, свободу вероисповедания и равноправие евреев [13]. Антисемитизм был довольно силен среди различных слоев сербского общества Венгрии и Хорватии [14]. Следовательно, данные антимодернистские установки во многом отражали черты национального самосознания сербов.

Целый ряд факторов привел в 1912 г. к временному ограничению сербской национально-религиозной автономии. Правда, права собственности церкви при этом не ущемлялись. После смерти в августе 1913 г. сербского патриарха Богдановича венгерское правительство препятствовало созыву церковного собора для избрания нового патриарха. Ряд венгерских политиков обвинили сербскую церковь в пособничестве сепаратистам, хотя сербская церковь Венгрии отвергла эти обвинения, заявляя о своей лояльности властям [15]. Причиной приостановления сербской церковной автономии стали неурядицы внутри самой церкви и вражда между светскими и религиозными деятелями в соборе по вопросу об управлении имуществом сербской православной церкви в Венгрии и в Хорватии.

Слабый контроль над церковной собственностью приводил к хищению и нерациональному использованию средств. Сербских светских деятелей эта ситуация явно не устраивала. Тем более, они хотели увеличения расходов на политическую агитацию, развитие сербских общественных и политических организаций за счет «церковных доходов» и сокращения расходов на нужды духовенства. Клир эти действия светских лиц расценивал как вмешательство во внутренние дела церкви и ущемление, ее автономии [16].

В эпоху дуализма, несмотря на все трудности, сербская интеллигенция и политическая элита уделяли огромное внимание культурно-просветительской работе, видя в ней один из способов сохранения национальной культуры, развития национального самосознания народа и противостояния мадьяризации. Мадьяризация привела к обратному эффекту, она не формировала единую «венгерскую политическую нацию», наоборот способствуя объединению сербов и сохранению их самобытности. В условиях, когда сербы не имели многочисленного представительства в парламенте Венгрии и оказывали слабое влияние на политическую жизнь страны развитие общественных и культурных организаций становится важным механизмом консолидации нации и противостояния внешним угрозам.

С 1861 по 1914 гг. в Нови Саде довольно успешно работал сербский национальный театр, делавший ставку на патриотический и этико-дидактический репертуар и, несмотря на незначительные достижения в художественном плане, достигший больших успехов в решении национальных, образовательных и общественно-политических задач [17]. Огромную роль в культурно-просветительской жизни сербов Венгрии играла «Сербская матица», основанная ещё в 1826 г., особенно после её переезда из Пешта в Нови Сад в 1864 г. Общество издавало альманахи «Летопись» и «Матица», где публиковались сербские авторы, оно оказывало материальную помощь представителям сербской культуры, выпускала литературу для широкого круга читателей, содействовало развитию сербского образования. Уже к 80-м гг. XIX века библиотека «Сербской матицы» насчитывала около 15 тыс. томов [18]. В начале XX в. сербам Венгрии принадлежало семь издательств. Самое крупное из них «Карловицкая монастырская печатня» опубликовало объемное, роскошное издание «Знаменитые сербы XIX в.», где на основе привлечения исторического материала подчеркивалось национальное величие сербов. Сербские типографии выпускали значительное число книг на сербохорватском языке, активно их, поставляя в Сербию. Кроме этого в Венгрии к 1910 г. издавалось около 30 сербских периодических изданий (газеты, журналы) [19].

Многие сербские предприниматели, в том числе «Сербский банк» учреждали специальные стипендии для поддержки сербской учащейся молодежи. Для этих же целей было создано просветительское общество «Приверднице». Сербь, успешно заканчивавшие школу, получали от общества льготный кредит для основания собственного бизнеса. «Приверднице» оказывало финансовую помощь сербским молодоженам при условии, что оба супруга были православными [20]. Кроме этого сербы активно создавали различные спортивные, певческие, благотворительные организации, общества по борьбе с трезвостью и т.д. Все это служило инструментам сохранения национальной идентичности сербов и их консолидации.

В конце XIX – начале XX вв. в сербском обществе Венгрии и Хорватии происходят существенные изменения, постепенно центр политической и экономической жизни сербов перемещается из Южной Венгрии в Хорватию, где сербы занимали весомые позиции в экономической и политической жизни Триединого королевства, используя в своих интересах борьбу хорватской оппозиции с короной. Центром культурной и интеллектуальной жизни сербов в последней трети XIX в., не без помощи венгерских сербов становится Белград, Нови Сад, отошел на периферию данного процесса.

В начале XX в. сербы оказались разделенной нацией, проживая в Сербии, в Венгрии, в Хорватии, в Австрии, в Боснии и Герцеговине. Интеллектуальная элита сербов, вне зависимости от государственной принадлежности ощущала неразрывное единство сербского народа. В тоже время широкие слои населения и, прежде всего, проживавшие в Австрии, в Венгрии, в Хорватии, в Боснии и Герцеговине имели ярко выраженные региональные идентичности, что накладывало отпечаток на их менталитет и образ жизни. Осознание принадлежности к сербской нации (в основном по религиозному принципу), не мешало сербам Австро-Венгрии культивировать тройное самосознание (национальное – общеимперское – региональное). Сепаратистские настроения после переворота 1903 г. получают распространение среди молодёжи и части интеллигенции. В тоже время среди сербов было много сторонников

сохранения единства империи Габсбургов. В частности сербские предприниматели осознавали выгоду от интеграции в единый центрально-европейский рынок. Уровень жизни сербов в Южной Венгрии был выше уровня жизни сербов в Сербском королевстве. Более половины сербов Венгрии в начале XX в. было грамотными, в то время как в Сербии данный показатель приблизился к 21%. Процент городского населения среди сербов на юге Венгрии достиг 18,5%, а в Сербии 13,2% [21]. Сербь в Дунайской империи жили в мире, в то время, как Сербия постоянно воевала.

Примечания

1. Documented facts and figures on Transylvania // Moderator A.W. de Czege. Astor Park, 1977. P. 19.
2. Чериковер С. Сербия. Босния и Герцеговина. М., 1910. С. 23.
3. Puskas J. Overseas Emigration from Hungary and National Minorities // Ethnicity and Society in Hungary / Ed. by F. Glatz. Budapest, 1990. P. 269.
4. Срби међу европским народима / Ред. Сима Тарковић. Београд, 2004. С.238.
5. Puskas J. Op. cit. P. 262.
6. Чиркович С.М. История сербов. М., 2009. С.214.
7. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XIX – начало XX вв. / Отв. ред. И.В.Чуркина. М., 1997. С.12.
8. Чиркович С.М. Указ соч. С.294.
9. Романенко С.А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX вв. // Балканы в конце XIX – начале XX вв. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 119.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 108.
11. Kovago L. Les rapports Socio-economiques des Slaves meridionaux de Hongrie au debut du XXe siècle // Ethnicity and Society in Hungary. / Ed. by F. Glatz. Budapest, 1990. P. 273.
12. АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 108.
13. Перени И. Партии и политическая борьба среди сербов Венгрии (1867-1900). Будапешт, 1960. С.23.
14. Ракић Л. Радикална странка у Војводини (до почетка XX в.). Нови Сад, 1975. С.68.
15. АВПРИ. Ф. 217 Генеральное консульство в Будапеште. Оп.101. Д. 41. Л.1.
16. Перени И. Указ. Соч. С.12-13.
17. Марьянович П. Деятельность первого сербского профессионального театра в Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 232-236.
18. Лещиловская И.И. Сербская матица // Славянские матицы XIX века. Ч. 1. М., 1996. С. 45.
19. АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 581. Л. 14.
20. Маврокордато Г.Д. Описание Венгрии. Т.1. Париж, 1916. С. 212.
21. Срби међу европским народима / Ред. Сима Тарковић...С.239.

**Конгресс немадьярских национальностей 1895 г. в Будапеште:
образ в австро-венгерской печати**

Конгресс немадьярских национальностей Венгрии прошёл 10 августа 1895 г. в помещениях будапештского отеля «Националь». Причиной его созыва стало обострение национального вопроса в Венгерском королевстве. Законодательство этой половины Габсбургской монархии признавало существование на своей территории только одной нации – венгерской. Все народы, населявшие королевство, определялись законодательством как «национальности», входящие в единую венгерскую политическую нацию, т.е. явления этнографического, а не общественно-политического порядка. Такое положение дел давало существенные преимущества собственно венграм (мадьярам по «национальности») в противовес «венграм» всех остальных «национальностей». Венгерский язык имел статус официального государственного; с принятием концепции единой политической нации были существенно ограничены права «национальных автономий» на территории королевства (Семиградье, Воеводство Сербия и Тамишский Банат) и т.д. Такое положение никак не устраивало малые народы, тем более что в сумме численность немадьярского населения Венгрии превышала численность мадьяр. Стремление использовать численный перевес в общей для немадьярских национальностей борьбе стало стимулом к сотрудничеству трёх самых крупных национальных меньшинств Транслейтании (румын, словаков и сербов), вылившемуся в проведение Конгресса.

Румыны, крупнейшее из меньшинств, играли на Национальном конгрессе ведущую роль. Они являлись главными инициаторами мероприятия, их представительство было самым многочисленным, кроме того, они пользовались бóльшим авторитетом и обладали бóльшим политическим весом, нежели их соратники. Словацкое и сербское представительства уступали им, т.к. в Словакии был слишком мал процент политически активного населения, а сербы были рассеяны по территории королевства столь широко, что их политическое

сплочение сталкивалось с целым рядом препятствий. Но принцип равного присутствия в руководящих органах Конгресса позволил соблюсти между делегациями должный баланс.

Результатом Национального конгресса стало принятие «Программы объединения национальных партий румынской, словацкой и сербской в Венгрии и Семиградье», суммировавшей требования национальных меньшинств и закладывавшей основы для дальнейшей координации их работы. Однако политика, проводимая правительством Дезидерия Банффи (характеризовавшаяся в старой историографии как «террор», что, конечно, лишь отчасти соответствует истине), не позволила реализовать эту программу. Большой степени сотрудничества в борьбе за равноправие, чем та, что была достигнута на Конгрессе, национальные партии уже не добились.

Таким образом, этот съезд имел большое значение для общественно-политической жизни каждого из народов-участников и всего Венгерского королевства. Его нельзя обойти вниманием, говоря о национальном вопросе в Австро-Венгрии. Кроме того, особый интерес это событие имеет для истории Словакии, поскольку позволяет говорить о существовании альтернативы чешско-словацкому сближению на почве борьбы за равноправие в виде участия в широком альянсе из неполноправных народов Транслейтании.

Уже современники осознавали важность Национального конгресса, поэтому он широко освещался прессой как внутри империи, так и за границей. Публикации в австро-венгерских газетах позволяют не только представить себе реакцию на него общественного мнения того времени, но и увидеть на конкретном примере проявления той политической и национальной ориентации, которой придерживались периодические органы печати. Из всего многообразия прессы Австро-Венгрии проанализированы 5 изданий: *Pester Lloyd*, *Neue Freie Presse*, *Prager Tagblatt*, *Národní listy* и *Národné noviny*. Все эти газеты в той или иной мере разделяли либеральные ценности, однако различались масштабом и национальностью целевой аудитории. Наиболее официальными и крупными можно назвать *Pester Lloyd* и *Neue Freie Presse*.

Первая предназначалась для немецкоязычных жителей Венгерского королевства, вторая – для населения Австрии. За ними следуют Prager Tagblatt и Národní listy, обращавшиеся к населению Богемии, одна – к немцам, другая – к чехам. Самое скромное издание, Národné poviny, выходило на территории современной Словакии. Такая подборка позволяет, с одной стороны, широко представить Конгресс национальностей, а с другой стороны, рассмотреть его применительно к словацким сюжетам, представляющим для автора первостепенный интерес.

Перейдём теперь непосредственно к изображению Национального конгресса в названных выше газетах.

Pester Lloyd находилась в оппозиции по отношению к съезду немадьярских национальностей, разделяя настроение большей части мадьярской прессы. В её изображении Конгресс – это непредставительное и впопыхах созванное собрание лишь части оппозиционных деятелей. Даже его программа писалась всего за день до открытия [1]. Значение и масштаб съезда умышленно уменьшались ещё и тем, что газета вольно интерпретировала ведущую роль румын. Согласно её трактовке, всё мероприятие проходило благодаря румынам, было исключительно ими задумано и организовано, а комитет, руководящий проведением Конгресса, являлся всего лишь обновлённым комитетом Румынской национальной партии [2]. Pester Lloyd также обращала внимание своих читателей на разобщённость участников форума. Даже приглашения на мероприятие были разосланы избирательно ввиду страха столкнуться с несогласными среди «своих» [3]. Это якобы свидетельствовало об отсутствии единства среди немадьярских политических деятелей. Но и те, кто получил приглашения, даже внешне смотрелись разношёрстной толпой, одетой кто по общеевропейской моде, а кто – в национальные костюмы, говорили во время Конгресса исключительно на национальных языках [4], заставляя сомневаться в способности прийти хоть к какому-то общему решению.

Neue Freie Presse относилась к Национальному конгрессу со сдержанной симпатией, как к демократическому мероприятию, отвечавшему её

идеологическим воззрениям. В ней будапештский съезд обрисован как прогрессивное и серьёзное мероприятие, достигшее определённых положительных результатов. Главенствующая роль румын отмечалась как объективная реальность [5], однако вся суть события не сводилась к «румынскому вопросу» (как делалось в Pester Lloyd). Кроме того, в венской газете, которая была далека от замыкания на проблемах только одной части Габсбургской монархии, специально подчёркивался общегосударственный и, что немаловажно, верноподданнический характер съезда. Упоминался факт отправки приветственной телеграммы императору [6], демонстрировавший лояльность участников форума верховной власти. А пункты принятой Национальным конгрессом программы были перечислены так, что первыми шли требования справедливого избирательного и церковного законодательства – актуальные и близкие населению Цислейтании [7]. Национальный вопрос в ней тоже был далёк от разрешения, проявляясь в несправедливом по отношению к национальным меньшинствам разграничении избирательных округов, в сфере церковной политики и ряде других направлений так же, как и в Транслейтании.

Prager Tagblatt позиционировала себя по отношению к Конгрессу сдержанно-отрицательно, что объяснялось негативным отношением ко всяким угрозам стабильности со стороны тех, кто не принадлежал к государствообразующей нации на окраинах Двуетной монархии. Немцы, как «титовная нация» Австро-Венгрии, определявшие направление её общественно-культурной жизни, во многих регионах монархии численно уступали национальным меньшинствам. Таким образом, их лидирующее положение там могло быть сохранено только в условиях неизменности национальной политики, отдававшей предпочтение немцам и мадьярам. Однако когда в таком конфликте сталкивались именно привилегированные нации, причём в положении большинства оказывались мадьяры (так было в Семиградье, где было много не только румын, но и немцев), интересы регионального немецкого меньшинства отчасти совпадали с интересами других

меньшинств. Неоднозначность такого положения вынуждала *Prager Tagblatt* придерживаться линии сдержанной критики Конгресса. Так, она ратовала за то, чтобы «лишить ветра паруса немадьярских трибунов» [8], но при этом предлагала сделать это разумными и осмотрительными мерами, включая даже пересмотр избирательного закона, пусть и не на основе всеобщего избирательного права [9]. Конгресс в её освещении представал очередной акцией в политической борьбе на территории Транслейтании, вызвавшей неоднозначную реакцию, во многом инспирированной румынами [10], но всё равно требующей серьёзного к себе отношения.

Národní listy представляла собой лагерь союзников Конгресса, видя в нём проявление близких чехам тенденций. Ведь сами чехи тоже добивались для себя положения, которое бы соответствовало их вкладу в процветание государства. К концу XIX в. это стремление носило характер борьбы за уравнивание прав национальностей в монархии, совпадая с вектором политической борьбы в Транслейтании. *Národní listy* создавала образ пробуждения национальных движений с румынами во главе, писала о больших перспективах этого сплочения, которым мешала лишь нерешительность или отстранённость некоторых народов. На её страницах анализировались причины, заставившие самоорганизоваться неполноправные меньшинства, а именно: обострение политической борьбы между мадьярскими партиями, вынудившее их опереться на партии меньшинств как на союзников. Это увеличило авторитет национальных партий и послужило толчком к началу самостоятельной деятельности по защите своих прав [11]. Данный процесс совпал с ростом национального самосознания у румын, обеспечившим их лидирующие позиции в движении неполноправных национальностей [12]. В то же время в *Národní listy* с сожалением говорилось о самоустранении от борьбы немцев Семиградья и хорватов [13]. Положение первых было слишком неоднозначно, чтобы они могли предпринимать решительные действия, вторые же пользовались плодами венгеро-хорватского соглашения 1868 г., обеспечившего им более выгодные в сравнении с другими меньшинствами

позиции. Чешская газета не скрывала трудностей, стоящих перед участниками съезда, но с оптимизмом смотрела в будущее [14], демонстрируя результаты общих усилий в виде программы объединения национальных партий.

Národné poviny являлась самой последовательной сторонницей Конгресса среди органов печати, т.к. была изданием участвовавшей в нём Словацкой национальной партии. Газета создала образ мероприятия, ставшего возможным благодаря упорству его организаторов, добившихся, наконец, положительного решения по поводу форума от венгерских властей. Она писала о широком международном отклике и глубоком сочувствии событию со стороны иностранной прессы, о колебаниях в позиции других немадьярских национальностей. Большое место было отведено под цитаты из других изданий (преимущественно на немецком и венгерском языках). С их помощью были показаны споры среди мадьярской прессы (оппозиционные представители которой относились к Конгрессу снисходительнее проправительственных) [14], позитивный настрой многих германских и австрийских изданий, поддерживавших Конгресс и осуждавших позицию «еврейско-мадьярских журналов», критиковавших организаторов форума [15]. Таким же образом демонстрировалась осторожная позиция общественно-политических лидеров семиградских немцев, некоторые представители которых приехали на Конгресс, но большинство предпочло воздержаться [16]. Публикации речей и итоговой программы съезда [17] дополняли эту картину, позволяя читателям лично обозреть направления политической борьбы и оценить характер требований и задач, выполнить которые стремилось объединение национальных партий.

Что же касается конкретно словацких сюжетов, которые специально могли быть подняты в ходе форума, то приходится отметить, что особого внимания прессы они не удостоились. Словаки и их специфические интересы в общем для немадьяр деле скрывались за рассуждениями о сотрудничестве национальностей, перечнями их требований и т.д. То есть, пресса рассматривала их органической частью Конгресса, которая особо не

выделялась. Их присутствие на нём освещалось спокойно и ровно, без того повышенного внимания, которое привлекали румыны.

Примечания

1. Pester Lloyd. 1895. Morgenblatt. 10. August. S. 2.
2. Там же.
3. Pester Lloyd. 1895. Abendblatt. 10. August. S. 1.
4. Там же.
5. Neue Freie Presse. 1895. Morgenblatt. 10. August. S. 3.
6. Там же.
7. Там же. S. 7.
8. Prager Tagblatt. 1895. 10. August. S. 1.
9. Там же.
10. Там же. S. 9.
11. Národní listy. 1895. 10. srpna. Dopolodne. S. 1.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
14. Národné noviny. 1895. 10. srpna. S. 1.
15. Там же. S. 2.
16. Там же. S. 3.
17. Národné noviny. 1895. 13. augusta.

Болгарский солдат в Балканских войнах глазами русских

Балканские войны 1912–1913 гг. сыграли важную роль в истории этого полуострова, надолго определив взаимоотношения стран региона и международные отношения в нем. Создание славянско-православного союза, его победы над Османской империей и последовавшая кровавая распря среди членов альянса не оставили равнодушным русское общество. В России следили за событиями и положением дел на Балканах. Естественно, что в ходе боевых действий пристальное внимание было обращено на армии стран-союзниц. Болгарской армии было уделено больше всего этого внимания, что вполне объяснимо ее размерами и направлением основных действий, т.е. близостью к Константинополю и проливам.

В болгарскую армию были мобилизованы широкие слои населения, но на призывные пункты приходили даже те, кто по здоровью не должен был служить, а когда им отказывали, некоторые кончали жизнь самоубийством [1]. Большое количество интеллигенции, торгового населения, крестьян и горожан влились в ряды армии. Даже чиновники отказывались от брони и шли на фронт: подпоручиком пехоты был бывший министр Такев, а посланник в Берлине С. Станчев служил в гусарах [2]. Помимо этого на Балканы и в Болгарию, в частности, отправилось много добровольцев: из Киева отправилась «большая партия добровольцев-славян, преимущественно студентов университета и духовной академии» [3], в македонском легионе ушел на фронт армянский добровольческий отряд, в чьем составе были и старые четники, и учителя, и сапожники, и даже юноша 22 лет, 14 из которых он прожил в Лондоне [4]. Такое описание состава армии непосредственно наводит на воспоминания о войнах на Балканах XIX столетия, когда в деле освобождения от Османского ига принимали участие добровольцы из многих стран мира.

Очевидцы отмечали выносливость и терпение болгарских солдат. При этом она часто была обусловлена желанием биться с врагом. «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им смердеть в Македонии» [5],

говорил раненый российскому журналисту. Получившие ранение часто возмущались: «Почему меня не несут на носилках? Я и так дойду. Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя» [6]. «Я видел его (болгарского солдата. – *Г.Н.*) неоднократно безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам, или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перевязочного пункта» [7], – писал корреспондент «Утра России» Н.П. Мамонтов. Действительно, санитарные отряды находились на приличном расстоянии от поля сражения, однако это было не единственным недостатком медицинской службы болгарской армии. Тяжелой была ситуация в военных госпиталях. К зиме 1912 г. эпидемия холеры в войсках достигла такого масштаба, что даже во время наступления на Чаталдже количество больных вдвое превышало количество раненых. В связи с этим был приглашен для борьбы с инфекцией известный венский бактериолог Крауз Рудольф. Он посетил несколько госпиталей в Болгарии, одним из них был расположен в г. Чорлу, который ученый описал так: «Три с половиной тысячи холерных лежали в конюшнях на полу, в своей загрязненной одежде, покорно ожидая смерти! На всю эту массу умирающих было три врача» [8].

М.В. Родзянко, приехавший на Балканы в качестве уполномоченного Красного Креста, увидев лозенградский госпиталь, воскликнул: «До чего они небрежно относятся к своему же солдату!» [9]. В нем практически отсутствовал персонал, раненые не могли встать с кроватей и справляли свои потребности под себя. В результате, когда его передали в ведение российского Красного Креста, в течение пяти дней сотня наемных рабочих вычищала госпиталь [10]. В этих сведениях мы можем заметить поразительное противоречие. Лозенград – город, взятый болгарами в начале войны. Казалось бы опустением из-за боевых действий можно объяснить недостаток медицинского персонала – людей попросту в городе нет, чтобы их нанять. Но, в то же время, российский Красный Крест смог в нем нанять сотню человек. Возникает естественный

вопрос: почему же болгарское командование не наняло этих же наемных для хотя бы минимального ухода за людьми, которые безропотно шли умирать за свою страну? При этом вероятно, что на призыв о помощи, откликнулись бы многие государства, прислав врачей. Но, как свидетельствует Л.Д.Троцкий, болгары иностранцев на театр военных действий не пускали. «Там было слишком много такого, что приходилось скрывать от чужих глаз» [11], пишет он, имея ввиду неподобающее поведение войск и их состояние. Организация перевозки раненых была под стать организации госпиталей: в том же Лозенграде погрузка в санитарные поезда происходила силами самих раненых, из-за ограниченного количества мест в составах, получившие тяжелые увечья часто были просто затоптаны в давке. Носильщиков на вокзале не было, а носилки были свалены в кучу около багажной кассы [12]. Однако местное население старалось облегчить участь солдат. Так в Лозенграде жители самостоятельно устраивали санитарные комитеты. «Иначе совсем бы нам плохо пришлось» [13], – сетовал один из раненых под Лозенградом. В такой обстановке неудивительно, что офицеры писали: «Врачи погубили нас... При таких условиях мы должны согласиться на перемирие, благо, что Турция о нем просит» [14].

Бытовые условия на фронте были не лучше. Зимняя балканская слякоть, болезни – все это вело к падению боеспособности частей: «биваки превратились в очаги заразы, войска – в слабосильные команды» [15]. Во многом этому способствовали отступающие турки, выжигающие посеы и отравляющие колодцы. Но, объективно говоря, интендантская служба Болгарии сама была на крайне низком уровне. О неподготовленности страны к войне свидетельствует и то, что с началом боевых действий большое количество вооружения и снаряжения было передано балканским странам из стратегических запасов России [16]. А. Деренталь в своем очерке «Письмо из Адрианополя» рассказывал, что у болгар под стенами города не было нормальной разведки, осаждающие голодали, им не хватало обмундирования, участились среди них случаи дезертирства и самоубийств, среди солдат пошел

ропот, что надо либо идти на штурм, либо распускать их. А вынудило их идти на штурм то, что глава Адрианополя нашел в пригородах запасы жита, которых хватило бы на полтора-два месяца [17].

Под Чаталджой картина была не краше. Несмотря на сырые и холодные ночи, подстилок не было, одеял было недостаточно, а возможность переменить мокрое белье и вовсе отсутствовала [18]. Там же ощущался и недостаток вооружения: «Мы действовали под непрерывным артиллерийским огнем. А у нас своего прикрытия почти совсем не было. Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – рассказывал один из солдат [19]. Л.Д.Троцкий это связывал с действиями командного состава болгарской армии, обвиняя Радко Дмитриева в том, что тот, «обольщенный легким взятием Киркилиссе», повел наступление в высоком темпе, что приводило к отставанию тыловых, в том числе и санитарных частей [20].

Вернемся к системе болгарской военной медицины. Раненые рассказывали журналистам: «Иные санитары, вместо того чтобы идти к раненым, обшаривают убитых. Прямо мерзость» [21]. Но мародерство санитаров было не самым страшным их пороком. Один болгарский фельдшер рассказывал про другого, что тот после боя отправлялся с хирургическим скальпелем «и с наслаждением, не торопясь, прирезывал одного раненого за другим», а , возвратившись, рассказывал: «Сегодня восемь душ зарезал» [22]. Тут мы вплотную подходим к изнанке любой, даже «справедливой» войны – ее зверствам и жестокостям.

Особенно ярко это проявляется в обращении с военнопленными. Н.П. Мамонтов свидетельствует о крайне гуманном обращении болгар к сдавшимся солдатам, вплоть до того, что они селили плененных врагов в казармы, откуда приходилось выводить свои войска на постой под дождь [23], «караулившие их (турок – *Г.Н.*) ополченцы обращались со своим вчерашним заклятым врагом как с гостем, делясь с ним своим хлебом и угощая табаком» [24]. Сами сдавшиеся турки рассказывали Л.Д. Троцкому, что им болгары сразу же выдали одежду, чтобы те не мерзли, а «господин комендант любезно предоставляет в

наше распоряжение болгарские шинели» [25]. И в то же время Радко Димитриев отдал ужасающий приказ: «Если раненые или пленные будут затруднять транспорты, принять решительные меры к устранению препятствий» [26]. Со слов того же Л.Д. Троцкого был подобный приказ и относительно мирного населения. Всех турок, встречавшихся вне деревень «приказано было считать лазутчиками и убивать» [27]. Надо ли рассказывать, к каким это приводило к результатам.

В Белграде и Софии осознавали неизбежность войны друг с другом и развернули еще до начала боевых столкновений информационную войну. Другой корреспондент «Утра России» Е.И. Мартынов писал, что русский генеральный консул в Скопье Сергей Владимирович Тухолка замечал: «лучшим доказательством разницы между болгарами и сербами является то, что турецкое население из района, занятого первыми, бежит ко вторым» [28]. Л.Д.Троцкий передавал слова сербских офицеров: «Все те места, где ступила нога болгарской армии, превращены в пустыню. Ни человека, ни жилья человеческого, – все уничтожено, сожжено, стерто с лица земли» [29]. М.А. Осоргин в «Вестнике Европы» рассказывал о насильственной «сербизации» болгарского населения Македонии. Так сельская администрация в Манастире (Битоле), который не был признан по союзному договору «беспорной» сербской территорией, насильно заставляет местных жителей менять фамилии на сербские, так Ивановы становятся Иваничами. На местном собрании в Македонии, где стояли сербские войска, местный житель произнес тост за царя Фердинанда, на утро он уже был найден убитым [30].

С начала Второй Балканской войны количество сообщений с полуострова существенно уменьшилось. Тот же Е.И. Мартынов рассказывал об ужасающем поведении болгар по отношению к сербам. Он сообщает о добивании раненых, выкалывании глаз, сажании на кол, сжигании живьем, убийстве детей, насиловании девочек, и о «самых диких надругательствах, как над трупами, так и над живыми людьми» [31]. Рассказывает корреспондент и об использовании приказа об избавлении от пленных, говоря о нескольких солдатах в госпитале,

которых болгары кололи штыками, дабы «не отягощать транспорт». Приводит рассказ одного раненого под Брегалницей серба. Тот попал в плен, болгарский унтер-офицер отрезал штыком ему уши, сказав: «Это тебе за то, что ты осмелился идти против болгар». После этого ему собирались выколоть глаза, но он сообщил, что сражался под Адрианополем. После этого серб был отпущен со словами: «Поди покажи своему королю твои уши, чтобы он знал, кто храбрее, сербы или болгары» [32]. Тут мы видим совсем иное отношение к пленному врагу. Чем же оно могло быть вызвано? На наш взгляд, если война с турками была победоносной, за освобождение «рабов за Рилой», то противостояние с сербами было более ожесточенным, поскольку болгары возмутились желанием союзников отобрать македонские земли, часть Сан-Стефанской Болгарии.

Болгарские солдаты, очутившись на фронте, оказывались в весьма тяжелых бытовых условиях, раненые не получали достойного ухода и уважения за свое терпение и желание биться за правое, как им казалось, дело. В борьбе за Македонию эти же «войники» проявляли жестокость, даже по отношению к своим вчерашним союзникам. Чем же объяснить такое поведение? Можно согласиться с утверждением отечественного исследователя А.Л. Шемякина, что сербами и черногорцами двигали традиции ведения постоянных войн, четничества. Но этот постулат абсолютно неприменим по отношению к болгарам, обладавшим более спокойной новой историей. Балканские общества того времени не могли созреть и для массового национализма. Для объяснения столь высокого энтузиазма болгар в обе балканские войны, на наш взгляд, вероятным можно считать память о «священной корове болгарского сознания» – Сан-Стефанской Болгарии.

Примечания

1. Немирович-Данченко В.И. Собрание сочинений. Т.14. СПб., 1913. С.20.
2. Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913. С.22.
3. Утро России. № 228. (4.10.1912).
4. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.6. М.-Л., 1926. С.239.
5. Там же. С. 183
6. Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 72
7. Там же.

8. Там же. С.1605
9. Там же. С. 159
10. Там же.
11. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 261
12. Мамонтов Н.П. Указ. соч. С.159
13. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 198
14. Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 155-156
15. Там же. С. 154
16. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 107
17. Вестник Европы. 1913. №6. С. 276
18. Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 155
19. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 183
20. Там же. С. 259
21. Там же. С. 202
22. Там же. С. 263
23. Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 126
24. Там же. С. 52
25. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 194
26. Там же. С. 279
27. Там же. С. 241
28. Мартынов Е.И. Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.
С. 72
29. Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 118
30. Вестник Европы. 1913. №2. С. 325
31. Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 76
32. Там же. С. 77

К вопросу о происхождении и особенностях украинского национализма

Постулат дипломатии «Разделяй и властвуй», выработанный еще в Древнем Риме и отточенный до совершенства в Византии, на протяжении всей истории человечества работал и не давал сбоев. Данный принцип настолько совершенен, что проник во все сферы деятельности человечества. Благодаря данному принципу появлялись не только новые государства, но и новые народы и даже нации. Великолепным примером действия сего постулата являются восточные славяне, которых буквально за короткое историческое время разделили на белорусов, украинцев и русских.

Современная историография не обходит стороной украинскую проблематику, но постоянно отходит от постановки вопросов, которые помогли более ясно раскрыть вопросы о времени возникновения украинской нации, территории её расселения, что представляет собой «украинец» как этнический тип, иерархию его ценностей, мировосприятия, религия, отличительные черты.

Так, М. Назаров в своей книге «Историософия Смутного времени» рассуждение об украинстве строит на двух взаимоисключающих подходах. С одной стороны, самостийничество для него – лживая, искусственная доктрина, не имеющая под собой ни национальной, ни исторической почвы. Возникновение ее обусловлено чисто внешними факторами, материальной и политической поддержкой геополитических противников России, стремившихся путем выделения искусственной этнической общности «украинцев» отторгнуть от России ее южные территории. Население Малороссии никакого отношения к этой подрывной акции не имело и само себя «всегда именовало русским» [1]. В подтверждение данного тезиса М. Назаров ссылается на лидера украинской Директории в 1918-1919 гг. В.К. Винниченко, жаловавшегося на то, что сами «украинцы» высмеивали «все украинское: язык, песню, школу, газету, украинскую книжку», причем, «это были не отдельные сценки, а всеобщее явление ...». Весомый аргумент в пользу того, что народ,

записываемый самостийником В.К. Винниченко в «украинцы», никакого отношения к таковым не имеет. М. Назаров тоже с этим согласен и весьма убедительно живописует «семь неправд украинского сепаратизма»: этнографическую, филологическую, хронологическую, географическую, антирусскую, юридическую и национальную [2].

Итак, позиция М. Назарова как будто определена: «украинцы» в конечном счете, те же русские, а присвоение им сепаратистами нерусского названия – явление искусственное, инициированное врагами русского народа, стремящимися к расчленению и уничтожению России.

Все ясно, но далее в силу каких-то непостижимых причин М. Назаров начинает выстраивать обратную цепь умозаключений, совершенно запутывающих все его прежние рассуждения. Теперь вдруг оказывается, что «ни факты зарубежного злоупотребления украинским национализмом, ни ненависть сепаратистов к России не отменяют права украинцев на национальное самосознание – вплоть до отделения. Жаль, что при опровержении политических спекуляций сепаратистов, русские оппоненты часто упускали из виду эту национальную правду, забывали о том, что нации могут созревать и в наши дни, что, заявляя о себе сначала в культуре, они неизбежно требуют своего политического оформления [3].

С. Родин в своем труде «Химера: историческое расследование. «Украинцы»: их происхождение, подлинная история и реальное настоящее» критикует соглашательские позиции и утверждения М. Назарова, указывая на то, что М. Назаров готов отдать огромный пласт русской культуры и великих русских деятелей – проходимцам, неведь откуда взявшимся [4].

Еще один представитель соглашательского направления, который характеризуется двойственностью взглядов, мифологизацией истории и пр., В. Осипов, в своей брошюре «Русское поле» часто касается украинской темы по самым разнообразным поводам, умудряясь давать одному и тому же явлению прямо противоположные оценки [5]. Автор статьи придерживается позиции С. Родина, который справедливо подмечает, что В. Осипов игнорирует столь

очевидную связь и пытается совместить несовместимое: признать «украинцев» частью Русской нации и одновременно – самостоятельным этносом.

Еще более наглядное представление о том, до какой путаницы, нередко граничащей с полной бессмыслицей, доходит отражение украинской проблематики в сочинениях русских авторов, в том числе историков, дает книга Г. Вернадского «Россия в средние века», три главы которой посвящены Юго-Западной Руси, той части русских земель, которые после монгольского нашествия отошли к Литве, а позднее были оккупированы Польшей [6]. Г. Вернадский приводит примеры того, что этническая принадлежность населения Западной Руси у автора сомнения не вызывает: это – русские. Далее, при описании Восточной Руси этническая принадлежность населения Восточной Руси также сомнений не вызывает: они тоже русские. Однако Г. Вернадский словно боится ясно обозначить свою позицию, особенно по тем вопросам, по которым вот уже два века дискутируют русские историки с польскими и украинскими. Стараясь угодить всем и при этом сохранить видимость ученой объективности, он, наряду с общепринятыми и исторически достоверными терминами, наводняет текст искусственными понятиями, сочиненными самостийными идеологами в XIX в., и использует те и другие, как совершенно равнозначные, доводя до полной бессмыслицы историческую сторону своего исследования и читатель просто не в состоянии понять: о каком же народе идёт речь – русском или украинском? И если в Великом княжестве Литовском жили русские, то зачем обозначать их украинцами? [7].

Г. Вернадский раздваивает образ восточной части Руси как «Великую Русь», «Великую Россию», не отвергает этих исторических наименований, но со странным упорством параллельно внедряет в текст и придумки польско-украинских историков XIX–XX вв., превращавших Россию в «Московию», а русских – в «москвитов». Г. Вернадский, следуя путём произвольных переименований приходит к тому, что после присоединения Новгорода «Московия стала балтийской державой»; а Иоанн III обсуждал с ханом Менгли-Гиреем «вопрос о разделении сфер влияния Московии и Крыма»; и уже

«москвиты», а не русские «нанесли сокрушительное поражение литовской армии» и т.д., при полном игнорировании своего собственного утверждения, что «характерным для людей и восточной и западной России было то, что они продолжали называть себя русскими, а свою землю Россией (Русью)» [8].

Еще один историк, предложивший свою собственную концепцию генезиса украинского народа, В. Кожин, опирается на труды самостийных историков и раз за разом ссылается на Н.И. Костомарова, введшего в отношении собственно русского народа термины «великоросс», «великорусская народность» [9]. Впрочем, в этой терминологической неразборчивости В. Кожин отнюдь не одинок; она типична для большинства русских авторов, затрагивающих украинскую тему. Так, М. Назаров в своей «Историософии Смутного времени» признает серьезность «проблемы терминологии» и даже специально на ней останавливается, отмечая изменения, внесенные в XX в., в частности, о замене названия Малороссия словом Украина и сужении значения слов «русский» и «российский»: «Сегодня определение «русский» идентично почти вышедшему из употребления понятию «великоросс». Но еще на рубеже XIX-XX вв. «русский» означало великороссов, малороссов и белорусов вместе взятых. В этом смысле его употребляли как представители русской интеллигенции (например, П.Струве), так и украинской (П.А.Кулиш). Это было естественно и для простого народа» [10].

Разобраться в данном терминологическом букете мешает только одно: отсутствие исторического подхода к очень важной проблеме. Автор статьи считает, что необходимо строго придерживаться исторических фактов, не подменяя их искусственными построениями исследователей поздних времен, произвольно накладывавших изобретенную ими терминологию на эпохи и исторических деятелей, понятия о таковой не имевших.

По мнению С. Родина, именно из этого разряда позднейших придумок и пресловутые «три ветви» русского народа: «малороссы», «великороссы», «белорусы», – «народности», не оставившие в исторических источниках никаких следов своей деятельности. Причина весьма банальна: таких этносов

никогда не существовало. Названия, от которых были произведены наименования каждой «ветви» – Малая, Великая, Белая Русь – никогда не несли в себе этнического, национального содержания, служа лишь для обозначения территорий, населенных русским народом, оказавшимся после татарского нашествия в разных государствах [11].

До татарского нашествия ни Великой, ни Малой, ни Белой России не существовало. Ни письменные источники, ни народная память не сохранили о них упоминания. Выражения «Малая» и «Великая» Русь начинают появляться лишь в XIV в., но ни этнографического, ни национального значения не имеют. Зарождаются они не на русской территории, а за ее пределами и долгое время неизвестны были народу. Возникли в Константинополе, откуда управлялась русская церковь, подчиненная константинопольскому патриарху. Пока татары не разрушили киевского государства, вся его территория значилась в Константинополе под словом «Русь» или «Россия». Назначавшиеся оттуда митрополиты именовались митрополитами «всех Русей» и резиденцией имели Киев, столицу русского государства. Так продолжалось три с половиной столетия. Но вот, разоренное татарами государство начало становиться легкой добычей чужеземных государей. Кусок за куском русская территория попадала в руки поляков и литовцев. Раньше всех захвачена была Галиция. Тогда, в Константинополе установилась практика именовать эту отошедшую под польскую власть русскую территорию – Малой Русью или Малой Россией. Когда, вслед за поляками, литовские князья стали забирать одну за другой земли юго-западной Руси, эти земли, в Константинополе, подобно Галиции, получали наименование Малой Руси. Термин этот, так не понравившийся в наши дни украинским сепаратистам, сочинен не русскими, а греками, и порожден не бытом страны, не государством, а церковью. Но и в политическом плане стал он употребляться впервые не в московских, а в украинских пределах. В XIV в. галицкий князь Юрий II в своих латинских грамотах именовал себя «князем всей Малой Руси» (*dux totius Rutenia minorum*). Под «великой» Русью патриаршая константинопольская канцелярия разумела все

то, что осталось подвластно митрополиту киевскому. Сам Киев, пока его не захватили литовцы, относился к «великой» Руси, но с 1362 г., будучи взят Ольгердом, великим князем литовским, становится «Малой Русью» [12].

Таким образом, «Великая Россия» первоначально не означала отдельного народа или племени, относилась не к одному какому-нибудь княжеству, вроде московского, но ко всем северо-восточным землям, не попавшим под власть иноверных государей.

Из византийских документов новые понятия, обозначавшие несколько «Россий», проникли в русские, польские, литовские. Но знаменательно, что ни первые, ни вторые не знают национальных различий между их населением: везде оно русское и только так себя самоопределяет. Когда после присоединения Малороссии и Белоруссии царь Алексей Михайлович стал именоваться «всея Великия и Малыя и Беляя России самодержцем» – это как раз и выражало идею объединения всего русского народа, проживавшего в землях, некогда принадлежавших древней Руси и получивших после ее распада разные наименования.

Понятие о «трех Россиях» было в ходу долго, вплоть до 1917 г. Но только в XIX в. их стали «населять» тремя разными народностями, причем исключительно в среде образованных людей. Народ же понятия об этом не имел. Утверждение М. Назарова, что употребление этих терминов «естественно и для простого народа» ни на чем не основано. Простые люди, как и во времена Киевской Руси, для своей национальной идентификации использовали один единственный этноним – русские. Причем характерно это было для всех русских, где бы они ни проживали: в Малой, Белой или Великой России [13].

С. Родин отмечает, что в 1917 г., «три русские народности» революционеры директивно переименовали в «три братских народа», три различные самостоятельные нации. Надобность в малорусско-белорусско-великорусской триаде отпала. Первые две ее части вообще потеряли свою былую русскость и стали не русскими: «белорусы» под прежним названием, а «малороссы» превращены в новую нацию – «украинцев». Нехитрая

терминологическая операция сократила численность русского народа более чем на треть, ведь русскими остались только «великороссы». Но и этот последний термин был выведен из оборота: свое дело он уже сделал. Советские историки подвели под эту ликвидацию «научную» базу. Творчески развив «достижения» сепаратистской и либеральной историографии, они объявили слова «великоросс» и «русский» равнозначными [14].

Давно замечено, что государство в России шло впереди народа. Не поляне, древляне, вятичи и не великорусы, малорусы и белорусы, а РУССКИЕ учредили православную церковь в России – первую носительницу культуры. Не великорусы, не малороссы, а русские собирали землю и восстанавливали разрушенное татарами государство. Это русские повернули Россию лицом к Европе, русские выработали образованный слой населения, это они создали литературный язык, музыку, театр, науку. Они порождали людей, вроде декабриста П. Пестеля, немца по рождению и лютеранина по вере, требовавшего в своей «Русской Правде», чтобы официальным языком в проектируемой им республике, был русский, а церковный примат принадлежал православной церкви [15].

Ни один из летописных источников периода Киевской Руси не упоминает «восточных славян». Везде население Руси определяется терминами, производными от слова «русские». Конечно, в летописях встречаются и «славяне», но с совершенно очевидным пониманием того, что это понятие является более широким, объемля собой, кроме русских, и другие народы: поляков, чехов, словаков, болгар, хорватов, сербов и т.д. Ведя речь о собственно Киевской Руси, современники пользовались той или иной формой слова «русский» и лишь изредка – «славяне». Прилагательное же «восточные» в историческую науку внедрил знаменитый ее фальсификатор (по мнению С. Родина) М. Грушевский. И сделал это именно с целью отчуждения южной Руси от России. В дальнейшем, впрочем, он сам отказался от термина «восточные славяне», заменив их, разумеется, «украинцами».

В Киеве в 1998 г. вышла брошюра А. Железного, посвященная проблеме появления украинского языка – «мовы», в которой автор приходит к однозначному выводу: «Не будь польского господства, не было бы сейчас никакого украинского языка» [16]. Эту зависимость А. Железный выводит из главной особенности «мовы», отличающей ее от русского языка, а именно: наличия огромного числа полонизмов – слов, заимствованных из польского языка, что позволяет признать «мову» не самостоятельным языком, а лишь русско-польским диалектом. Указывает А. Железный и время, на которое приходится начало процесса видоизменения языка населения юго-западной части Руси. Этот диалект, «который мы сейчас называем украинским языком, возник и начал свое развитие... в XIV в., уже после распада единого древнерусского государства». Такова была цена, которую пришлось заплатить русским «за продолжительное пребывание под иностранным (польским) господством». Не будь его, «для возникновения русско-польского диалекта не было бы оснований» [17].

Как видим, речь идет не о «создании национального языка» вновь формирующейся нации, как утверждал М. Бахтин, а всего лишь о возникновении в силу неблагоприятных исторических обстоятельств смешанного диалекта, примыкающего и к русскому, и к польскому языкам, но употребляемого населением по своей национальности русским. Ликвидация иностранного господства над Малой Россией положила конец и развитию «мовы».

В современной Украине происходит украинизация языка, а по своей сути – полонизация. И если созвучие происходит и в польском, и в русском языках – украинские идеологи выдумывают свои исконно украинские слова.

Все выше изложенные рассуждения неопровержимо доказывают, что трехсотлетнее польское господство над южной Русью не изменило ни национальности, ни языка ее населения: несмотря на огромную засоренность полонизмами, он и к середине XVII в. остается вполне русским. Те особенности, которые стали отличать «мову» от русского языка,

свидетельствовали не о превращении ее в некий самостоятельный язык, а только лишь об образовании нового диалекта русского языка. Для русской филологической науки это секретом не было. Вот только несколько мнений крупнейших ее представителей.

Профессор Киевского университета Св. Владимира, автор капитального исследования «Лекции по славянскому языкознанию» Т.Д. Флоринский отмечал: «Малорусский язык есть не более как одно из наречий русского языка... составляет одно целое с другими русскими наречиями... Факт целостности и единства русских наречий в смысле принадлежности их к одной диалектической группе считается в современной науке истиной, не требующей доказательств». Отсюда закономерный вывод: жители Малороссии «в этнографическом отношении представляют не самостоятельную славянскую особь (в противоположность, например, чехам, полякам, болгарам или сербохорватам), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русским народом. В состав ее входят наряду с малороссами, великороссы и белорусы» [18].

Филолог-славист, этнограф, академик Петербургской академии наук И.И. Срезневский: «Давние, но не испоконные черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное – великорусское и малорусское; не столь уже давние черты, разрознившие на севере наречия восточное – собственно великорусское – и западное – белорусское, а на юге наречия восточное – собственно малорусское – и западное – русинское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских. Конечно, все эти наречия и говоры остаются до сих пор только оттенками одного и того же наречия и ни мало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа» [19].

Профессор Б.М. Ляпунов: «В настоящее время русский живой язык делится на наречия великорусское, белорусское и малорусское. Причем названия эти простому русскому народу неизвестны и употребляются только образованными людьми» [20].

Работы процитированных выше авторов относятся к рубежу XIX–XX вв. и однозначно говорят о том, что никакого украинского языка на территории южной России не существовало.

Согласно концепции Льва Гумилева этническая химера возникает в зоне активного противоборства на протяжении длительного времени двух несовместимых этносов и представляет собой общность денационализированных, выпавших из обоих этносов людей [21]. Так уж случилось в силу исторических обстоятельств, что именно Малороссии суждено было стать местом рождения украинства.

Именно здесь многовековое противостояние двух несовместимых этносов, русских и поляков, долгое время боровшихся за духовное и политическое преобладание в Восточной Европе, достигло наивысшего напряжения, обретя форму непримиримой конфронтации, охватившей, буквально, все области жизни двух народов: военную, религиозную, политическую, культурную, социальную и даже языковую. Деформация католицизмом и польской оккупацией русского национального характера, русского исторического призвания, русской идеи и породили, в конечном счете, «украинскую идеологию», «украинский менталитет», «украинскую культуру» [22].

Примечания

1. Назаров М. Историософия Смутного времени. Избранные статьи 1989-1992. М., 1993. С.54
2. Там же. С. 47-50
3. Там же. С. 49
4. Родин С. «Химера: историческое расследование. «украинцы»: их происхождение, подлинная история и реальное настоящее». Курск, 2002.
5. Осипов В. Русское поле. Сборник статей и очерков 1989-1996 гг. М., 1998. С. 66.
6. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 186-187
7. Родин С. Указ. соч.
8. Там же.
9. Кожинов В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М., 1997. С. 380.
10. Назаров М. Указ. соч. С.51-52
11. Родин С. Указ. соч.
12. Ульянов Н.И. Русское и великорусское. «Свободное слово Карпатской Руси», Н.-Й., 1960. С.20 //http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/niurus.htm
13. Родин С. Указ. соч.
14. Там же.
15. Ульянов Н.И. Указ. соч.

16. Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. Киев, 1998. С. 82.
17. Там же.
18. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 332-333
19. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1889. С. 34-35.
20. Украинский сепаратизм в России ...С. 389.
21. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 493-532.
22. Родин С. Указ. соч.

Украинизация на Кубани: сопротивление населения

В 1917–1932 гг. на Кубани с большей или меньшей степенью интенсивности осуществлялись меры по внедрению местным восточным славянам украинской идентичности, украинской культуры, украинского языка. Впоследствии, во второй половине 1920 – начале 1930 гг. эти попытки вылились в планомерную украинизацию. Последняя была принята населением крайне неоднозначно. Украинизации оказывалось сопротивление. Его причиной стали прочная привычка местных восточных славян к русскому языку, слабость национального самосознания у украинцев, живущих в этноконтактной зоне, большое количество людей с русским национальным самосознанием.

Первоначально кубанское политическое украинофильство и самостийничество в основном опиралась на одну из групп казачьей интеллигенции. Влиянию на часть черноморских казаков она была обязана чувству казачьей солидарности и стремлению развивать местное хозяйство и образование. К лозунгам национальной независимости и солидарности с Украиной население было в целом безразлично. Многих кубанцев раздражали политическая конфликтность «самостийников».

Партизанское движение, разгоревшееся после занятия большевиками Кубани в 1921 г. в основном велось под общероссийскими, а не «самостийническими» лозунгами: «Да здравствует советская власть! Долой коммунистов!» или «Власть царю, земля народу» [1].

Всё эти особенности мировоззрения кубанцев наглядно особенно ярко проявились в конце 1920 – начале 30-х гг. Этот период истории, отмеченный насильственно-бюрократической украинизацией, уже весьма ярко выявил предпочтения и антипатии жителей Кубани.

Уже в середине 1920-х гг. в станице Неберджаевской руководством школы и местного совета оказывалось сопротивление украинизации [2].

В станице Новомышастовской в 1926 г. украинский кружок при избе-читальне слили с русским кружком и закрыли украинскую стенгазету [3]. Например, в 1927 г. Брюховецком районе даже было принято решение о ликвидации украинской секции при райкоме ВКП(б) [4]. В районе только Шкуринский сельский совет перешел на украиноязычное делопроизводство.

К концу 1929 г. местные власти на Кубани проявляли вопиющее равнодушие к реализации плана сплошной украинизации. Такая ситуация во многом сохранялась и в дальнейшем [5]. Представители партийного и советского аппарата назывались в числе сил, активно тормозящих проведение украинизации [6]. Ко всему прочему местные власти препятствовали включению украинизацию в число программ, на выполнение которых распространялся принцип ударничества [7].

Медленно шла украинизация в Ейском и Краснодарском районе. К концу 1931 г. делопроизводство на украинском языке было введено только в пяти населённых пунктах последнего района. В станицах Нововеличковской, Пашковской, Марьянской, Васюринской, Динской, Новотитаровской работа по украинизации неприкрыто и откровенно саботировалась. Эти районы не удалось сделать центрами украинской культуры, как планировалось ранее [8]. Делопроизводство, ведение бухгалтерии, и изучение литературной украинской речи массово игнорировалось [9]. Такая же ситуация сохранялось и в следующем году [10].

Делегаты краевого совещания уполномоченных по нацменделам, прошедшего в июне 1930 г. в Ростове-на-Дону, пришли к выводу, что план украинизации на 1929 – 1930 гг. практически сорван. В последствии ситуация менялась незначительно [11].

11 ноября 1931 г. Абинский райком ВКП(б) признал наличие трудностей в проведении украинизации. А председатель Абинского райисполкома Фоменко прямо заявил, что дела с украинизацией обстоят «погано» и ничего не сделано [12]. Был назначен срок её завершения – 1 октября 1932 г. В начале 1932 г. силами Абинской районной КК – РКИ был расследован ряд персональных дел

коммунистов. Все они обвинялись в проведении политики «русского великодержавного шовинизма» в возглавляемых ими организациях и учреждениях [13]. Однако план украинизации так и не был выполнен на практике [14].

В станице Тихорецкой руководство не интересовалось украинизацией, проводя её как вынужденную повинность. «По украински в учреждениях никто не разговаривал», – вспоминал П. Воляняк. Равнодушно к украинизации относилось и население в целом [15].

«Нам сейчас некогда. Мы откладываем и более важные работы, а не то, что бы проводить украинизацию», – говорил секретарь комсомольской ячейки станицы Новомышастовской [16]. На хуторе Упорном Павловского района председатель сельского совета заявил: «Лучше убейте меня, а на украинский язык не повернёте» [17]. В станице Старомышастовской председатель правления колхоза всё переписку на украинском языке клал под сукно, и не отвечал ни на один запрос, присланный ему на украинском языке [18].

Управленческий аппарат абинского Райплодоовощтабксоюза не торопился приступать к украинизации. Его глава Бурдович открыто заявлял: «Ничего мы не делали с украинизацией, и не делаем, пока не закончим заготовки, и вообще она нам не нужна». «Абинский Райпотребсоюз так же не спешил с украинизацией. Кроме украинской вывески больше ничего не было сделано. Глава потребительского союза, Николай Косолапов говорил: «Это ещё спорный вопрос, есть ли украинцы основная масса района». Уполномоченная абинского райкома по Варнавинскому станичному совету Райхлина на заседании станичного совета заявляла, что торопиться с украинизацией не требуется, так как это вовсе не важная компания. «Это всё пустяки, какая-то украинизация, и разговоры о ней голословные. И то, что пишут о ней, это потому, что есть бумага. Бумага всё стерпит», – сказал один из функционеров [19].

Нелояльность к украинизации была одним из поводов для доносов, в том числе – через прессу. Например: «Завшколой станицы Березанской агитирует против украинизации школ. Сам он – русский»; «Избач станицы Ново-

Корсунской не даёт репетировать украинскому драматическому кружку, а поддерживает русский»; «Завполитпросветом станицы Ново-Корсунской Кубанского округа Севастьянов, несмотря на распоряжения партии и советской власти, плохо относится к украинизации» [20].

Управленцев-саботажников нередко наказывали. Весной 1932 г. за посылку отношений и деловой переписки на русском языке в украинские учреждения, так же саботаж проводимых мероприятий среди колхозных масс, председатели сельсоветов Кушовского района: Шкуринского – Виткалов, Полтавчихинского – Мишин, Глебовского – Кравцов, получили предупреждения и выговоры. Их обязали перевести работу техаппаратов на украинский, немецкий и латышский языки соответственно [21].

Общее отношение кубанцев к украинизации выразил опытный педагог, скрывшийся за инициалами Н.К.: «Я десять лет живу на Кубани, бывал сотни раз на собраниях граждан и никогда не слышал, чтоб масса населения, за исключением единиц хлеборобов и украинофильствующих интеллигентов, стояла за украинизацию» [22].

Примечательно, что в автономиях Северного Кавказа украинцы не получили статуса национального меньшинства, а были приравнена к великорусскому населению, хотя украинизационные мероприятия имели место и там. В основном она выразилась во внедрении среди восточнославянского населения автономий украиноязычного школьного образования. Украинизация органов власти и прессы практически не проводилась. Здесь во главу угла ставилось выдвижение на ведущие позиции представителей коренных этносов автономных областей [23]. Причём последние зачастую негативно относились к украинизации, так как при проведении этой компании слишком много внимания и ресурсов сосредотачивалось на украинцах [24].

Ожесточённая борьба развернулась вокруг системы образования. В период Гражданской войны украиноязычное образование имело место в основном на территории бывшей Черномории. В некоторых населённых пунктах оно вызывало энтузиазм, в других – резкое неприятие. Однако в целом в

Черномории к украиноязычному образованию масса населения относилась в тот период равнодушно. Его развитие в значительной степени происходило за счёт поддержки краевых кубанских властей.

После прихода к власти коммунистов они практически сразу развернули кампанию поддержки украиноязычного образования. Однако усилия по укреплению украинской школы зачастую не приносили должного результата. Уже в 1925 г. из 1-ой украинской школы II ступени № 12 г. Краснодара в течение года выбыло 25 учеников, тогда как поступило только 12. Имело место непосещение учениками школы [25]. По желанию населения в 1926 г. в части украинских школ было восстановлено преподавание на русском языке [26]. Из некоторых украинских школ, таких, как школа №29, стали уходить ученики [27]. На хуторе Прикубанском местное население выступило за закрытие украинской школы ещё в 1925 г [28]. Учителя и ученики Южной школы станицы Славянской, чувствуя не достаточную решимость властного нажима, дружно отказывались украинизировать своё учебное заведение [29].

Жители хутора Лебеди заявили, что они русские и отказались украинизировать свою школу в 1926 г. [30]. По причине сопротивления населения в 1926 г. было отложено открытие в Черномории 25 украинских школ [31]. В 1927 г. было принято решение «учитывая категорические требования родителей учащихся Калниболотской украинской школы считать, как исключение, необходимым удовлетворить их просьбу и преподавание в украинской школе перевести на русский язык» [32]. В том же году по настоянию жителей была организована русская группа в давно украинизированной школе станицы Варениковской [33]. В 1927 году только 20% школьников, числящихся украинцами, посещали украинские школы [34]. В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку по украинизации школ в Кубанском и Донском округах. «Украинизация школы не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения. В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство, как среди иногородних, так и среди казачества», – говорилось в справке. В 1927 г. в

станциях Кисляковской и Новосергиевской по настоянию жителей закрылись украинские школы. Первая успела проработать 4 года, вторая – 3 [35]. В станице Пашковской в 1927/1928 учебных гг. в украинскую школу поступило 14, а в русскую 144 ребёнка; в станице Корсунской в украинскую школу записалось 10 человек, в русскую – 120. То же самое имело место в станицах Гривенской, Поповичевской, Северской, Холмской и других. В станице Марьянской украинская школа существовала уже с дореволюционных времен. К 1928 г. в ней состоялся только один выпуск. В 1927 г. уже все школы станицы в приказном порядке были украинизированы. Станичники пытались добиться, что бы при них были открыты русские группы. «Наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти», «советская власть навязывает нам украинизацию помимо нашей воли», – говорили кубанцы [36]. Имели место и такие высказывания: «Такой украинизации нэ трэба, нащо ломать дытыну, хай им бис, хай учат по-русски». «В украинской школе детей портят, готовят из них украинских китайцев». «Где по-украински говорят? Не наш это язык!» [37]. В целом в 1927 г. наблюдался значительный отток учащихся из украинских школ и групп [38].

Украинизация школы вызывало протесты наряду с различными новациями и педагогическими экспериментами, характерными для 1920 гг. [39]. В 1928 в станице Пашковской под влияние зажиточных казаков были закрыты украинские отделения в местных школах. В том же году в станице Тимашевской родители школьников говорили, что они русские и желают учить детей русскому языку. Закрытие украинских отделений в школах по требованию родителей имело место и в Северском районе [40].

Во второй половине 1927 – первой половине 1928 гг. были предприняты попытки русифицировать украинскую школу-девятилетку в г. Краснодаре, краснодарский педтехникум и пединститут [41]. Эти действия отчасти поддерживались местными властями. Так, например, во второй половине 1927 г. не действовало украинская секция КрайОНО [42]. Начавшаяся проявляться тенденция была следствием противодействия населения украинизации [43]. Её

дальнейшее развитие было остановлено в том же году решением о сплошной украинизации. В 1930 г., чтобы на бумаге улучшить ситуацию, одних и тех же детей одновременно записывали наряду с русскими и в украинские школы, не считаясь с желанием родителей [44]. Но ещё раньше, в 1928 г. власти пришли к выводу, что пока не будет украинизировано делопроизводство и официальная пропаганда, украинская школа не будет пользоваться должной популярностью [45].

В 1931 г. на заседании краснодарского горкома ВКП(б) говорилось, что существует опасность того, что вновь создаваемые украинские отделения школ могут оказаться действующими только на бумаге [46].

Сталкивалось с равнодушием населения и продвижение продвижение на Кубани популярной украинской книги. В 1926 г. в избе-читальне станицы Славянской из украинских книг был только «Кобзарь» и «Хрестоматия» [47]. Краевое совещание уполномоченных по нацменделам, прошедшее в 1930 г., констатировало, что почти все издания, кроме «Червонной газеты», проявляют недостаточную активность в деле проведения украинизации [48]. В Ейском районе в 1931 г. в магазинах скопилось нераспроданных книг на сумму 2500 рублей [49]. Там же в начале 1932 г. учреждениям было предписано в принудительном порядке выкупать из торговой сети украинскую литературу [50]. Подобная ситуация наблюдалась и в Краснодарском сельском районе [51]. Всего в этом году план реализации украинской книги был выполнен только на 31,1%. Различные решения властей по активизации продвижения украинской книги существенно ситуацию не изменили [52].

Невыполнение планов украинизации постоянно констатировалось властями всех уровней. Особенно активной критике подвергалось издательство «Северный Кавказ». Ответственные работники постоянно ссылались на отсутствие систематичности в освещении украинизации в прессе и ошибках при её освещении, особенно в газете «Красное знамя». Проявлением «великодержавного шовинизма» называлось издание основной части «колхозной» прессы на русском языке [53]. Тиражи газет с переводом их на

украинский язык резко падали. Количество экземпляров газеты «Колхозный путь», органа Ейского райкома ВКП(б) уменьшился с 13 до 5 тысяч экземпляров. Поэтому уже с конца 1931 г. из краснодарской окружной газеты «Красное знамя стали исчезать материалы на украинском языке [54]. Причиной этому стало отсутствие интереса к украинской прессе среди населения. Так, в 1931 г. в избах-читальнях Краснодарского сельского района, никто не проявлял ни какого интереса к украинской прессе [55].

Постепенно и для руководства страны становились всё более очевидными издержки украинизации. В конце 1932 г. она была свёрнута.

Как видим, сопротивление украинизации чаще всего выражалось прежде всего в игнорировании украинского делопроизводства как крайне непривычного и неудобного. На второе место можно поставить неприятие украинской школы. Далее – игнорирование украиноязычной книги и газеты. Сопротивление это чаще всего было неорганизованным и имело оборонительный характер, не обладало сформулированной идеологией. Но оно было достаточно массовым и власти были вынуждены с ним считаться. С одной стороны, потому, что в сопротивлении принимали значительные массы станичников. С другой, в нём участвовала главная опора власти – местное руководство. А так же значительное число крестьян, образованные люди, получившие образование на русском языке. Ради украинизации руководство страны не решалось поставить под угрозу другие масштабные преобразования. И тем более не желало раздражать массы населения. Это и явилось одной из причин свёртывания украинизации.

Примечания

1. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани. Краснодар, 2008. Кн. 3. С. 25.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 15.
3. Там же. С. 21.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 4.
5. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938. Л. 51.
6. ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.
7. Там же. Л. 20.

8. Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП (б) 1920-е–начало 1930-х гг. Краснодар, 2009. С. 193.
9. Там же. С. 192 – 193.
10. Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 41 – 43.
11. Там же. С. 40 – 41.
12. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 189.
13. Там же. С. 189.
14. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 190.
15. Вольняк П. Кубань – земля казачья // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 77 – 78.
16. Цит. по: Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925 – 1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 123.
17. Там же. С. 123.
18. Там же. С. 123.
19. Там же. С. 124.
20. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 22.
21. Там же. С. 198.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 11.
23. Хлынина Т.П. Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1. С. 44.
24. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85. Л. 245.
25. ГАКК. Ф. Р – 861. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 25.
26. Там же. Л. 23.
27. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.
28. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 31.
29. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 6.
30. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 4.
31. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 17.
32. Цит. по: Харченко В. Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая. С. 3.
33. Учитель Бардин. В начале учебного года // Красное знамя. 1927. №228. С. 6.
34. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 408. Л. 5.
35. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 16.
36. Цит. по: Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 143 – 145.
37. Цит. по: Миронин С.С. «Голодомор» на Руси. М., 2008. С. 51.
38. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 9.
39. Мирук М.В. Советская школа 1920-х гг.: взгляд современников из-за рубежа // Голос минувшего. 2009. №1 – 2. С. 107.
40. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 10 - 12.
41. Там же. Л. 18 – 20.
42. Там же. Л. 20.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 17 – 19.
44. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 188.
45. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 19.
46. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 72. Л. 231.
47. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 21.
48. Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 41.
49. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 194.
50. ЦДНИКК. Ф. 438, Оп. 1. Д. 62. Л. 21.

51. Там же. С. 191.
52. Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 43.
53. ЦДНРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1053. Л. 222.
54. Иванцов И.Г. Указ. соч. С. 198 – 199.
55. Там же. С. 193.

Проблемы формирования национальной идентичности украинцев в постсоветский период

Актуальность темы состоит в том, что современная Украина представляет собой глубоко неоднородное общество. В нем отчетливо проявляются размежевания, основанные на противоречивых долгосрочных траекториях развития регионов и этнических групп.

Тема статьи привлекает внимание многих исследователей. На материалах современной Украины факторы формирования этнической идентичности изучали И.И. Белецкий, А.К. Толпыго, И.Ф. Кононов, А.В. Мальгин, И. Прибыткова, А. Попов, Л.В. Савин, С.С. Савоскул, О.А. Бориско и др. [1]. Ряд авторов (В.В. Лапкин, В.И. Пантин) [2] сосредотачивает внимание на политических трансформациях украинского общества в сравнительном аспекте с Россией. Большое значение имеет анализ массовых опросов, проводимых Киевским международным институтом социологии (далее – КМИС) и интерпретированных А. Мальгиным, А. Поповым, М. Погребинским [3].

Цель статьи – определить факторы и компоненты формирования этнической идентичности украинцев в постсоветский период (1991–2011 гг.).

Теоретическую основу статьи представляет модель социокультурных размежеваний С. Липсета и С. Роккана [4] и модель диффузии инноваций Т. Хегерстранда [5]. К размежеваниям относятся долговременные структурные конфликты, являющиеся причиной противоположных позиций политических организаций. Модель размежеваний целесообразно дополнить «перекрестным» анализом фрагментированной этнической культуры. Ее структурные элементы: ценности, ориентации, установки групповых действий, их стереотипы. Интегратором элементов выступает идентичность на взаимосвязанных пространственных уровнях: социетальном, региональном, локальном.

На материалах Украины ярко проявляется «слоистость» этнокультурного пространства, вызванная затяжным формированием государственной территории. Украина относится к числу стран с «искусственными» границами,

что вызвало качественную разнородность ее экономической и социальной структур. В. Малинкович указывает, что к 1917 г. на Востоке Украины 89-95 % земель были в общинном пользовании, тогда как на Правобережной Украине и Полтавщине – лишь 5-7 %. Юг и Восток (бывшая Новороссия) быстрее проходили урбанизацию и индустриализацию. Университеты раньше открылись в Харькове и Одессе, а не в Киеве [6].

Прочная общеукраинская идентичность (и в государственном, и в этнокультурном смысле) не сформирована. Вряд ли она может быть быстро усвоена массовым сознанием на основе ценностей и ориентаций, присущих лишь одному из соперничающих регионов.

В 2002 г., судя по работе В. Кремня, Д. Табачника и В. Ткаченко, считали себя прежде всего жителями своей местности 31,6 % опрошенных; жителями региона – 5,9 %; представителями своего этноса – 3,0 %; гражданином Украины – 41,0 %; гражданином бывшего СССР – 12,7 %; гражданином мира – 2,7 % [7]. По итогам анкетного опроса 2002 г., 37 % респондентов по всей Украине на первое место ставят региональную, а не общенациональную идентичность [8].

Таким образом, соотношение идентичности гораздо сложнее, чем это кажется при анализе одних только итогов голосования. Преобладание получает именно локальная идентичность. В русскоязычных регионах Юга и Востока речь не идет (кроме Крыма) о доминировании русской идентичности. Жители этих регионов осознают себя частью «переходных», своеобразных территориальных сообществ. Так, значительная часть жителей Донбасса и Одессы считает себя особыми этнотерриториальными общностями. Жители Закарпатья считают себя русинами, а не украинцами и не галичанами. Даже во Львове считают себя, прежде всего, украинцами 32,0% респондентов; горожанами – 22%; галичанами – 17%, европейцами – 17% [9].

Таким образом, принятое в научной литературе этнокультурное деление Украины на Запад, Юг и Восток неполно соответствует структурам идентичности. Скорее, речь должна идти о центрах инноваций («ядрах» социокультурных ареалов) и об их перифериях, плавно переходящих от одного

типа ориентаций к другому. Для Запада таким ядром выступает Львовская область, для Юга – Крым, для Центра – Киев, для Востока – Донецкая область. Ярко выражены этнокультурные лакуны, ориентации культуры в них значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Этнокультурные факторы делят Украину на регионы с противоречивыми ценностями и ориентациями по осям: религиозность – секулярность, прозападные – пророссийские ориентации, активность – пассивность.

Общеизвестна конфессиональная разнородность нынешней территории Украины. По подсчетам географа М. Днистрянского, в западных областях плотность религиозных организаций – свыше 9 на 10 тыс. жителей, а на Юго-Востоке – не более 1-3 на 10 тыс. [10].

Преобладающий фактор формирования идентичности украинцев – языковой. Украинское общество расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу 2004 г. (КМИС), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% - на обоих языках, 45% - на русском [11]. Причем в западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на Востоке и Юге предпочитают русский язык.

Важный аспект лингвистической ситуации – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5% жителей западных областей; 44,3% - центральных; 17,7% - восточных и 14% - южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [12]. С государственным статусом обоих языков согласились 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях страны и 7,9% - в западных. Судя по социологическому опросу 2006 г., во всей Украине поддерживают статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов; против выступают 35,9% [1315, С. 13]. Судя по анкетному

опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигает 95-97%, выступает за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного - 41% респондентов [14].

Значительно сказывается на размежевании украинцев уровень урбанизации и отраслевой профиль экономики макрорегионов. Как известно, на Юге и Востоке сосредоточено 80% промышленного потенциала страны [15]. По расчетам А. Кошика (Киевский центр политических исследований и конфликтологии), Юг и Восток производили в 2004 г. 58% валовой добавленной стоимости и 54,4% налоговых поступлений в бюджет, $\frac{3}{4}$ объема реализованной промышленной продукции, 64% экспорта страны (с учетом последствий депрессии 1990-х гг.) [16].

Раскол «город-село» отчетливо проявляется и в политическом позиционировании украинцев. По социологическим опросам, среди избирателей В. Ющенко (2004-2005 гг.) в 1,8 раза чаще встречаются сельские жители, чем в электорате В. Януковича. И напротив, среди избирателей Януковича (2004-2005 гг.) почти в 1,3 раза чаще встречались горожане (включая жителей поселков городского типа) [17].

Социологические опросы Киевского международного института социологии позволяют прояснить иерархию факторов позиционирования на президентских выборах. Так, в 2004 г. главным фактором раскола электората на сторонников В. Ющенко и В. Януковича был языковой. Среди избирателей Ющенко повседневно говорили на украинском языке 78,5% (в сравнении с 50% населения всей страны), а электорат Януковича на 73,5% русскоязычный [18].

Резко этнокультурные размежевания украинцев проявляются также в оценке значимых событий прошлого: выбора веры, Переяславской Рады, урезания автономии после измены И. Мазепы, Голодомора, Великой Отечественной войны. Но данный аспект темы нуждается в специализированном изучении и выходит за рамки нашей статьи.

В итоге исследования можно сделать выводы.

Украина – «глубоко расколотое» общество. В нем отсутствует устойчивая национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются такие долгосрочные размежевания, как центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. При этом пространственное распределение различных расколов совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал. Принятое в научной литературе этнокультурное деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Юг и Восток неполно соответствует современному состоянию идентичности. Скорее, речь должна идти о центрах инноваций («ядрах» культурных ареалов) и об их перифериях, плавно переходящих от одного типа ориентаций к другому. Для Запада таким ядром выступает Львовская область, для Юга – Крым, для Центра – Киев, для Востока – Донецкая область. Ярко выражены этнокультурные лакуны, ориентации культуры в них значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Примечания

1. Белецкий М.И., Толпыго А.К. Национально-культурные и идеологические ориентации населения Украины // Полис. - 1998. - №3; Кононов И.Ф. Особенности самоидентификации и ценностные ориентации украинцев и русских в Донбассе // Диалог украинской и русской культур в Украине: материалы III-й Междунар.науч.-практ.конф. - Киев, 1999. - С.137-143; Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. - Симферополь, 2005; Прибыткова И. В поисках новых идентичностей: Украина в этнорегиональном измерении // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2001. - №3. - С.60-79; Попов А. Парадоксы революции // «Оранжевая революция»: украинская версия: Сб.-М., 2005. - С.137-162; Савин Л.В. Национально-политическая идентификация в Украине и формы репрезентации власти // Современные политические процессы на Украине. - Ростов н/Д., 2009. - С.105-115; Савоскул С.С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Вестник Евразии. - 2002. - №2. - С.46-74; Бориско О.А. Региональная фрагментация политической культуры населения Украины. Автореф. дис... канд. полит.наук. - Краснодар, 2006.

2. Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис. - 2009. - №2. - С.96-107.

3. Мальгин А.В. Указ. соч.; Попов А. Указ. соч.; Погребинский М. Как Украина шла к «оранжевой революции» //«Оранжевая революция». Украинская версия. - М., 2005. - С.123-136.

4. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Предвыборные замечания // Политическая наука. Социально-политическое размежевание и консолидация партийных систем. - М., 2004. - С.204-234.

5. Haggerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. - Chicago, 1967.

6. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. - М., 2005. - С. 43–44.
7. Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Україна: проблеми самоорганізації. Київ, 2003. - Т. 2. С. 343.
8. Попов Э.А. Польско-американское влияние на Юге России // <http://www.win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id>.
9. Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Указ. соч. С. 343.
10. Дністрянський М. Україна в політико-географічному вимірі. - Львів, 2000. С. 250.
11. Марков С. «Оранжевая революция» – пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. - М., 2005. - С. 89.
12. Мальгин А.В. Указ. соч. С. 219.
13. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. - Ростов н/Д, 2009. - С. 134.
14. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! // <http://www.km.ru/ukraina/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/>
15. Малинкович В. Указ. соч. С. 44.
16. Кошик А. Экономические противоречия между регионами: миф или реальность? // www.analitik.org.ua
17. Финько А. Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия // «Оранжевая революция». Украинская версия. - М., 2005. - С. 217.
18. Попов А. Парадоксы революции // «Оранжевая революция»: украинская версия: Сб.- М., 2005. - С.143.19.

**Проблемы конструирования прошлого и создания национальных историй:
по материалам учебников истории Украины**

Создание ряда независимых стран на постсоветском пространстве неизбежно привело к тому, что каждое из новых государственных образований пересмотрело устоявшуюся за годы существования СССР концепцию собственного исторического развития. Возникла необходимость, интерпретируя события прошлого, обосновывать политические задачи настоящего. Процесс конструирования национальных историй стал причиной пересмотра литературы, используемой для обучения и воспитания подрастающих граждан.

С историей своей страны школьники Украины начинают знакомиться в 5 классе, в основном используется учебник В.С. Власова, О.М. Данилевской «Введение в историю Украины» [1], победивший в конкурсе Министерства образования и науки Украины и Лиги украинских меценатов [2]. На одной из первых страниц учебника помещен отрывок из беседы М. Грушевского (1866–1934) со своей дочкой. Историк рассказывает, что о том, «что украинцы, очень древний народ, который испокон веков живет на своей земле. Уже в девятом столетии у украинцев была своя держава – Киевская Русь, правили в ней князи, а столицей ее был Киев". После краткой характеристики событий, доведенной до XVI в. – итог: "Коварные соседи неустанно посягали на плодородные украинские земли. Долго боролись казаки, отбиваясь от Московского царства, Польши и Турции, но с каждым годом утрачивали свои права. В конечном счете российский царь уничтожил казачий устрой» [3].

Учебник для 8 класса общеобразовательной школы предлагает более подробное изложение событий. Повествуя о вхождении Украины в состав Российской империи, автор учебника показывает, что в период национально-освободительной войны «Московия... хотя и на словах поддерживала Богдана Хмельницкого, но с непосредственно военной помощью не спешила, намереваясь использовать украинско-польскую войну в собственных интересах. Так, например, московское правительство, наблюдало за развертыванием

событий, выжидая, какая из сторон быстрее обессилеет... Страх, что восстание может охватить и Московию, удерживало царское правительство от помощи в войне» [4]. Действительно, Москва воздерживалась от оказания военной помощи, но «боязнь восстания» была не доминантной причиной. Россия не была готова к войне с Польшей (учитывая неудачный исход Смоленской войны), кроме того в случае начала военных действий против Польши вероятен был и удар со стороны Швеции. В учебнике не сообщается о том, что еще до 1654 г. в войне с поляками участвовали донские казаки, что Россия отменила пошлины на вывозимые в Украину хлеб, порох, оружие и другие товары, что для украинских беженцев были открыты границы и вынужденным переселенцам оказывалась помощь (Слободская Украина).

Параграф «Украинско-московский межгосударственный договор 1654 года. Продолжение национально-освободительной войны» предваряется отрывком из воспоминаний украинского шляхтича Павши: «Вижу зло, так как отдал нас всех Богдан Хмельницкий в неволю московскому царю. Сам он с войском казачьим присягнул, и город Киев под угрозой меча привел к присяге. Тамошние горожане, нерадостно принявшие москвитов, разъехались по разным городам и местечкам... Отец митрополит и архимандрит киевские присягу не принесли и присягать не хотят. Они заявили, что лучше умрут, чем присягнут московскому царю и твердо на том стоят». Далее сообщается, что два полка – Полтавский и Кропивьянский отказались принять присягу, что «переезских мещан гнали присягать, чему они очень противились, городской староста даже заболел, а его, хоть и больного, было приказано привести в церковь Пречистой Богородицы. Он был вынужден принять присягу и умер от депрессии в тот же день... Киевляне тоже противились и не хотели идти в церковь, но их, как быдло, гнали казаки к присяге. Они же во время присяги не назывались своим, данным при крещении именем, а после присяги ее хаяли». Восьмиклассникам предлагается сделать вывод на основе приведенного источника.

Только затем сжато рассматриваются Переяславские события 8 января 1654 г., акцентируется, что Борис Хмельницкий потребовал, чтобы московские послы

первыми принесли присягу от имени царя защищать гетманскую державу от поляков, уважать казачьи права и привилегии, однако глава Российской делегации Василий Бутурлин категорически отказал, объяснив, что царь и своим подданным не присягает, кроме того *«царское слово, раз данное, не меняется»* (курсивом выделено в учебнике). В завершении параграфа выдержка из отчета В. Бутурлина: «А как государеву грамоту Василий Васильевич гетману отдал, то ту государеву грамоту гетман принял с великой радостью... И выслушав государеву грамоту гетман, и полковники, и других чинов люди радовались государевой милости. И говорил гетман, что великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всей Руси самодержцу, он, Богдан Хмельницкий, со всем войском Запорожским служить.. и за здоровье государя голову свою готов отдать и веру государеву исполнить и ко всему по его государевой воле быть готовым» [5]. Ученикам предлагается сравнить высказывания украинского шляхтича и русского посла, определить какой из источников (и почему) более достоверен. Отметим, что отрывок из воспоминаний Павши: эмоционально яркий, запечатлевающийся в сознании, – совершенно однозначно подводит к тому, что ребенок, еще не приступив к чтению фактологического материала, четко запоминает: договор с Москвой это зло, боль и бремя для украинского народа. Соответственно, на фоне цитаты и содержания параграфа, выдержка из отчета Бутурлина воспринимается как простое подтверждение личной инициативы Б. Хмельницкого заключить союз с Россией, тезис о радости народа вызывает иронию и неприятие. И существует лишь минимальная вероятность того, что ученик когда-нибудь познакомится с текстами других украинских источников, например, с «Летописью гадяцкого полковника Григория Грабянки [6] («На всей Украине на обоих берегах Днепра кожен с охотою присягал. Весь народ радовался радостью великою») или «Летописью Самовидца» [7] («Со всем посольством присягу исполнили на вечное подданство его царскому величеству, которую по всей Украине народ с охотой принял... и немалая радость между народом стала»).

В разделе «Обратите внимание» речь идет о том, что правовое толкование договора не однозначно. Большинство (историков Украины) считает, что это был договор двух равноправных держав, и Москва, как сюзерен взяла на себя обязательство гарантировать независимость Украины. Подчеркивается, что в XVII-XVIII вв. договор будто бы рассматривался как «наинепреклонейшее» доказательство суверенитета Украины, проявление международного признания самостоятельности Украины [8]. Для сравнения, заметим, что в учебнике для пятиклассников никакой неоднозначности, нет. Написано четко: «Документ предусматривал установление равноправных и взаимовыгодных отношений между двумя державами, независимость Украины почти не испытывала ограничений. Однако царь не собирался выполнять договорные условия и очень быстро нарушил их». Очень скоро, как рассказывает учебник, Москва начинает прибегать к «враждебным действиям за спиной украинского правительства». Своеобразный итог Переяславским событиям подводится следующей фразой «Ведь не думал Богдан, идя на союз с Москвой, что так быстро друзья станут врагами. Правда, о настоящую стоимость царского слова он таки узнал. Не прошло и двух лет после торжественной присяги в Переяславе, как царь за спиной гетмана заключил союз с Польшей! Свирепствовал тогда Хмельницкий, угрожал разорвать соглашение и отомстить царю, но смерть не дала Богдану выполнить намерение» [9].

Следующий исторический сюжет совершенно различно преподносится российским и украинским школьникам: измена Мазепы во время Северной войны. Вполне ожидаемо, что в учебниках украинской истории гетман Мазепа показан как герой национально-освободительного движения. Создан практически идеальный образ: патриот, поэт (восьмиклассники знакомятся с написанной гетманом песней [10]), меценат («на средства Мазепы было, в частности, построено до десятка новых храмов, подняты из руин немало церквей княжеской эпохи»). Оказывается что «про образованность Ивана Мазепы, его влюбленность в красоту говорили во многих европейских столицах» [11]. Интересно логическое задание в учебнике восьмого класса, выполнив которое

школьники определяют, что действия Мазепы в ходе Северной войны были единственно правильными и не имели достойных альтернатив. Весьма просто объясняется автором учебника факт существования в исторической науке негативных оценок действий гетмана: «Разрушение украинской культуры проводилось и такими методами, как переманивание украинских ученых, богословов, писателей и педагогов из Киева в Петербург и Москву. Получив высокие должности (!) они вынуждены были устным и письменным словом славить царя и его политику, а И. Мазепу и всех, кто подобно ему отваживался выступать против царизма, всячески порочить» [12].

Войны периода царизма рассматриваются как противостояние внешнего противника и «русской России». Проводится мысль о том, что Россия всегда воевала, максимально используя людские и экономические ресурсы Украины, а ее победы были в лучшем случае «меньшим злом». Отечественная война 1812 в учебнике рассматривается под названием российско-французская война 1812. Указано, что с началом войны население разделилось на две категории, одна из которых выражала неприкрытую радость и надежду, что с приходом французской армии Украина получит прогрессивное законодательство, возможно автономию и даже независимость. Далее подчеркивается, что, несмотря на помощь украинцев, российское правительство в 1816 г. лишило казаков всех привилегий [13]. Как и в случае с присягой в Переяславле здесь звучит мотив Российского обмана.

В целом, согласно концепции украинских учебников, Российская колониальная политика в конце XVIII – XX вв. базировалась на трех взаимосвязанных принципах: 1) унификации 2) бюрократизации 3) денационализации – «насаждение языка главенствующей нации, поглощение национальных культур культурой имперской нации». Конечной целью этой политики была «ликвидация национальной самобытности украинского народа, уничтожение каких-либо проявлений его сопротивления имперскому владычеству... Обе части Украины были объектами национального и социального угнетения». В условиях имперского режима «миграционная

политика использовалась для разжигания межнациональных противоречий». Русская православная церковь также рассматривается как «орудие русификации и денационализации верующих».

С точки зрения авторов учебника Украина для России – «рынок сбыта для российских товаров, регион подвергавшийся экономической эксплуатации и деформации». Авторы негативно оценивают даже строительство железных дорог на территории Украины, поскольку этот процесс был связан «со стратегическими планами Российской империи, что часто противоречило экономическим потребностям Украины». При этом Россия в XIX веке продолжала оставаться «тюрьмой народов» и к началу первой мировой войны «великодержавная шовинистическая антиукраинская истерия поднялась на более высокий уровень» [14].

Отражение истории XX века в украинских учебниках достаточно исследовано [15], однако сложно не коснуться темы Великой Отечественной войны. Школьникам объясняется, что 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война, «которой предшествовала тайная договоренность руководителей нацистской Германии и большевистского Советского Союза – Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина каждый из которых стремился властвовать в мире. Кровавые вожди на свое усмотрение решили судьбу многих народов Европы» [16]. 22 июня 1941 г. начинается война: не ясно что защищали 2,5 млн. погибших в боях украинцев [17] но, видимо, не Отечество, так как война названа советско–нацистскою. Деятельность Украинской повстанческой армии показана с фантастически положительной стороны: оказывается именно «отряды УПА освобождали украинские города и села от фашистских оккупантов, защищали мирное население», причем смогли изгнать нацистских захватчиков уже в 1943 г. «Однако советское правительство не хотело, чтобы Украина имела свою армию... большевики начали воевать с УПА. Эта позорная война против своего народа продолжалась до 1953 г.; она привела к новым жертвам и стала еще одним свидетельством большевистского террора».

Последние страницы учебника довершают картину, вполне сформировавшуюся в умах украинских детей: «Столетия подневольного существования разрушали не только культуру Украины, но и ее природу. Во все времена обладатели-чужаки безнаказанно грабили и уничтожали богатства нашей земли, совсем не заботясь о грядущих поколениях. Особенно ухудшилось положение украинской природы в XX в. Партийные чиновники были равнодушны к нуждам людей. В республике было построено немало крупных предприятий, которые загрязняли вредными отходами и землю, и воду, и воздух. Бездумное, бесконтрольное использование на полях Украины ядохимикатов привело к заражению и отравлению больших земельных площадей. Самый ценный дар природы – земля – становилась непригодной для использования. Ухудшалось водоснабжение. В результате бесхозяйственности исчезло 20 тыс. рек, а сотни деревень были лишены питьевой воды. Днепр и другие водоемы вот-вот могли стать мертвыми. И самая большая беда для Украины катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции. Ведь радиационное загрязнение – самое опасное и самое продолжительное. Преступным оказалось такое хозяйствование для Украины. Ибо через него окружающая среда превратилось в источник опасных болезней. Жизнь убедительно доказала, что однажды улучшить ситуацию с далеких столиц невозможно. Так перед Украиной в очередной раз возникла необходимость бороться за независимость» [18].

И вот выводы к которым должны придти граждане Украины: Россия (и русский народ) – зло, обман, предательство, причина внутриукраинских конфликтов (политических, гражданских, межэтнических, религиозных). Украина не являлась частью большой страны, а лишь ее колонией, соответственно беспрестанно испытывала национальное угнетение, экономический прессинг, «выкачивание» ресурсов (в том числе и людских), целенаправленное разрушение экосферы. Основа всей истории украинского народа – национально-освободительная борьба и ее итог – суверенитет (как выход из-под тягостной опеки Москвы) представляется наивысшей ценностью. вполне очевидно, что школьные учебники истории создают представление о

національному минулому, коректують історическу ю пам'ять, формують ідеологіческіє представлення і політическіє очікування. Однако цілесобразність створення в свідомості українських школярів перелічених установок представляється більш ніж сумнівною.

Примечания

1. Власов В.С., Данилевська О.М. Вступ до історії України: Підручник для 5 класу загальноосвітніх навчальних закладів. К.: Генеза, 2002.
2. Моисеенкова Л., Марциновский П. Россия в украинский учебниках истории. URL: http://scepstis.ru/library/id_2169.html.
3. Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 11–13.
4. Власов В.С. Історія України. Підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ: Генеза, 2008.
5. Там же. С. 153–155.
6. Летопись гадяцкого полковника Григория Грабянки. URL: <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>.
7. Летопись Самовидца. URL: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam.htm>.
8. Власов В.С. Указ. соч. С. 156.
9. Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 150, 154.
10. Власов В.С. Указ. соч. С. 220.
11. Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 160.
12. Власов В.С. Указ. соч. С. 221, 227, 229.
13. Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. Кінець XVIII – початок ХХ століття. Підручник для 9 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ: Генеза, 2004. С. 18–21.
14. Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Указ. соч. С.5,7,12, 38, 160, 365, 396.
15. См. например: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003; Национальные истории на постсоветском пространстве. материалы международной конференции 2– октября 2008г. URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm; Моисеенкова Л., Марциновский П. Указ. соч.
16. Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 221.
17. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України. Частина друга 1939–2001. Підручник для 11 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ: Генеза, 2001. URL: <http://shkola.ua/book/read/64/page56>.
18. Власов В.С., Данилевська О.М. Указ. соч. С. 221–223, 232.

Участие словацкой моторизованной дивизии в оккупации Кубани

24 июля 1942 г. войска немецкой группы армий «А» завершили захват Ростова-на-Дону, начиналась битва за Кавказ. В числе соединений противника, отличившихся при взятии города и захвате плацдармов на южном берегу реки Дон, оказалась и 1-я пехотная (моторизованная) дивизия словацкой армии, часто именуемая «Быстрой дивизией» (*Rýchla divízia*) [1]. Это соединение возникло в августе 1941 г. в ходе реорганизации словацких войск после первых боев на советско-германском фронте. В состав дивизии вошли 20-й и 21-й пехотные и 11-й артиллерийский полки, 11-й разведывательный, 12-й танковый и 11-й зенитно-артиллерийский батальоны, части обеспечения, штатная численность которых составляла около 9 тысяч человек [2]. На вооружении словаков находилась техника и снаряжение чехословацкой армии, отличавшаяся своим качеством, а также немецкая артиллерия и трофейный советский транспорт. Немалым был и боевой опыт – ко времени вступления на Кубань за плечами «Быстрой дивизией» были бои на Украине в Донбассе. Ее командиром с 25 апреля 1942 г. являлся генерал Йозеф Туранец (*Jozef Turanec*), считавшийся сторонником словацкого национализма [3].

Словацкая дивизия переправилась через реку Дон 1 августа 1942 г. Ее задачей стало прикрытие правого фланга моторизованной дивизии СС «Викинг», действовавшей в составе 1-й танковой армии. К этому времени силы армии уже прорвали оборону войск Северо-Кавказского фронта и те стали стремительно откатывались на юг. Поэтому серьезного сопротивления на своем пути словаки не встретили – разрозненные группы красноармейцев и редкие налеты советской авиации казались лишь незначительной помехой наступающим. 2 августа передовые части «Быстрой дивизии» вступили в Белую Глину, а сутки спустя миновали Новопокровскую и вышли к окраинам Кропоткина. Здесь наступающий противник столкнулся с сопротивлением ослабленных войск 12-й советской армии, сломить которое удалось к вечеру 4 августа совместными усилиями словаков, эсесовцев из дивизии «Викинг» и

егерей 101-й дивизии. В районе Кропоткина словацкие солдаты взяли около 500 пленных, захватили склады со стрелковым вооружением и бензином, а также несколько артиллерийских орудий, автомашин и тракторов.

После окончательного вытеснения советских подразделений с правого берега реки Кубань словацкая моторизованная дивизия переправилась через реку и 9 августа оказалась возле Тенгинской. Продолжая двигаться вслед за частями дивизии «Викинг» словаки без каких-либо затруднений форсировали реку Лаба и вступили в Белореченскую. Только 13 августа при переправе через реку Белая словацкий авангард столкнулся с отступающими подразделениями 12-й советской армии. Следующей задачей для «Быстрой дивизии» стало обеспечение стыка 198-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса и моторизованной дивизии СС «Викинг» 57-го танкового корпуса (в середине августа ее сменила 101-я егерская дивизия 44-го армейского корпуса). Наступая в район Имеретинская - Черноморская словацкие подразделения столкнулись с сопротивлением 353-й стрелковой дивизии и 68-й морской бригады. Продвижение словаков в районе Кутаисская – Абхазская натолкнулось на упорное сопротивление и контратаки частей Красной Армии [4].

К концу августа «Быстрая дивизия сумела закрепиться на позициях северо-западнее и севернее селения Кутаис, где окончательно втянулась в позиционные бои с 395-й стрелковой дивизией и 68-й морской стрелковой бригадой. Они опирались на подготовленную оборону в горно-лесной местности. Дальнейшие попытки наступления словаков успеха им не принесли. Не помогала ни поддержка немецкой артиллерии и авиации, ни действия соседних соединений Вермахта.

С этого времени словацкие позиции уже не представляли собой непрерывной линии фронта. Между батальонами 20-го и 21-го пехотных полков появились разрывы, через которые в их тыл стали проникать диверсионно-разведывательные группы красноармейцев и партизан [5]. Их активные действия в конце августа – начале сентября 1942 г. вынудили словаков ужесточить режим в своем тылу, прибегнуть к показательным казням

захваченных в плен во время диверсий. При этом различий между военнослужащими Красной Армии и партизанами не делалось. Еще одной трудностью для словаков стала пересеченная местность и плохая дорожная сеть. Все это затруднило снабжение передовых частей боеприпасами и снаряжением, эвакуацию раненых и восполнение потерь. К тому же, словацкие солдаты оказались чувствительны к длительному пребыванию на фронте и все больше надеялись на свою замену свежими силами с родины.

Тем не менее, после прибытия в состав дивизии 31-го гаубичного артиллерийского полка словацкая моторизованная дивизия приняла участие в новом немецком наступлении. Накануне его, 23 сентября 1942 г., ее новым командиром стал полковник Стефан Юрек (Štefan Jurech). А уже 24 сентября, при поддержке артиллерии и авиации, силы 20-го и 21-го пехотных полков словаков вместе с подразделениями 198-й пехотной дивизии немцев атаковали позиции 395-й стрелковой дивизии. Они были оборудованы полевыми укреплениями, прикрыты артиллерийским и минометным огнем, проволочными и минными заграждениями. Тем не менее, после нескольких дней тяжелых боев противник сумел прорвать советскую оборону на хребте Котх и проникнуть в долину реки Хатыпс. Дальнейшее продвижение немцев и словаков натолкнулось на массированные контратаки советских войск, получивших подкрепления [6].

14 октября словаки вновь перешли в наступление силами группы подполковника Микуласа Маркуса (Mikuláš Markus) в составе двух батальонов пехоты, усиленных саперами, противотанковыми и зенитными орудиями. Нанеся удар на стыке 395-й стрелковой дивизии и 68-й стрелковой бригады, группа Маркуса сумела закрепиться возле села Хатыпс. Этот успех противника вынудил советские войска оставить нефтепромыслы в районе Кура-Цеце и отступить на юг. И вновь советские контратаки не позволили развить противнику успех. В довершение всего, в середине октября 1942 г. резко ухудшилась погода, выпал первый снег, дороги стали совершенно непроходимы. Вместо продолжения наступления на Туапсе немцам пришлось

заняться перегруппировкой сил. «Быстрая дивизия» получила участок фронта вдоль реки Псекупс от села Фанагорийского до горы Кочканова [7]. В конце октября здесь развернулись позиционные бои между словаками и 30-й стрелковой дивизией, которые с переменным успехом продолжались до конца 1942 г. Именно в этот период произошли первые случаи переговоров отдельных словацких военнослужащих с советскими командирами. Рост антивоенных настроений среди них продолжался.

Однако массовых случаев перехода словаков на сторону Красной Армии в 1942 г. не происходило. Напротив, словацкие части не раз сталкивались с советскими перебежчиками, несколько десятков которых оказались на службе в тыловых частях «Быстрой дивизии». Отношения между ними и словацкими солдатами оказались достаточно дружественными – сказывалось родство языков. Вполне миролюбиво, (по крайней мере поначалу), относилось к словакам население станиц, аулов и сел.

В целом, словацкая моторизованная дивизия прошла по Кубани путь большинства соединений противника. Это стремительное наступление в августе 1942 г., втягивание в изнурительные и малорезультативные бои за предгорья Кавказа в сентябре – октября и позиционная борьба в ноябре – декабре. За это время «Быстрая дивизия» потеряла в боях на Кубани около 500 человек убитыми и ранеными, хотя советская разведка оценила их в 2,5 офицеров и солдат [8]. Поэтому ее численность не только не сократилась, но, напротив, возросла. Благодаря маршевым пополнениям и прибытию новых частей, к 14 ноября дивизия насчитывала более 9 тыс. человек. Показателем оценки немецким командованием действий словацкой дивизии стало награждение в августе 1942 г. Йозефа Туранца Рыцарским крестом. Помимо него Железные кресты осенью 1942 г. получили 13 офицеров два унтер-офицера и 11 солдат дивизии. Однако грядущий перелом в Великой Отечественной войне вскоре изменил положение «Быстрой дивизии» и взаимоотношения словаков с немцами...

Примечания

1. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005. С. 30.
2. URL: <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/39223> [25 August 2011]
3. Klimen K., Naklad B. Slovenska Armada. 1939-1945. Praha, 2003. S. 94-95.
4. Stbrany V. Voj o kotu 260. (Slovenska Rychla divizia na Kaukaze v auguste a septembri 1942.) // Slovenska republika 1939-1945 osami mladych historikov II. Trnava, 2003. S. 236.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 498.
6. Пятигорский Э.И. История – это то, что было... Туапсе, 1992. С. 267.
7. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvezu III (1941-1944). Rychla divizia. Banska Bystrica, 2009. S. 258.
8. Петра Ш. История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009. С. 19.

Гитлеровский оккупационный режим и Русская Православная Церковь на Кубани (1942-1943 гг.)

В настоящее время тиражируется мнение о том, что гитлеровский нацизм нес русскому народу, в том числе и кубанцам, религиозную свободу. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Предпринимая нападение на СССР, нацисты рассчитывали на активное использование религиозных чувств русского народа в достижении успеха своей политики на оккупированных территориях. В приложении к указу шефа Верховного командования вермахта (ОКВ) Кейтеля от 19 мая 1941 г. говорилось следующее: «Большая часть русского населения, особенно обнищавшее от большевистской системы сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В небошевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто будут находить выражение в церковной форме. Не следует препятствовать или мешать благодарственным богослужениям или процессиям» [1].

Справедливости ради, следует отметить, что к началу войны подавляющее большинство краев и областей СССР (а ведь среди сельского населения 2/3 являлись верующими) оказалось практически без действующих храмов, как это было на Кубани, где накануне войны действовало всего 7 православных приходов, причем четыре из них представляли собой обновленческую ересь, и только три, подчинялись Московскому Патриархату. Такое положение могло поддерживаться исключительно жесткими, репрессивными мерами, поэтому неудивительно, что на оккупированной территории произошел бурный всплеск религиозного сознания: «религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение» [2].

В этих условиях естественным было проявление со стороны верующих чувства благодарности германским войскам, и первоначально часть населения

действительно выражала это чувство. Но это происходило лишь в первые дни или недели, а затем становилось ясно, какую именно «свободу» нес народам СССР «новый порядок». По свидетельству очевидца, в ответ на приветствия части населения, один офицер вермахта честно сказал: «Погодите радоваться. За нами идут части СС, и тогда вы поймете, что мы никакие не освободители» [3].

Добавить к сказанному можно и то, что уже 16 августа 1941 г. вышел «оперативный приказ № 10», об отношении к церковному вопросу на занятых территориях Советского Союза, в котором, между прочим, говорилось: «*О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви, не может быть и речи* [курсив автора]. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве...» [4].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на внешне лояльное отношение к Русской Православной Церкви, а также пропаганду ее защиты от безбожной большевистской власти, в основе церковной политики германского Рейха лежало стремление максимально раздробить православную организацию в СССР на отдельные течения и конфессии, во избежание ее возможной консолидации на русских национальных началах, принципиально враждебных не только оккультно-языческой идеологии нацизма, но и его стремлению к мировому господству. Не следует, также, забывать, что Гитлер и его режим, установленный на временно оккупированной территории Советского Союза, являлись врагом не только Православной церкви, но и всего восточно-славянского мира, который нацисты, в соответствии со своей расовой теорией, признавали неполноценным, и если бы нацизм все же победил, то у нас, в конечном итоге, не было бы ни Церкви, ни Родины.

Гитлеровское командование, в том числе и глава Рейхминистра занятых восточных территорий Альфред Розенберг, понимали, что Русская Православная церковь является носителем великорусской имперской идеи [5], и что ее возрождение и укрепление враждебно для нацистской Германии, однако этот факт не мешал нацистам эксплуатировать религиозную тему в своей идеологической работе и во всеуслышанье заявлять, что новый режим несет народам СССР религиозную свободу. При этом настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства по отношению к Адольфу Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в праздновании годовщины начала войны; активно распространялась листовка-молитва: *«Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя. И да осуществиться воля твоя на земле...»* [6].

В пропагандистских же целях совершались и провокации, имевшие целью вызвать ненависть населения к советскому правительству и советской армии. Пример такой провокации произошел в г. Новороссийске. Ранним утром 25 апреля 1943 года, в первый день Пасхи, во время богослужения был произведен артиллерийский обстрел двух городских церквей Кладбищенской и Стандартской (Во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радосте», расположенной на «Стандарте»). По сообщениям очевидцев, в Кладбищенской церкви снаряд пробил купол, упал в Царские Врата и тяжело ранил священника. Люди, охваченные ужасом, рвались к выходу, давили и душили друг друга, а когда выбегали из церкви во двор, то попадали под град осколков. Всего в это утро по одной лишь Кладбищенской церкви было убито и ранено более сорока человек. Незадолго перед началом обстрела очевидцы видели у входа в церковь двух гитлеровцев. После начала обстрела они посмотрели на часы и поспешно удалились. Очевидец Водичко сообщила по этому поводу следующие соображения: «Разрывы снарядов русской артиллерии имеют своеобразие шума, точно также это своеобразие имеют и немецкие снаряды, как при падении, так и при разрыве. Мы, новороссийцы, достаточно научились

отличать русские снаряды от немецких. Когда начался обстрел, я, еще ничего не зная, заявила своему отцу Водичко Вячеславу Иосифовичу о том, что по городу стреляют немцы. Церковь получила большие повреждения с юго-западной стороны, а с этого направления русские не стреляли. Стрельба русскими велась со стороны Кабардинки и, как правило, из дальнобойных орудий.

Трудно поверить, чтобы советским артиллеристам было известно точное время сбора населения в церковь. Если это и было так, то они не могли не знать, когда сами немцы справляли этот праздник. Между тем они этот праздник встречали только в субботу под воскресенье, а в момент сбора горожан в церквях ни одного немца там не было. Их не было даже и поблизости от расположения церквей». А вот что по этому поводу сообщила очевидец Капустина: «Первое – разрывавшиеся во дворе церкви снаряды были малого калибра, какими советские войска обычно по городу не стреляли; второе – разрывы снарядов происходили почти одновременно с выстрелами, что указывало на короткое расстояние от места выстрелов до падения снарядов; третье – стрельба по церкви производилась с трех сторон города: восточной, южной и юго-западной, чего обычно до этого случая не наблюдалось при обстреле советской артиллерии». Известно также, что гитлеровцы по этому поводу выпустили специальные листовки и статьи в газетах «Утро Кавказа», «Над Кубанью» и др., пытаясь привить у горожан ненависть к советским войнам, называя их безбожниками, душегубами и варварами [7].

Вообще, говоря о «религиозной свободе», которую якобы несли гитлеровцы русскому народу, нелишним будет вспомнить и то, как оккупационные власти пытались вмешиваться в ход проведения богослужений, как они, подобно действиям советских властей в 1920-е годы, пытались ввести новый (григорианский) стиль, что вызывало активное сопротивление верующих, как органы германской контрразведки нередко пытались использовать в своих целях православное духовенство, хотя желаемого результата это не принесло. Однако по-настоящему обнажилось лицо

гитлеровского нацизма и открылось его истинное отношение к Православной церкви перед отступлением из оккупированных областей, вот тут-то и началось массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийство священнослужителей, осквернение святынь.

В отчете председателя Краснодарской краевой Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников П.И. Селезнева (1897-1949) от 25.05.1944 имеются следующие сведения:

«В селе Калинино Пашковского района церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы гитлеровцы превратили в баз, т.е. загонный двор для лошадей; в селе Белом Усть-Лабинского района церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была превращена в конюшню, загажена и разрушена; в городе Анапе Онуфриевский собор служил складом для боеприпасов, а затем, незадолго до бегства гитлеровцев с Кубани, - баракком для заразно-больных военнопленных; в станице Белореченской молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в праздник Рождества Христова был превращен в кинотеатр, и когда верующие пришли к богослужению, то увидели свой храм оскверненным пьяными солдатами, которые к тому же танцевали и курили.

В станице Гостагаевской церковь превратили в кинотеатр, а затем в склад боеприпасов. Отступая, немцы хотели сжечь храм, но были лишены этой возможности из-за налета советской авиации. В хуторе Тиховском Ильинский молитвенный дом немцы совершенно разграбили: вывезли церковные ценности (чаши, облачения, ковры) и прочее имущество, глумились над иконами: стреляли в изображения святых, рубили их шашками и жгли. В станице Ивановской одноименного района церковь превратили в застенок гестапо, где убивали военнопленных и мирных граждан, о чем свидетельствовали трупы расстрелянных и замученных людей. В станице Сергиевской Гиагинского района Покровский молитвенный дом превратили в тюрьму для пересыльных военнопленных. И этот перечень фактов далеко не полон. В целом, материальный ущерб, нанесенный православной церкви в Краснодарском крае, составил 15 миллионов рублей» [8].

За что же мстили гитлеровцы Русской церкви? За то, что открывавшиеся храмы превращались в центры пробуждения русского национального самосознания и глубоких патриотических чувств, способствовали возрождению русской идеи, чуждой человеконенавистнической идеологии нацизма.

Примечания

1. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург, 2005. С. 140.
2. Записки миссионера о жизни в советской России // Вестник РХД. 1956. № 40. С. 35.
3. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 144.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62-65 // Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 140.
5. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 150.
6. Сергей (Ларин), епископ. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946-1947. Рукопись. С. 23. // Михаил Шкаровский. Церковь зовет к защите Родины. С. 155.
7. ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК.) Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 230-232.
8. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 7-9.

Русский характер в восприятии СМИ Германии**(по материалам немецкой прессы конца XX – начала XXI вв.)**

Русскому человеку трудно писать про немцев. То же самое можно с уверенностью утверждать про немцев. Видимо, слишком уж многое объединяет: самые близкие соседи из европейцев, давние и тесные исторические связи, общие страстные увлечения — философия, литература, музыка и в то же время — самая большая боль. С одной стороны, так до конца и не решен вопрос о том, не немцы ли создали все то, что нас теперь окружает: от государства до системы образования. С другой — так и живут в русском человеке страх и отвращение при звуке немецкой речи — может, оставшиеся от бабушек и дедушек, переживших войну, может, от фильмов об этой войне, а может, это уже просто заложено генетически.

Сколько уже сказано и написано о русском характере, русском менталитете и загадочной русской душе. Какие они, русские? Как много иностранцев пытается умом понять нашу Россию, и как это им нелегко дается, мы знаем тоже. Мы наблюдаем, какой интерес представляет Россия для Германии, например. А ведь именно немцы, в большей степени, относятся к нам с недоверием и некоторой опаской.

Неужели русские такие страшные? Да нет, мы просто непредсказуемы и хаотичны, а ведь именно неожиданностей и хаоса немцы боятся больше всего остального. Существует и другая причина, заставляющая немцев (особенно пожилых) избегать, по возможности, тесных контактов с русскими.

Это память о Второй Мировой войне. И, тем не менее, интерес к России есть и интерес этот среди немцев растет (особенно сейчас, когда все двери для туризма, бизнеса и общения открыты).

Если вспомнить немного истории, то традиция российско-германских связей, сначала династических, берет свое начало от Петра I. Немецкие принцессы много раз оказывались на русском троне. Самая знаменитая из них, конечно же, Екатерина II – до замужества и принятия православия София-

Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская. Она правила Россией треть столетия и вошла в историю под именем Екатерины Великой. Немцы создавали не только российскую бюрократию. Они стояли у истоков Академии наук и многих отраслей промышленности России. Отцом русского ситца считается Людвиг Кноп, мельничным королем – обрусевший немец Антон Эрлангер. Он построил первую в стране гигантскую паровую вальцевую мельницу, которая (после многочисленных переделок, разумеется) продолжает работать в московских Сокольниках и сегодня.

Впрочем, отношение двух народов друг к другу всегда было амбивалентно, неоднозначно. В России восхищались и восхищаются немецкой аккуратностью, точностью, технической сметкой, трудолюбием. Но, в то же время, считали и считают немцев педантами, лишенными чувства юмора, черствыми, даже жестокими.

Образ жителя России в немецком общественном сознании неоднозначен. Важно отметить, что многие немцы не воспринимают Россию как многонациональное государство. Понятия «русский» и «россиянин» для них тождественны. Часто встречаются шаблонные представления о жителях России, связанные прежде всего со стереотипно гротескными чертами: «Женщины в мехах с лентами в косах», «Люди, играющие на баяне» [1].

Вот как видит корреспондент газеты «Ди Вельт» Галина Дурстхофф «русский характер». Специально для того, чтобы ответить на этот риторический вопрос она провела опрос на эту тему.

Галина Дурстхофф: «В 1990 году, когда я приехала в ФРГ, для большинства немцев русские были экзотикой. На них смотрели с восторгом или с опаской, но всегда с нескрываемым любопытством. Теперь спрос на матрешек, мемуары Горбачева и дискуссии о загадочной русской душе пропал, а сами русские в Германии попадают не реже итальянцев, поляков, греков или персов». Что знает сегодня немецкий обыватель о России и русских? [2].

Менеджер Гюнтер Ройк признается: «Мое мнение о России менялось два раза в жизни. В юности, во времена холодной войны русских представляли как потенциальную угрозу. После Вилли Брандта и его политики разрядки многое изменилось. Тогда у меня появился интерес к России. Когда Брежнев приехал в Германию, я даже отправился в Бонн, чтобы посмотреть на него. После развала СССР русские стали нам значительно ближе и понятнее» [3].

С ним не согласна медсестра Ульрике Брабендер: «Для меня это совершенно незнакомый народ. И он так далеко, что я этих людей даже не представляю. Знаю, что там сейчас кризис, но во всем мире кризисов так много, что российский меня волнует меньше всего.

Со своими выборами они совсем чокнулись: по три раза голосуют, а в стране нет правительства. Зачем все усложнять? Это странно, но в принципе, мне до этого нет никакого дела» [4].

Воспитательница Юта сказала, что в ее группе двое русских детей, но о России она знает немного: первое, что я представляю: в России всегда холодно, там нужны меховые шапки. О людях я знаю очень мало, но думаю, что они сердечные и открытые [5].

Студент Кельнского университета Питер вместе с русскими учится и подрабатывает на почте. Вот его мнение: милые, симпатичные, доброжелательные и трудолюбивые - и в университете, и по работе. И еще очень жизнерадостные: если есть повод что-то отметить, их не надо уговаривать [6].

Немецкая журналистка Габриэле Кроне-Шмальц четыре с половиной года была корреспондентом западногерманского журнала Шпигель в Москве. Вот что ей нравится в России: «Меня эта страна очаровывает уже благодаря ее размерам. В русских меня восхищает то, что большинство из них относится к проблемам и противоречиям хладнокровнее, чем мы на Западе. И еще когда русский спрашивает меня: «Как поживаешь?» – у меня такое чувство, что он искренне интересуется этим. Когда этот вопрос задает американец, я знаю, что это чистая формальность» [7].

Сюзанна Хаут часто бывала дома у своих русских друзей. Вот ее мнение: Насколько я смогла заметить, русские более старательные, более трудоспособные. У родителей больше влияния на детей. Многие русские живут большими семьями вместе с бабушками и дедушками. Конечно, поэтому у них чаще возникают семейные конфликты, но зато есть и настоящая близость. Мне это очень нравится. Нравится их гостеприимство и русские пироги [8].

Актёр Манфред Круг думает иначе: Иногда я спрашиваю себя: как русские собираются выбираться из этого положения? У них никакого понятия о дисциплине. Самое смешное, что при этом они очень любят слово «работа».

Все, что у нас «функционирует», у них – «работает». А что они делают со своей страной – с нефтью, землей, лесом, Байкалом, Аральским морем? Это вандализм. Они беспощадны к природе, потому что им так много дано. Но когда-то все кончается [9].

Вот что говорит о русском национальном характере издатель Йоахим Хербст: Все равно: был в России царизм или ленинизм – этой страной владел узкий круг людей. Так столетиями в национальном характере складывался своего рода фатализм. Если люди не пережили настоящего процесса демократизации, они говорят: «Нам наплевать на все, нашу судьбу все равно решают олигархи» [10].

Манфред Круг добавляет: мне русских от глубины жаль, как жаль человека, который тебе нравится, но он на твоих глазах опускается. И это падение не имеет ничего общего с объективными причинами. Это вековая лень. Русским всегда был нужен начальник: все равно – царь или вождь. Их менталитет не из советских времен. Я читал воспоминания многих немецких фабрикантов и историков, которые в начале девятнадцатого века бывали в России. Все то же самое. Создается впечатление, что русским необходима эта нищета, эта боль, это страдание. Это мазохистский национальный характер [11].

Журналистка Габриэле Кроне-Шмальц написала несколько книг о России. Ее часто приглашают на выступления и дискуссии. Вот как она характеризует

отношение немцев к русским: «Это смесь из сострадания к людям: немцы всегда готовы помочь, когда они слышат, что в России плохо, или пожертвовать деньги, например, для детских домов, и недоверия, с другой стороны. Несмотря на симпатию, которую немцы испытывают к русским, часто перевешивает страх и абсолютно неправильное представление о России: о недостаточной цивилизованности, об азиатском варварстве. Во многом виноваты журналисты. Они слишком мало рассказывают о нормальной жизни и слишком много о мафии и проституции. Ни одному из них не приходит в голову сообщить о том, что по количеству убийств некоторые крупные американские города обгоняют Москву» [12].

Газета Франкфуртер рундшау отметила, что немцы и русские живут в плену стереотипов и приводит следующие доказательства в качестве примера.

Хельмут (финансовый консультант, 42 года): «По роду своей деятельности сталкиваюсь с русскими. Ко всем своим клиентам отношусь одинаково. Иногда в метро наблюдаю, поведение русских молодых людей, которые бросают обертки от конфет на пол, слишком громко разговаривают. Иногда русские выделяются особенно своим бескультурьем. А ведь это нация, которая имеет богатую культуру! Я отметил бы такие черты русского национального характера: постоянные сомнения, недоверчивость, недостаток терпения» [13].

Руперт (студент, 21 год): «...В моей стране пишут в основном о России негативно. Я был очень удивлен, когда узнал, что в российских СМИ, наоборот, о Германии плохого не пишут. Русские ребята всегда готовы придти на помощь, например, подсказать на экзамене. Немец думает только о себе и никогда такого не сделает. Это и есть разница в национальных характерах» [14].

Наиболее характерные черты русского по мнению немецких обывателей: гостеприимство, общительность, дружелюбие. В дефиците у русских законопослушность, педантизм, приверженность к порядку. Тем не менее, до сих пор, существует дефицит информации о России, который порождает или негативный, или «лубочный» имидж страны.

Этот негативный образ России получен из СМИ. Вся информация тщательно профильтрована, отсюда негативный имидж. У России такой негативный имидж еще и потому, что обо всем СМИ рассказывают беспощадно. Очень редко показывали хорошие стороны.

Итак, две страны, судьбы которых неразрывно связаны, – Россия и Германия. Два трудных пути к взаимопониманию, к преодолению многочисленных барьеров и крайностей: от страха к восторгу, от ненависти к обожанию. Балалайка и пивная кружка, пьянство и пунктуальность, «дикий казак» и «фашистская нечисть» – лишь немногие атрибуты многочисленных стереотипов, издавна определявших представления немцев и русских друг о друге. Русских немцы считают любителями выпить, гостеприимными, храбрыми, эмоциональными и щедрыми. Немалую роль в поддержании негативных представлений о России играют немецкие СМИ. По данным опроса Forsa, лишь 36% жителей Германии считают, что СМИ, объективно информируют их о происходящем [15]. Анализ немецких СМИ, проведенный F.A.Z. Institutes PRIME research international по заказу Wingas, показал, что немецким репортажам о России присущи сгущение красок и использование явных и скрытых стереотипов, причем 70% этих стереотипов как правило являются отрицательными [16]. Шаблонные представления немцев о жителях России выносят на первый план такие характеристики, как любовь к выпивке, а также гостеприимство и интерес к культурным мероприятиям.

Таким образом, на основе проделанного анализа немецких СМИ конца XX начало XXI вв. «русский характер» как элемент образа жителей России является для немцев наиболее противоречивым.

Примечания

1. Орехова О.Е. Пресса ФРГ о России и германо-российских отношениях в 90е гг. XX – начало XXI в. // Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры. С. 234.
2. Die Welt. 1998. 30 Mai.
3. Ibidem.
4. Ibidem.
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. Der Schpiegel. 1999. № 46. 9 November. S. 198.

8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2006. 10 März.
9. Die Welt. 2004. 11 Oktober.
10. Focus. 2003. № 27. 30 Yule. S. 92-97.
11. Focus. 2003. №27. 30 Yule. S. 92-97.
12. Berliner Zeitung. 2005. November. 4.
13. Frankfurter Rundschau. 2003. 23 Oktober.
14. Suddeutsche Zeitung. 1998. 4 März.
15. Neues Deutschland. 2001. September. 2.
16. Ibidem.

Влияние хорватских усташей на югославский кризис 1990-х гг.

90-е гг. XX в. потрясли межэтническими конфликтами одно из процветающих государств Балканского региона – социалистическую федеративную республику Югославию (СФРЮ). На относительно небольшой территории в течение длительного времени соприкасались различные культурные религиозные векторы, осложнявшие процесс сосуществования этнорелигиозных групп. На мировоззрение проживающих народов в различное время оказывали значительное влияние соседние государства, оспаривающие свои национальные интересы, что в дальнейшем послужило решающим фактором столкновения этих народов в XX в. Одним из рассматриваемых автором конфликтов является сербскохорватский сквозь призму процесса формирования движения усташей.

Хорватский менталитет явился результатом скрещивания национальной хорватской самобытности с западноевропейскими ценностями. Идея национального превосходства хорватов над южными славянами (кроме болгар), сформированная философом XIX в. Анте Старчевичем, легла с основу его концепции «хорватского государственного права», согласно которой сербы являлись теми же хорватами, но православными, отказывающиеся признавать себя хорватами. Среди хорватского большинства формировалось пренебрежительное отношение к православным сербам.

В конце XIX в. венгерский наместник использовал православное сербское население Краины и Воеводины в целях противостояния идеи создания Великой Хорватии в составе Империи Габсбургов, что способствовало нагнетанию ненависти хорватов в отношении сербов. Позже в созданном независимом государстве Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев ситуация осложнилась тем, что явные привилегии хорватов, которыми они обладали при Габсбургах, были отменены принятой Конституцией. Недовольство хорватского населения действиями властей выразилось в идеях лидера Партии Права Анте Павлевича, провозгласившего в 1930 г. «Хорватское

освободительное движение усташей». В 1932 г. Это движение консолидировалось под названием «Усташа – хорватская революционная организация». Само слово «усташ» происходит от архаично-крестьянского слова «устанак», т. е. «восстание», следовательно, усташа – это «восставшие» или «повстанцы» [1]. В Турине (а позже в Болонье) был размещен усташский главный штаб. Анте Павлович неоднократно обещал сделать независимую Хорватию демократическим государством. Изначально хорватские националисты не являлись ярыми сторонниками клерикализма, они воспринимали католицизм, как безусловно важный элемент традиционной хорватской культуры – но вовсе не единственный. Изначально Анте Павлович заявлял: «Хорват – это тот, кто против сербов», видя «сербство» как политический фактор.

С приходом фашизма в Германии и Италии усташа стали видеть врага не только в короле, сербском народе, но также и в евреях. Лидер усташей считал хорватских евреев пособниками сербских «оккупационных властей», поскольку они стабильно голосовали за белградские списки депутатов, в принадлежащие им органы печати лоббировали югославские интересы, в корне расходящиеся с интересами хорватских националистов.

В первой половине 30-х гг. усташа и их союзники македонцы совершали теракты в отношении сербов. А 9 октября 1934 г. в результате организованного террористического акта от рук македонца Величко Керина (он же – Владимир Черноземский) погиб король Александр.

Пытаясь задобрить католическое население страны, премьер-министр Югославии организовал подписание конкордата с Ватиканом, планировавшимся еще в 20-е годы. Православная церковь вела пропаганду против конкордата, опасаясь использования его Ватиканом как легальное прикрытие для пролетизма – стремления распространить свою веру или обратить других в свою веру. Сербская православная Церковь предала анафеме всех православных депутатов, голосовавших за конкордат. Ответом Католической церкви было отлучение всех католиков, голосовавших против.

Конкордат [2] так и не вступил в законную силу, а католики утвердились в мысли, что «сербские гегемонисты пренебрегают их интересами» [3].

Усташаи возобновили свою деятельность после подписания соглашения о создании автономной Хорватии в составе Югославии, и идея полной независимости стала пользоваться все большей популярностью.

После вторжения в Югославию войск Германии, Италии, Венгрии и Болгарии Папа Римский признал усташей и созданную ими независимую Хорватию, а террор усташей был направлен на Сербскую Православную Церковь, как духовную основу сербского народа. Православные храмы были разрушены, сожжены или обращены в католические, православные епископы и священники были убиты или изгнаны в Сербию. На территории Хорватии была создана сеть концентрационных лагерей смерти, в которых заведовали католические монахи. Было доказано, что в детском лагере в Ястребарском в течение одного лишь месяца умерло сотни замученных голодом православных детей, по рекам плавали трупы убитых сербов.

Уничтожив сербов, усташские власти планировали поселить на этих землях хорватов из США и из стран Западной Европы. При поддержке католического клира было разрушено 299 православных церквей, 240 тысяч сербов были насильственно переведены в римско-католическую веру, а около 750 тысяч сербов было убито. Многочисленные источники описывают ужасные расправы усташей над сербами.

После победы Антифашистской коалиции во Второй мировой войне в мае 1945 г. многие члены режима усташей бежали в Италию, откуда эмигрировали на кораблях в Аргентину, США, Канаду, Испанию, Австралию. Там они сформировали подпольные террористические группировки и объявили себя «хорватским освободительным движением».

С возобновлением дезинтегрирующих процессов в СФРЮ хорватские националисты вновь стали тяготеть к движению усташей. Поскольку после крушения коммунизма в Югославии образовался идеологический вакуум, то клерикализм не преминул заполнить его. Выступления Папы Римского Иоанна

Павла II часто воспринимались в Хорватии как призыв к борьбе с православным населением в республике. Франко Туджман – первый президент независимого хорватского государства оправдывал политику и методы усташей времен второй мировой войны и предлагал назвать сербов, проживающих в Хорватии, православными хорватами.

В Хорватии с 1991 по 1993 гг. начались погромы и убийства сербского православного населения, самые тяжкие преступления были совершены в мае/августе 1995 г. в ходе операций «Вспышка» (Западная Славония) и «Буря» (Сербская Краина). В ходе организованного истребления сербов Краины их численность сократилась на 90% и концу 90-х гг. XX в. сербов в Хорватии почти не осталось. На сотню умирающих сербов приходился один новорожденный [4]. Ситуацию хорошо иллюстрирует заявление священника из селения Удбина под Лицеем, что он раньше убьет серба, чем вернет ему дом.

Таким образом, хорватский национализм изначально содержал два вектора: 1) исключительно религиозный аспект; 2) этнический и религиозный аспекты.

Ватикан оказывает аналогичное влияние на конфликт, что дало право обозначить второе рождение усташского хорватского национализма уже в процессе распада СФРЮ, происходило стремление формирования новохорватскими националистами клерикалистического мононационального государства Хорватии. Хорваты и сербы на протяжении XX в. сохраняли антагонистические настроения, взаимную ненависть.

Возможно, тенденция раскола мира на христианско-мусульманский будет способствовать объединению хорватов и сербов как католичества и православия в виде единого христианского мира, который будет противостоять развитию влияния ваххабизма и турецко-мусульманской экспансии в регионе. В пользу этого аргумента может выступить тот факт, что хорваты на данном этапе заметно менее толерантны к проявлениям ислама у боснийцев, чем к православным сербам. Возникает два пути развития сербскохорватских отношений, а именно:

1) противопоставление православия и католицизма;

2) создание общности, при которой подчеркивается славянское происхождение сербов и хорватов как защитников ценностей христианства на Балканском полуострове.

Пути сближения вызывают сомнения, в связи с тем, что взаимные претензии, неоднократно пролитая кровь, значительное влияние третьей стороны усугубляют противоречия. Но возможно сербскохорватский диалог будет осуществляться во взаимовыгодном и взаимозависимом векторе, который будет поощрять к интеграции и союзу двух народов в рамках европейской интеграции.

Примечания

1. История движения усташей. URL: 1929-1941 http://samlib.ru/b/balynskij_a/ustasha.shtml [Дата обращения: 30. 06. 2011]

2. Конкордат – договор между Папой Римским как главой католической церкви и каким-либо государством, регулирующим правовое положение Римской Католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом

3. История движения усташей. URL: 1929-1941 http://samlib.ru/b/balynskij_a/ustasha.shtml [Дата обращения: 30. 06. 2011].

4. Гуськова Е. Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1999. С. 92; Геноцид по благословлению Ватикана URL: <http://drakula.org/library/genocide/index.htm#1> [Дата обращения: 30. 06. 2011].

Отношенията между България и Русия през последното десетилетие на ХХ в.

Студеното раздалечаване в отношенията между Русия и България получава мащабност през 90-те години на ХХ в. Причините, поради които се стига до минимализиране и стагнация на взаимните връзки през десетилетието, са комплексни, като преобладаващи са политическите. Негативните рефлексии от «съюзническата вярност» тласкат новите български политици да демонстрират публично курс на еманципация. Възприетият модел на обществено поведение води до снижение на интензитета в разностранното и дълголетно сътрудничество между двете страни във важни направления на икономиката, науката и културата. Следва се векторът на «забравя» за постигнатите положителни резултати, с което се прекъсват традициите и приемствеността. Взаимоотношенията се поддържат формално, което изчерпва тяхната същностна характеристика. Не се разработва нова концепция за развитието им на съвременния етап. Усилията на много специалисти се насочват към обосновка на актуални и прагматични виждания за възстановяване на контактите между двете страни. Български автори аргументират тезата, че източното руско направление не възпрепятства европейската и евроатлантическа ориентация на страната.

Не само негативизмът на българската власт, но и пасивността на Русия води до влошаване на традиционните връзки. Външният министър на Руската федерация Игор Иванов през юли 2003 г. определя развитието на отношенията им с държавите от Централна и Източна Европа изключително точно: «90-е годы прошлого века были... во многом «потерянным десятилетием». ...Вопреки, казалось бы, естественной общности интересов, вызванной демократическими преобразованиями в России и странах Центральной и Восточной Европы, наши пути разошлись» [1]. Затова и неговата препоръка е: «пусть ученые...восстанавливают историческую правду, какой был горькой она ни была» [2].

За 90-те години на ХХ в, в контекста на българо-руските отношения пишат редица български изследователи, аналитици, политолози. Всеобхватна е темата за съвременна Русия в различните ѝ измерения - характерът на нейната нова политическа система, насоките на водената вътрешна и външна политика, нейните икономически възгледи, ролята ѝ в съвременната геополитика, развитието на отношенията ѝ с България и в балканския регион, деловите връзки със страните от Централна Европа и пр. В разработките се следва обективният подход, избягват се крайностите в оценките и констатациите, които са характерни по-скоро за пресата. Българските автори търсят обяснение защо преориентацията във външната политика на двете държави, които полагат усилия да постигнат демократична идентичност, се превръща в основание за консервативност в мисленето на една към друга? Защо се спускат политически бариери на пътя за различни форми на сътрудничество между двете страни? Защо в близкото минало се търсят само сенки и светлите страни се затъмняват? Италианският изследовател Дж. Боффа смята за дълбоко погрешно мнението, макар и да се отнася за края на ХХ век, че не може да преобръщаш страницата на историята и да продължиш да живееш така, все едно нищо не е било. «Историята не прощава подобна небрежност» [3].

Върху отношенията между България и Русия в условията на прехода в началото на 90-те години на ХХ в. неблагоприятно въздействие има общото идеологическо минало. Двете страни се оказат неспособни да приспособят двустранните си връзки към тенденциите в глобалната система, налагани от измененото разположение на силите [4].

Българската външна политика следва неправилната тактика да разглежда Русия като страна с аналогични на СССР функции в променените условия. Трудностите в българо-руските отношения според Д. Динков са резултат на превратни възприятия за мястото и целите им в различни от миналото условия [5]. Не без значение е и фактът, че проблемите между тях се създават изкуствено. Той обръща внимание на тенденцията за омаловажаване от

българските политици на радикалните реформи, които се осъществяват в Русия и на нейната роля в света.

Обединителната линия, на която застават и политици, и изследователи, е убеждението за значимостта на политическата география, историческите вектори на интересите на балканските държави и на великите сили, както и съвременният смисъл на техните претенции конкретно към България. Известно е, че в геополитиката владеят трайни стереотипи, които трудно се променят с декларации за приятелство и клетви за правоверност [6].

При ретроспекция на развитието на българо-руските отношения се разкрива неустойчивата база, върху която те се изграждат - идеологическа и емоционална [7]. Тяхната темпорална същност предопределя и възможностите за обрати, за дезинтересиране, за разочарование и взаимно недоверие. Същите трудно се преодоляват въпреки намесата на субективния фактор.

Своето разбиране за новия формат на българо-руските връзки, който да отразява промяната в обективните условия, Ч. Минчев представя образно: «тяхната носеща конструкция да се изгради премислено и внимателно, а не да бъде оставена да се формира стихийно, под диктовката на обстоятелствата или пък на емоциите, които не са добър съветник» [8]. Според него двете страни са достатъчно близки, за да имат вечни, непроменящи се от историческата конюнктура интереси, политика и цели една спрямо друга [9]. Той набелязва и главните точки на един двустранен план: равноправни и взаимноизгодни отношения, нормализиране и балансиране на търговските отношения, разширяване сътрудничеството в духовната култура, образованието, спорта, както и повече лични контакти между хората.

И. Баева е сред авторите с постоянен интерес към изследване на отношенията между България и Русия / СССР както в близкото минало, така и на съвременния им етап. Нейната теза е, че двустранните връзки стават заложник на политически интереси и цели, което неизбежно ги тласка от русофилските крайности към русофобския полюс и не допускат тяхното балансиране [10]. Тя отхвърля като невярна тезата на русофобската пропаганда,

че след Втората световна война България е губеща в отношенията със Съветския съюз. Нейните доводи са документите, които опровергават подобно твърдение [11]. Тя не се различава в изводите си от останалите автори за огромната вреда, която носи на България резкия външнополитически поврат в българо-руските отношения осъществен след 1989 и продължил повече от десетилетие.

Е. Гиндев определя руската политика към България през последното десетилетие на XX в. като късогледа [12]. Мотивите му за характеристиката се базира на анализа на същността ѝ – недалновидна и бедна откъм съдържание, което не е в полза и на двете страни. Обзорът му върху българското обществено пространство открива наличието на негативна тенденция, която цели да се дискредитира Русия, за да се премахне руското влияние.

В. Проданов предлага промяна в тактиката за осъществяване на българо-руските взаимоотношения [13]. Вярната посока за подобряването им той вижда във възможността на политиците да съумеят да излязат извън поляризацията и в политическата, и в икономическата сфера. Неговата теза е изградена върху разбирането, че икономическият, политическият и културният елемент в контактите трябва да са взаимно свързани.

Г. Маринов разглежда българската позиция в двете посоки – западната и източната, като търси в тях мястото на страната. Изследователският анализ оформя мнението му за необходимостта България да следва подход към Русия сходен на подхода, с който се изграждат отношенията по стратегическия вектор Европейски съюз и НАТО [14]. Прозападният външнополитически курс има преимуществено значение, но източното направление макар и да не е съизмеримо с главния приоритет, има стратегически характер за България. Трудността да се оцени важноста му произтича от липсата на консенсус между водещите политически сили, което пречи да се внесе дългосрочност и перспективност в политиката към Русия.

С. Монова изследва отношенията между бившата социалистическа общност и Русия, в които е налице забележимо взаимно отдалечаване. Тя

потвърждава известния общ извод, че през последното десетилетие на XX век страните от Централна и Източна Европа искат да заличат близкото си минало и нова история, както и спомена за блоковото разделение. За всички тях Руската федерация, която е основен наследник на Съветския съюз, предизвиква асоциации на страх и влияние на действията им. Затова се държат дистанцирано и резервирано с нея. Тези настроения ескалират и сред политици, и сред някои обществени слоеве, като преминават в амбиция да се отбягва Русия и всичко руско. Поведението на Москва също е непремерено и отговаря на негативизма с дезинтересиране. Заключение на С. Монова е, че заетите позиции на «бидени и пренебрегнати» имат вредни последици [15].

Краткият преглед на публикациите по разглежданата тема показва сходство в позициите на българските автори при аргументация на причините за охлаждане на двустранните отношения. За всички е обясним българският самостоятелен външнополитически курс към Европа, но голямата близост през социалистическия период, разглеждана само с негативите, пречи на политиците да разберат полезността на българо-руските връзки. Не е готова и Русия да отстоява прагматични идеи и като велика сила стратегически да съчетава геополитическите си интереси с многовековните историческите традиции на добронамереност и толерантност към България.

Авторите разглеждат миналото на българо-руските връзки, припомнят за българо-съветските отношения като продукт на биполярното разделение на света, което формира и политиката на двете страни. Новата международна реалност изисква и нов модел на сътрудничество, без да се наслагват върху него превратни възприятия – носталгия или негативи за отминал период. Същевременно увлечени в процеса на икономизация на контактите с развитите държави България и Русия взаимно се отдалечават. Българо-руските връзки се заобикалят като второстепенни и не се мисли в перспектива. Последното десетилетие на XX в. остава в историята на България и Русия с краха на идеологически симоли, с намиране на нови идоли, с пропилените намерения и

неосъществени възможности, с разменени протоколни срещи и подписани официални документи без подем в развитието на двустранните връзки.

Бележки

1. Орлик И.И. Уроки «потерянного десятилетия» // Страны Восточной Европы и Россия: взаимоотношения в начале XXI века. М. 2005. С. 9.
2. Пак там.
3. Европа: «настоящая» и «ненастоящая» Россия – неотъемлемая часть Европы. М., 2007. С. 85.
4. Динков Д. Новият смисъл на българо-руските отношения // Международни отношения. Год. XXVII. Кн. 2. 1998. С. 51.
5. Пак там. С. 54.
6. Пак там. С. 67.
7. Минчев Ч. Пред прага сме на нов етап в отношенията между България и Русия // Международни отношения. Год. XXXIII. Кн. 3. 2004. С. 11.
8. Пак там. С. 13.
9. Пак там.
10. Баева И. България и Русия в края на XX и началото на XXI в. – от филство и фобство към нормализация // Международни отношения. Год. XXXIII. Кн. 3. 2004. С. 68.
11. Пак там. С. 67.
12. Гиндев Е. България и Русия в XXI в. // Международни отношения. Год. XXXI. Кн. 5-6. 2002. С. 66.
13. Проданов В. България и Русия между икономизацията и политизацията // Международни отношения. Год. XXXI. Кн. 5-6. 2002. С. 82.
14. Маринов Г. Икономическите отношения между България и Русия и ролята на геополитическите фактори. Международни отношения. Год. XXXI. Кн. 5-6. 2002. С. 90.
15. Пак там. С. 116.

Поляки о себе и других (опыт изучения этнических стереотипов)

Исследование стереотипного образа – сложная процедура, поскольку исследователь имеет дело с коллективным бессознательным, с глубинными ментальными пластами, заложенными традицией, общественным и личным опытом, неясными текущими переживаниями. И все эти сложности необходимо учитывать при анализе этнических стереотипов поляков по отношению к ближайшим соседям, в первую очередь к русским (россиянам).

Стереотипный образ россиянина, существующий у жителей Республики Польша, изучался с помощью метода семантического дифференциала. Опросный лист содержал таблицу, в которой использовалась 21 семантическая пара, каждая из которых содержала противоположные по смыслу качества. Респондентам предлагалось определить степень выраженности того или иного качества у поляков и русских по семибальной шкале, где 7 соответствовало максимально выраженному позитивному качеству, а 1 – максимально выраженному негативному качеству в данной семантической паре.

Исследование стереотипов поляков (автостереотипа и гетеростереотипа в отношении русских) было проведено в Польше (Варшава) весной-летом 2010 г. Для изучения стереотипов использовался помимо тестового метода семантического дифференциала так же метод приписывания качеств.

В польской выборке число респондентов составило 140 чел. 52,1% мужчин и 47,9% женщин. Средний возраст 21,5 лет (от 18 до 33 лет). Автостереотип поляков закономерно имеет положительную эмоциональную направленность, позитивные качества и характеристики доминируют в нем. Наиболее часто упоминаемыми и приписываемыми поляками самим себе являются такие качества как *патриотизм / патриотичны / патриоты* – почти две трети (60%) респондентов отметили его как присущее полякам; общительность (*общительны / общительны между собой*) назвали почти половина (45,7%) опрошенных; так же треть респондентов (32,9%) указали на то, что поляки работающие. Такие качества как гордость, чувство собственного достоинства

отметили более четверти (26,4%) респондентов (*с самоуважением / с чувством достоинства / с чувством собственного достоинства / с чувством чести / исполнены достоинства / исполнены чести / исполнены чувства достоинства / гордость / горды*). Характерным с той же частотой упоминания (25%) является такое качество как религиозность (*очень верующи / религиозны / богобоязненны / верующи / католики*) и свободолюбивы (24,3%). Из наиболее часто упомянутых позитивных качеств также необходимо отметить искренность / искренны (22,9%), предприимчивость (22,1%), моральность (18,6%) (*морализаторы / моральность / моральны*), но при этом с той же частотой поляки приписывали себе такое негативное свойство как лень (22,9%). Кроме того 16,4% респондентов в Польше отметили присущую полякам духовность (*развиты духовны*) и миролюбие, и еще 14,3% приписали полякам индивидуализм (*индивидуалистичны / индивидуалисты*). Интересно, что достаточно значимый процент опрошенных отметил присущую польскому народу склонность к алкоголю (*склонны к пьянству / пьяницы / алкоголизм / алкоголики / любители алкоголя / любят алкоголь*) – 8,6%.

Группируя приписанные качества в кластеры можно отметить, что наиболее значимый по числу отнесенных к нему характеристик является кластер моральных и коммуникативных качеств. Причем в числе моральных самоописаний значительную часть стереотипа составляют негативные свойства, в частности такие как *аморальны, алчны, иногда завистливы, лживы, лицемерны, боязливы, вруны, вороваты / воры, жадны, жалобщики / жалуется на мир, на всё, жулики, завистливы, если могут – обманывают, злопамятны, продажны, пройдохи, склочны, сутяжники, хамовиты, хитры...*

Вместе с тем, как уже было указано, доля позитивных качеств в автостереотипе существенно доминирует над негативными. Их соотношение выглядит примерно 70:30. Согласно данным полученным с использованием тестовой методики семантического дифференциала автостереотип поляков также имеет позитивную направленность: средний балл по тесту составил 4,6. По семантическим шкалам баллы распределились следующим образом.

Максимально высокие показатели отмечены в таких позициях как свобододлюбивые (5,7), патриоты (5,4), общительные (5,3), с чувством собственного достоинства (5,1), духовные (5), друзья (4,8), союзники (4,7), сильные (4,7), миролюбивые (4,6), индивидуалисты (4,6), нравственные (4,6), инициативные (4,6). Средние нейтральные оценки отмечены в таких качествах как развитые (4,4), добрососедские (4,4), трудолюбивые (4,4), открытые (4,3), деловые (4,3), уважающие законы (4,1), счастливые (4,05). И негативные низкие показатели отмечены в таких шкалах как националисты (3,9), бедные (3,5).

Как видим, данные по семантическому дифференциалу очень близко совпадают с результатами, полученными с использованием метода приписывания качеств.

Гетеростереотип, выявленный на польской выборке в отношении русских, имеет выраженную негативную направленность. По данным полученным с помощью семантического дифференциала средний балл гетеростереотипа русских составил 3,2. Распределение по шкалам в польской выборке было следующим. Миролюбивые – 2,8 балла, духовные – 3,7, союзники – 2,6, развитые – 2,9, открытые – 3,2, общительные – 4,6, сильные – 4,8, индивидуалисты – 3,3, добрососедские – 2,7, патриоты – 5,0, друзья – 3,1, нравственные – 3,2, богатые – 3,3, трудолюбивые – 3,6, деловые – 3,7, свобододлюбивые – 3,5, счастливые – 3,6, инициативные – 3,5, уважающие законы – 3,2, интернационалисты – 2,8, с чувством собственного достоинства – 4,4.

Таким образом, позитивные оценки русские получили в таких характеристиках как патриоты, сильные, общительные, с чувством собственного достоинства. И напротив самые низкие, отрицательные оценки даны в таких качествах как националисты, враги, безнравственные, враждебные, противники, закрытые. Причем, в женской выборке стереотип более отрицательный, чем в мужской.

Данные полученные методом свободного описания также значительно совпадают с результатами семантического дифференциала. Среди приписанных

русским поляками качеств доминируют качества негативного характера. Соотношение позитивных и негативных характеристик примерно 20/80.

Группируя приписанные качества, получаем наиболее многочисленные блоки моральных и коммуникативных качеств, причем среди коммуникативных определенно преобладают качества, проявляющиеся в межэтнических межгрупповых отношениях. Здесь поляки приписывают русским такие негативные свойства как: *нетолерантные, шовинисты, соперники, склонны к ксенофобии, склонны к экспансии, полонофобы, попирают правила, националисты, не любят встающих на дыбы, не могут примириться с поражением, агрессивные, беспощадные, вероломные, воинственные, враждебные.*

Среди моральных качеств также преобладают качества с негативным оттенком: *коварные, алчные, амбициозные, нечестные, аморальные, нескромные, пройдохи, самоуверенные, обманщики, воры...*

В числе позитивных характеристик, приписанных русским респонденты в Польше отметили то, что русские *богатые, трудолюбивые, упорные, работающие, предприимчивые, деловые, беззаботные, склонны к развлечениям, склонны к увеселениям, склонны к утехам, симпатичные (россиянки), сильные, патриотичные, дружелюбные, дружественные.* Сопоставляя автостереотип поляков и гетеростереотип в отношении русских можно отметить, что при общей диаметральной и противоположности оценок, в отдельных позициях наблюдается сближение. Так достаточно близки поляки и русские в проявлении патриотизма, общительности, силы и чувства собственного достоинства. И напротив максимальный отрыв наблюдается в таких качествах как миролюбие, интернационализм, союзничество, добрососедство и дружелюбность. Т.е. в отличие от поляков, которым эти качества присущи в большей мере, русские представляются им враждебными, националистами, противниками, недобрососедскими и недружелюбными.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что при наличии положительного автостереотипа в представлениях

современных поляков сложился и поддается четкой фиксации негативный стереотип в отношении русских (россиян), в котором помимо сложных современных отношений нашли отражение и исторические события, характер взаимодействия двух народов на протяжении истории.

К вопросу о социально-экономических аспектах развития национализма

Эволюция национализма к настоящему времени заставляет задуматься о том, какие экономические процессы и силы способствуют его развитию, какие социальные группы являются основой для его подъема.

Становление национализма в Европе вызвало глубокий анализ его социально-экономических корней на рубеже XIX – XX вв. Очевидно, что определение данного явления в современных условиях только как мелкобуржуазного явления, недостаточно. С другой стороны рубежи прошлого века объединяет ряд типологических характеристик таких явлений как империализм и глобализация. Поэтому обращение к исследованиям данного периода носит определенный эвристический смысл. Как отмечает М. Хрох: национальные движения современности – «новые национальные движения», цели которых во многом аналогичны целям национальных движений в XIX в.» при типологической близости можно говорить о широком поле аналогий, относящихся к социально-экономическим характеристикам их возникновения.

В соответствии с марксистской теорией устанавливается экономико-материалистическое понимание развития наций. Само их появление связывается с ростом городов, развитием торговли и развитием буржуазных отношений, разрушавших феодальные перегородки в виде сословного деления и множественных партикулярных границ мелких феодальных владений. Следующим шагом стала материалистическое восприятие национальных процессов в духе И.В. Сталина, определявшее на несколько десятилетий развитие отечественных исследований национализма. Следование данной концепции вело к сведению всех национальных процессов, вплоть до национально-освободительных движений к исключительно экономическому детерминации всех процессов [1] либо к отрицанию самого существования наций на том основании, что у них отсутствует какая-либо объективная характеристика. Как отмечает И.В. Сталин: «достаточно отсутствия хотя бы

одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [2]. В результате, когда диктат был снят и его инерция преодолена (самоцензура в науке нередко жестче внешнего контроля) само влияние экономических факторов на развитие этнических процессов практически не обсуждалось.

Традиционными стали оценки национализма как идеологии, специфической формы социальной идентификации, политического движения. Обращение к вопросу об экономических условиях роста национализма оказывается зачастую связанным либо с ухудшением условий, либо просто обходится исследователями. Причина этому кроется в различиях в «национализмах» в различных странах и регионах, можно четко выделить характеристики националистического движения, но как только переходим к обобщению, и пытаемся выделить общие социально-экономические характеристики, наталкиваемся на несопоставимые черты. При всем многообразии исследований и исследователей этнических процессов и развития национализма его социально-экономические характеристики оказываются, как правило, вне поля теоретического осмысления.

Национализм, в рамках данного исследования, – идеология, которой могут следовать и следуют представители различных социальных слоев, чей экономический статус зачастую охватывает все уровни. Причины следования данной идеологии определим как переходность статуса личности, социальной группы или даже нации. Отнесение себя к народу служит основой для обоснования имеющегося статуса или притязаний на более высокий социальный и экономический статус, но исключительно через политические механизмы. Переходные социальные группы в данном случае испытывают чувство фрустрации (если когда то ранее находились в этом статусе), либо депривации абсолютной (если не удовлетворяются базовые потребности) или относительной (хочется больше...). Как отмечает М. Олендер «Национализм - самый простой психологический субститут выхода из социальной фрустрации» [3]. Националистическая пропаганда, как показывает историческое развитие,

наиболее распространенная форма преодоления неудовлетворенности сложившейся ситуацией.

В историческом развитии различные социальные страты конкретных народов становились ведущей силой развития национализма. Отметим как константу, что социальные страты в недрах, которых формулировались постулаты конкретного националистического движения, могут быть соотнесены с интеллигенцией. Важным является высокий образовательный ценз при относительной депривации (высокие социальные запросы при ощущаемом как несправедливом распределении).

Первый хронологический уровень в данном исследовании для нас – поздний феодализм (мы целенаправленно выходим за хронологические рамки существования классического национального государства, отмечая, таким образом, примордильные черты националистических движений). Зарождение капиталистических отношений не дает нам вести речь о развитых классах классического капитализма, но очевидно отмечается рост национальных движений в двух формах. В случае если в социальной структуре народа было дворянство то именно его представители, как наиболее образованная и активная часть общества, формулируют национальную идеологию и более того отстаивают его интересы на международном уровне. Иная ситуация складывается если высшее сословие по каким либо причинам отсутствовало. Национальное движение развивалось по иной схеме. Зарождение национального движения связано с социальными протестными выступлениями, но оставалась необходимость формулирования национальной идеологии. Здесь возможны были варианты, основу закладывали представители иной национальности, либо генезис национального движения откладывался до формирования уже класса буржуазии.

Переход к стадии капиталистического развития, с точки зрения социально-экономических основ развития национализма, лучше всего изучен. Социал-демократическая и марксистская традиции в общественно-политической литературе связывали развитие национализма с мелкой и средней буржуазией.

На наш взгляд, лучше всего данную концепцию обосновали австро-марксисты, в силу этнической мозаичности и социально-экономической разнородности общества которое сложилось в Австро-Венгерской империи.

Первоначальный посыл – развитие капитализма меняет положение крестьянина, превращает его в мелкого собственника, либо в пролетария, с последними О. Бауэр напрямую связывает формирование «нации капиталистической эпохи». Именно протестный потенциал пролетариата разрушает последние донациональные социальные преграды. Когда национальная идентификация была возможна только на уровне образованных слоев населения: «средневекового рыцарства, класса образованных периода раннего капиталистического развития», на уровне же простого крестьянина, особенно, пограничного региона она была не только произвольной, но даже невозможной. Источником развития национализма является изучение истории, «прежде всего в интеллигенции». И история становится обоснованием права на собственность для молодой буржуазии, которая перенимает национализм как свое знамя. Но гораздо ярче и шире развития национализма в условиях иноземного господства, подчеркивающего национальные различия [4].

Конструирование на имеющейся этнической основе национального государства происходило по объективным причинам выгоды больших регионов, но, безусловно, социальная группа, получавшая от этого самые существенные дивиденды – буржуазия (если не считать дворянско-чиновничью верхушку общества, самым ярким представителем которой был О. Бисмарк). Важнейшей целью, при этом было создание завершенной социальной структуры, желательной спаянной одной идеологией, самой яркой из которых является национализм.

Аналогично после распада советской системы лидеры национальных движений, как и после перехода от феодальной системы, стремятся к построению капиталистических государств, объединенных под их началом на основе национальных же идеологии [5]. Глобализация, как новая форма интернационализма, пришедшая на смену социализму, еще ранее

империализму, пока не воспринимается как достаточная опасность, но, наверное, антиглобалистское движение четко указывает нам вектор движения.

Изменения социальной структуры современного общества, при всех претензиях на уникальность, позволяют вести речь о том, что национализм становится лифтом социальной мобильности для политиков связывающих свою деятельность с противостоянием ранее существовавшей системе и для становящейся буржуазии, стремление которой к власти доминанта всех этапов роста национализма.

Еще одним важным компонентом развития национализма является противостояние государств на международной арене. Концепция национального интереса формулируется и лоббируется, как правило, представителями крупной буржуазии – современные олигархи и крупные бизнесмены. Отметим, что среди них надо выделять национальную (ориентированную на внутригосударственное производство и потребление, либо когда на внешний рынок направляется продукция высокого уровня переработки) и компрадорскую (активно работающую с международными бизнес-структурами, поставляющую на экспорт продукты первичной переработки, либо просто сырье) буржуазию.

Первая предпочитает экономический национализм: «В первую очередь экономический национализм старается ограничить потребление нации теми продуктами и товарами, которые производят ее недра и ее рабочие руки. Апелляции к национализму, энергичное и решительное манипулирование с тарифными расценками, продуманная налоговая система, контроль за товарообменом и прямые запреты на ту или иную коммерческую деятельность – всеми этими средствами надо заставить нацию удовлетворяться своими собственными изделиями и товарами и отказаться от потребления иностранной продукции» [6].

Вторая выступает с прямо противоположных позиций, главная цель – более выгодное участие в международном разделении труда, вызывающее зависимость от экономически более развитых государств. Особенно наглядно

это видно на примере ВТО, выражающей интересы создателей, установившей систему «платы за вход» и санкций за неповиновение.

Любопытно, что создатели системы фритредерства не предусмотрели, что при создании крупных «экономических пространств» включающих несколько акторов международных отношений некоторые получают дополнительные ресурсы, беря их в долг, который, по сути, является невозвратным, но богатые государства платят в этом случае за социальную стабильность.

В условиях глобализации механизмы развития национализма работают в традиционном ключе противостояния большому сообществу, в пользу собственного народа. Социальная стратификация сторонников национализма нам видится основывающейся на борьбе с представителями иных этносов занимающих определенные ниши в обществе. Государственный аппарат, конструируя общественное сознание, сталкивается в этой ситуации с необходимостью оправдания фритредерских действий, т.к. на международном уровне участие в экономических процессах сулит ему существенную выгоду, а внутри государства данные действия объясняются с популистских позиций.

Национализм становится в условиях глобализации социальным ориентиром для нескольких общественных групп:

- Маргинальные группы и индивиды, находящиеся вне устойчивой социальной системы, компенсирующие депривацию через обвинения, избиения и даже убийства представителей иных этносов. Очевидно, что данная социальная группа и идеология данного плана должна вводиться в правовой контекст и именно на нее должна направляться профилактическая работа по развитию толерантности, но прежде всего по распространению форм экономической и социальной сублимации деструктивных импульсов. Другой вопрос, что данное состояние может возникать спонтанно и недавние события на Манежной площади в Москве – близкий пример.

- Социальные группы, занимающие пограничное экономическое положение в обществе, стремящиеся защитить настоящее и будущее лозунгами и аргументами, базирующимися на историческом прошлом, на противостоянии

модернизации на сохранении и восстановление протекционистских механизмов неэкономического плана – защиты культуры, либо политического господства. В подвижном современном обществе большинство населения, в том или ином отношении, находится в пороговом состоянии, отсюда популярность национализма и лозунга «защитим своего производителя», несмотря на неэффективность его менеджмента и низкое качество продукции. Отметим, что протекционизм – политика, на которой строилось создание государств современного типа, отсутствие протекционизма ведет в условиях соседства с более развитыми государствами к демпингу, уничтожению производителю и захвату рынка. Государство утрачивает суверенитет в случае абсолютной политики «открытого рынка». Преувеличенный протекционизм останавливает внутреннее экономическое развитие без внешнеэкономической конкуренции и ресурсов.

- Экономически активное население, ориентированное на использование международного опыта и ресурсов, но модернизация понимается как собственное развитие в соответствии с «рациональной программой, включающей народное образование, подготовку квалифицированных национальных кадров, промышленную модернизацию, развитие внутренних рынков труда и капитала, рост уровня жизни, финансовую и политическую независимость» [7]. При большей рациональности данных социальных групп политика проводимая в соответствии с их программой разрушает сложившиеся традиционные экономические связи и механизмы, ведет к повышению социальной напряженности. Растут налоги, социальная справедливость оказывается очень дорогой. Более того национальная экономическая политика на международном рынке невероятно сложна, хорошим примером может служить замечание связанное с О. Бисмарком о том, что дипломатия это искусство жонглируя держать пять шаров в воздухе, а в настоящее время – сложнее. Кроме того нельзя сбрасывать со счета силовой фактор – сильную армию, флот, разведку...

В условиях глобализации все указанные социально-экономические аспекты развития национализма только повышают свою актуальность. Отсутствие взвешенной политики государства в этой сфере запускает деструктивные механизмы революционных преобразований общества.

Примечания

1. См. например: Национально-освободительное движение. М., 1967.
2. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // <http://www.hrono.ru/libris/stalin/2-19.php> (31.08.2011).
3. Олендер М. Расизм, национализм // <http://www.xserver.ru/user/rasnz/> (31.08.2011)
4. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 66-107.
5. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нация и национализм*. М., 2002. С. 124-136.
6. Мишель Л. Экономический национализм против мировой экономики // <http://elements.lenin.ru/4econat.htm> (31.08.2011)
7. Экономика национализма. Попытка разобраться // <http://grossmaster.livejournal.com/3335.html>. (31.08.2011)

**«УГРОРУССКИЙ НАРОД» – “GENS FIDELISSIMA” Венгерской
короны (по материалам книжки для чтения начальной народной школы,
изданной для венгерских русинов в 1918 г.)**

Пакет школьных законов о школьном образовании, принятый в 1907–1908 гг. венгерским парламентом по инициативе министра школ и культов графа Альберта Аппони (1846–1933), являлся важной составляющей политики формирования венгерской политической нации в том смысле, который вкладывает в термин «нация» новейшая западноевропейская политическая мысль. Надо признать, что мысль эта была не нова – еще в 1848 г. венгерские реформаторы-либералы во главе с Л. Кошшутом были уверены, что достаточно будет расширить индивидуальные гражданские права, которые будут более выгодны по сравнению с коллективными правами этнических меньшинств, и национальная элита этих меньшинств при жизни одного поколения станет частью «единой мадьярской политической нации» [1].

Итак, § 17 принятого в 1907 г. закона № XXVII о правовом статусе негосударственных начальных школ предусматривал, что «все школы и все учителя, независимо от вида школы <...> в душах детей должны развить и усилить сознание преданности венгерской отчизне и принадлежности к венгерской нации...» Закон гарантировал зарплату учителям, которые становились государственными служащими, чем значительно улучшалось их материальное состояние и общественный статус. Также закон требовал, чтобы ученик с невенгерским родным языком после окончания 4-го класса мог высказать свои мысли по-венгерски устно и письменно (§ 19). Согласно этому же параграфу, если количество учеников с венгерским родным языком составляло хотя бы 20%, то обучение для них обязательно проводилось на венгерском языке. Если же венгерский являлся родным для половины учеников, то языком обучения объявлялся венгерский, хотя руководство школы

могло позаботиться о том, чтобы учащиеся с невенгерским родным языком имели возможность обучаться на родном языке, кроме школ, где ранее единственным языком обучения был государственный, т.е. венгерский [2].

Венгерское правительство требовало также «мадьяризовать» иноязычные фамилии и названия населенных пунктов. Однако мадьяризация фамилий была не только усилием, направленным на ассимиляцию невенгерского населения Венгрии и мадьяризацию государственного имиджа. Для многих представителей невенгерской интеллигенции, в их числе немногочисленных русинов, она была «формой проявления добровольной ассимиляции» [3].

Русины Венгрии официально назывались «угрорусским народом» (magyar oroszok), «венгерскими греко-католиками» (magyar görög katolikusok), в силу своей конфессиональной принадлежности (были «руської віри») разговаривавшими по-русински, а не по-венгерски.

Оставался в ходу, впрочем, и этноним ruthén («рутен», латинско-немецкая форма этнонима «русин»). Его находим в книжечке-табеле деда автора этой статьи, ученика Мункачской (Мукачевской) начальной народной школы, сохранившейся в домашнем архиве. Так, при заполнении личных данных ученика, среди прочих, предусматривались следующие вопросы: «Знает ли венгерский язык?» (в нашем случае ответ был: «Да»); «Кроме венгерского, каким языком владеет?» (ответ: «Ruthén» – «рутенским», т.е. «русинским», или «угрорусским»). Из книжечки-табеля узнаем также, что среди предметов школьной программы уже не было русинского языка – только венгерский.

Таким образом, для обозначения данного этноса в Венгрии использовали несколько этнонимов [4].

Одним из шагов государственной мадьяризации венгерских русинов был перевод их языка с кириллицы на латиницу, причем именно на венгерскую орфографию. Для этого вводились специальные буквы: для звука [и] вводилась буква *ī*, для специфического карпаторусского [ы] – буква *ō*, вместо *ь* (мягкого знака) ставился апостроф.

В это же время как альтернатива мадьяризации а северо-западной части Угорской Руси и на Пряшевщине [5] в русинских народных школах начали использовать словацкую графику. Не зная кириллического письма, местные русины интегрировались в словацкую культуру и этнос [6].

В итоге, по состоянию на 1913 г. в Венгрии было всего 47 русинских школ (в 1880 г. – 393; в 1900 г. – 93) и ни одной смешанной венгерско-русинской (1880 – 246; 1900 – 304). Не было ни одного среднего и высшего учебного заведения с русинским языком обучения. При этом количество учащихся с родным языком русинским было очень низким, хотя владели русинским языком до 50% учащихся Угорской Руси [7].

Венгерской графикой написана книга для чтения для угрорусских детей младшего возраста (1918), также сохранившаяся в домашнем архиве автора статьи, – небольшой по формату, но довольно объемный учебник, содержащий на 325 страницах 201 текст для чтения. Каждый текст касался одной из нескольких тем, раскрытие которых проходило в течение учебного года. После некоторых текстов ученикам предлагалось ответить на несколько вопросов к нему. Здесь мы рассмотрим только тексты, касающиеся взаимоотношений между венграми и славянами, отношения венгерского правительства к угрорусскому меньшинству и воспитания у угорских русинов верноподданнических чувств по отношению к Австро-Венгерской империи (а точнее, к Венгрии, т.к. об Австрии в текстах речь практически не идет).

Одна из основных тем текстов книги – история венгров, Венгрии и Угорской Руси, причем история венгров показана в героизированном ключе⁸. О раннем средневековье в книжке сказано, что во время Великого переселения народов в римскую провинцию Паннонию, будущую Венгрию, среди других, в V в. пришли гунны – «о много сильнейший, с мадьярами родной народ»⁹. Но со смертью Атиллы распалось «могучее государство гуннов», и больше никому не удавалось создать в междуречье Дуная и Тисы «постоянное отечество», пока в конце IX в. сюда не пришли мадьяры.

В тексте «Колыбель венгерского народа» речь идет о том, как к семи мадьярским родам, перекочевавшим из Азии в Лебедию над Днепром (по другим источникам – между Днепром и Доном [10] присоединился один хазарский род кабаров, которые, как предполагает И. Бларамберг, могли быть кабардинцами [11]. Преследуемые печенегами, мадьяры пошли в междуречья Южного Буга и Дуная, в землю Этелкёз (от тюрк. «междуречье»). Но «от отца к сыну передавалось устное предание, что центром могущественной страны гуннов была окрестность между Дунаем и Тисой», и «верили с сильной верой, что земля Аттилы будет постоянным отечеством мадьяр. С этой верой вышел [вождь мадьяр] Арпад и его народ на завоевание отечества».

Придя на территорию современной Венгрии, «хозяевами которой были немцы, мораване и болгары», мадьяры встретили здесь «непроходимый лес», где лишь «немного аваров, славян, болгар жили в нищете». Завоевав эту землю при помощи оружия, «основатель отчизны» Арпад, тем не менее, «не истребил народы, найденные в новой отчизне, и они радо подчинились мадьярам, смешались с ними, а позднее стали душой и телом мадьярами, ибо мадьярские пань более терпеливо относились к низшим классам народа, чем моравские и немецкие пань». Действительно, на протяжении тысячелетней истории жизни мадьяр в Венгрии в жилах многих великих венгерских патриотов не было ни капли венгерской крови: так, вождь антигабсбургской революции 1848 г. Лойош Кошшут был словаком по рождению; венгерским генералом был Иоанн Дамьянич, «по роду серб, по душе истинный мадьяр»; поэт Шандор Петефи (настоящее имя – Александр Петрович) – словаком по матери и сербом по отцу. В рассматриваемой книге для чтения указано также, что, оставаясь язычниками, мадьяры «не оскорбляли [эти народы] по вере и обычаям их».

Пересказывается здесь и известная легенда из «Деяний угров», которая в этой книжке называется «Сказкой о белом коне»: придя к берегам Дуная, вождь мадьяр Арпад послал посла Кушида, чтобы он посмотрел эту землю и узнал об обычаях ее жителей. Посол увидел «землю плодородную и воду добрую». Он явился к правителю той земли славянскому князю Святополку и объявил ему о

приходе венгров. Святополк обрадовался, решив, что мадьяры – земледельцы, которые пришли, «чтобы мирно обрабатывать землю». Посол наполнил кувшин дунайской водой, а переметную сумку набил травой и взял грудку жирной черной. Мадьяры убедились в том, что Паннония – благословенный край, а Арпад наполнил рог дунайской водой и перед всеми стал молить Бога, чтобы он помог им завладеть этой землей. Затем мадьяры золотой уздой и золотым седлом. Князь Святополк вновь обрадовался, решив, что мадьяры как новые подданные прислали ему дар. Посол же попросил от князя, чтобы тот дал им земли, траву и воду. Святополк рассмеялся и сказал: «За такой прекрасный подарок возьми сколько хочешь». Посол вернулся к мадьярам. Арпад перешел через Карпаты, разбил князя Лаборца, жившего в Унгварском (Ужгородском) замке, вышли на Дунай, где хотели поселиться на «купленной» земле. Мадьяры отправили Святополку посла, который сказал: «Арпад и его люди говорят тебе, чтобы ты на земле, которую от тебя купили, больше не оставался». Напрасно Святополк собрал войско: мадьяры разбили его, и он бросился в волны Дуная и утонул.

Учебник знакомит с основными профессиями венгерских русинов того времени – сапожника, портного; а тексте «Как можно деньги заработать?» автор, иронично упоминая о призывах агитаторов ехать в Германию или в Америку, где «калачи растут на вербе» (это было время, когда почти треть угрорусского населения выезжала на заработки за океан), задается вопросом: «Так дома в своем краю нельзя столько заработать, чтобы прожить можно, что все суются за границу?» Как альтернативу угрорусскому ученику показывают новые инициативы «честных панов»: плетение корзин из ивовых прутьев (доныне главный источник заработка жителей села Иза Хустского района), обучение вышивке и тканью шерстяных ковров. Образцы работ выставлялись на выставках не только в Венгрии, но и в Германии и Англии, и «теперь широкий свет знает мастера русина!»

Еще одна тематика учебника – нравоучительная. В текстах на эту тему излагаются основные нравственно-этические установки. Например, в тексте

«Семейный живот угрорусского народа» сказано: «Угрорусский народ примерный семейный живот ведет. Отец и мать любят детей своих, и скоро начинают обучать их молитве. Братья и сестры уважают друг друга. Дети повинуются родителям». Муж и жена трудятся одинаково, и о том, что заработали, говорят: «то наше». Отмечается, что «угрорусская семья очень гостеприимна». Тут же утверждается, что «угорский русин радо учится по-мадьярски. Для того детей отдает в мадьярские школы».

Патриотизм угрорусского народа по отношению к Венгрии выражен в следующей сентенции: «Угрорусский народ был и есть всегда верным венгерскому отечеству, и искренним подданным венгерских королей, ибо с их стороны в прошлом испытал [он] истинное доброжелание и заступление».

Учебник также описывает отношение угорских русинов ко многим венгерским знаменитым личностям. Так, о князе Ференце Ракоци II сказано, что «нет русина, который бы не знал его имени», потому что он «был истинным отцом и благодетелем русинов, – которых он в письмах своих «наивернейшим народом своим» называет».

Монаршие особы, в свою очередь, показаны как постоянно радеющие о счастье угро-русского народа. Так, о венгерском и польском короле Людовике Великом, во время царствования которого Венгрия простиралась от Черного и Адриатического морей к Балтийскому, сказано, что угрорусский народ никогда не забудет его, поскольку он «искренне принял русинов, наибольшую часть предков наших, и даровал им новую отчизну, много земли и права».

Подобным образом прославляются все венгерские короли, «которые старались народ наш [угро-русов] вознести из невежества и бедности; однако больше всего любви и поддержки чувствовали наши предки от королевы Марии-Терезии, которая царствовала от 1740 по 1780 год». Далее указывается на ее роль в основании Мукачевской греко-католической епархии и принятии законов о «регуливании барщины» и запрет «угнетать простаков (крестьян)». Поэтому в Св. Литургиях вспоминают ее «как наибольшую добродетельницу» угро-русского народа.

О событиях 1848 г., когда уступки Австрии в пользу самостоятельности Венгрии привели к возвышению венгров и мятежу других народов, подвластных святостефанской короне (хорватов, сербов, румын и словаков) «за идею [австрийского] государственного единства против венгерского дуализма» [12], в учебнике говорится так: «кроме швабов [немцев], северных немцев, русинов и части словаков, все немадьярские народы Венгрии вооружились против мадьяр», но русины «все [время] верно с мадьярами держались». Представляется, однако, что с русинами дело обстояло не так просто. Венгерских русинов «весна народов» коснулась мало: русинская интеллигенция в той ситуации заняла выжидательную позицию, а делегаты венгерских русинов не присутствовали на Славянском съезде в Праге в 1848 г. Действительно, большая часть венгерских русинов была лояльной к новой венгерской власти, но сама эта новая власть обвиняла русинов в распространении панславизма. С другой стороны, в венгерский парламент был избран известный русинский деятель русофильского направления Адольф Добрянский, а венгерский парламент принял решение, что русины как «неблагонадежные», подпавшие «под российскую пропаганду», не могут получать оружие для обороны Венгрии. Постепенно и группа умеренных русинских деятелей во главе с Добрянским становится на сторону антимадьярской и проавстрийской оппозиции. В конечном итоге, Добрянский на аудиенции у нового австрийского императора Франца Иосифа I представил свой план объединения русинов Угорской Руси, Восточной Галиции и Буковины в одну провинцию в рамках габсбургской монархии. А с приходом в Венгрию, провозгласившую независимость от Австрии и смещение Габсбургов с венгерского трона, российских войск, которые царь Николай I послал для умирения венгерских гонимых, вызвало среди угорских русинов волну т.н. «народного русофильства» [13], которую венгерские власти еще долго вспоминали русинам.

Но вернемся к нашей книжечке. Рассказ об императоре Франце-Иосифе и его супруге королеве Елизавете начинается 1867 годом, т.е. «выравниванием» в

правах Венгрии с Австрией и образованием дуалистической Австро-Венгерской империи, хотя на австрийском троне Франц-Иосиф находился с 1848 года. С тех, «довенгерских» времен упоминается только факт посещения монархом в 1852 г. «наших подкарпатских околиц» во время его визита по Венгрии.

Один из текстов учебника озаглавлен «Отчизна». В нем, в частности, говорится следующее: «Кроме мадьяр, в Венгрии живут другие различные народы, напр., русины, словаки, сербы, румыны, немцы, хорваты и проч. Главным народом есть мадьярский, поэтому каждый сын нашего отечества должен кроме своего материнского языка научиться говорить и по-мадьярски».

А в тексте «Тысячелетняя Венгрия», где речь идет о праздновании 1000-летия обретения мадьярами родины взаимоотношения венгров с другими народами святостефанской короны описаны следующим образом: «Мадьярский род из своей прародины принес с собой терпеливость с другим народам и к другим верам, откровенность, великодушие, учтивость к добрым свойствам других народов; неудивительно, что в течение тысячи лет большая часть поселившихся на этой земле народов сердцем и душой присоединилась к мадьярам». И далее: «...народы присоединенных краев самовольно подчинились власти мадьярского государства, которая обороняла их».

Таким образом, в нач. XX в. политика мадьяризации стала официальной в образовательной системе Венгрии. Родной язык вытеснялся из школы. При этом власти пытались с начальной школы формировать у невенгерских национальностей осознание их принадлежности к венгерской политической нации. В то же время, у большинства славянского населения Угорской Руси не было четкого представления о дальнейшем пути развития: одни считали литературным русский язык, другие желали создать собственный «народный» литературный язык на основании местных диалектов. Кажется, что венгерская власть поддерживала второе течение, но даже в учебниках для начальной школы «народный» язык был перемешан церковнославянизмами, словами из русского языка в местной огласовке и множеством венгерских заимствований.

Примечания

1. Pop I. Malé dejiny Rusínov. Bratislava, [2011]. S. 46.
2. Цит. по: Закарпаття 1919 – 2009 років: історія, політика, культура / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород, 2010. С. 642 – 643.
3. Цит. по: Закарпаття... С. 644.
4. Более того, вплоть до конца 1930-х гг. этноним rut(h)én использовался венгерской научной литературой как синоним этнонимов kisorosz («малоросс») и ukrán («украинец»), а карпатские русины признавались частью украинского народа. См.: A Pesti Hírlap Lexikona. Budapest, 193?. – 925, 1091 p.
5. Традиционное русинское название населенной русинами территории к западу от современной Закарпатской области Украины, ныне часть северо-восточной Словакии. Происходит от названия культурного центра региона – г. Пряшев (по-слов. Prešov).
6. Закарпаття... С. 647.
7. Закарпаття... С. 640 – 642.
8. Согласно средневековым венгерским хроникам, напр., “Gesta Hungarorum” («Деяния венгров») неизвестного нотариуса (писца) короля Бейлы III, именуемого Анонимом.
9. Здесь и далее цитаты приводим кириллической графикой в переводе на русский язык с сохранением понятных современному читателю старославянизмов.
- Современными историками тезис о родстве гуннов с мадьярами, как правило, не поддерживается.
10. Сий Э. Курс венгерского языка. Будапешт, 1981. С. 9, 11.
11. Бларамберг И. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 194 – 195.
12. Егер О. Новейшая история / Всемирная история в четырех томах. Т. 4. СПб; М., 1999. С. 510.
13. Pop I. Malé dejiny.. – S. 46 – 49. Отметим, что галицкие русины во время «весны народов» сразу стали на сторону Австрии против своих непосредственных господ – поляков, действуя по принципу «враг моего врага – мой друг», за что получили прозвище «тирольцев Востока». См., в частности, у О. Егера: «...русинские поселяне сочли сложившееся положение удобным моментом для отмщения польским панам за свои долговременные страдания...» [Егер О. Новейшая история... С. 472].

Сведения об авторах

Алексеев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, сотрудник Центра славянских исследований Кубанского государственного университета (КубГУ)

Бабич Александр Владимирович – главный специалист Государственного учреждения «Государственный архив Краснодарского края»

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, доктор политических наук, доктор исторических наук

Бондарева Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социальных коммуникаций социально-гуманитарного факультета Кубанского государственного технологического университета

Брацун Егор Васильевич – аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, доктор исторических наук, сопредседатель Центра славянских исследований КубГУ

Васильев Игорь Юрьевич – научный сотрудник НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук

Гайворонская Александра Владимировна – соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, сотрудник Центра славянских исследований КубГУ

Годовова Елена Викторовна – доцент филиала Уральской академии государственной службы в г. Оренбурге, кандидат исторических наук

Горожанина Марина Юрьевна – доцент кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, кандидат исторических наук

Гусев Никита Сергеевич – аспирант кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Зинеева Заида Зелимхановна – старший научный сотрудник отдела истории и археологии народов Качаево-Черкесии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, кандидат исторических наук

Киселёв Илья Викторович – преподаватель Краснодарского колледжа права, экономики и управления, кандидат исторических наук

Косач Надежда Николаевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ

Косик Виктор Иванович – ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, доктор исторических наук

Крючков Игорь Владимирович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета (СГУ), доктор исторических наук, профессор

Кумпан Вадим Александрович – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ

Кумпан Екатерина Николаевна – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ

Леонтьева Анна Андреевна – аспирантка кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Матвеев Олег Владимирович – сопредседатель Центра славянских исследований КубГУ

Миланова Сашка Григорова – старший научный сотрудник II степени Института истории Болгарской академии наук, доктор исторических наук (г. София, Болгария)

Мцхвариашвили Александра Димовна – аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ

Попов Кирилл Алексеевич – студент 5 курса исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Птицын Андрей Николаевич – доцент кафедры новой и новейшей истории СГУ, кандидат исторических наук

Пукиш Владимир Степанович – соискатель Адыгейского государственного университета

Ракачëв Вадим Николаевич – доцент кафедры социологии КубГУ, кандидат исторических наук

Самохин Александр Анатольевич – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук,

Самсонова Лариса Олеговна – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук

Сушко Павел Евгеньевич – студент 5-го курса отделения социологии ФИСМО КубГУ

Телепень Сергей Валерьевич – доцент кафедры истории и методики преподавания истории УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина» (г. Мозырь, Белоруссия), кандидат исторических наук

Хут Людмила Рашидовна – доцент Адыгейского государственного университета, доктор исторических наук

Ярашева Азиза Викторовна – доктор исторических наук, профессор Всероссийской государственной налоговой академии Министерства финансов РФ

Содержание

Предисловие (О.В. Матвеев)	3
<i>Хут Л.Р.</i> (г. Майкоп) Дискурс национальной идентичности и национализма в современном российском историографическом пространстве	5
<i>Вартаньян Э.Г.</i> (г. Краснодар) Особенности формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	10
<i>Косик В.И.</i> (г. Москва) Балканский национализм: «свой», «чужой»	18
<i>Бондарева В.В.</i> (г. Краснодар) О природе национализма балканских славян в последней четверти XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы)	21
<i>Матвеев О.В.</i> (г. Краснодар) Из истории славяноведения в Кубанском государственном университете	28
<i>Ярашева А.В.</i> (г. Москва) Различное понимание экономических категорий у славянских и неславянских народов	47
<i>Мицхвариашвили А.Д.</i> (г. Краснодар) Положение в Сербии в 1860-х гг. XIX в. (по материалам записок графа Н.П. Игнатъева)	53
<i>Косач Н.Н.</i> (г. Краснодар) Дискуссионные вопросы русских и белорусов в XXI в. о единстве исторических корней	59
<i>Горжанина М.Ю.</i> (г. Краснодар) Православие как духовная основа южного и восточного славянства	62
<i>Зинеева З.З.</i> (г. Черкесск), <i>С.В. Телпень</i> (г. Мозырь, Белоруссия) Русское антиковедение и русская национальная идентичность	68
<i>Брацун Е.В.</i> (г. Кореновск) Славяне и русы на Кавказе в VII – X вв.	71
<i>Леонтьева А.А.</i> (г. Москва) Болгарское население Софии по данным наследственных описей кадийских регистров 1731-1833 гг.	75
<i>Годовова Е.В.</i> (г. Оренбург) Этноконфессиональная толерантность в Оренбургском казачьем войске	81
<i>Гайворонская А.В.</i> (г. Краснодар) Идеология и мораль кубанских офицеров (вторая половина XIX – начало XX вв.)	86
<i>Птицын А.Н.</i> (г. Ставрополь) Россия в представлениях чешских эмигрантов «первой волны» (60–70-е гг. XIX в.)	93
<i>Крючков И.В.</i> (г. Ставрополь) Сербь Венгрии: проблема формирования национальной идентичности	98
<i>Попов К. А.</i> (г. Москва) Конгресс немадьярских национальностей 1895 г. в Будапеште: образ в австро-венгерской печати	105
<i>Гусев Н.С.</i> (г. Москва) Болгарский солдат в Балканских войнах глазами русских	110
<i>Алексеев В.Н.</i> (г. Краснодар) К вопросу о происхождении и особенностях украинского национализма	116
<i>Васильев И.Ю.</i> (г. Краснодар) Украинизация на Кубани: сопротивление населения	124
<i>Баранов А.В.</i> (г. Краснодар) Проблемы формирования национальной идентичности украинцев в советский период	132
<i>Кумпан Е.Н.</i> (г. Краснодар) Проблемы конструирования прошлого и создания национальных историй: по материалам учебников истории Украины	137
<i>Киселев И.В.</i> (г. Краснодар) Участие словацкой моторизованной дивизии в оккупации Кубани	143
<i>Самсонова Л.О.</i> (г. Краснодар) Русский характер в восприятии СМИ Германии (по материалам немецкой прессы конца XX – начала XXI вв.)	147
<i>Бабиц А.В.</i> (г. Краснодар) Гитлеровский оккупационный режим и Русская Православная Церковь на Кубани (1942-1943 гг.)	151
<i>Самохин А.А.</i> (г. Краснодар) Влияние хорватских усташей на югославский кризис 1990-х гг.	157
<i>Миланова С.Г.</i> (г. София, Болгария) Отношения между България и Русия през последното десетилетие на XX в.	160
<i>Ракачев В.Н., Сушко П.Е.</i> (г. Краснодар) Поляки о себе и других (опыт изучения этнических стереотипов)	165

<i>Кумпан В.А.</i> (г. Краснодар) К вопросу о социально-экономических аспектах развития национализма	168
<i>Лукиш В.С.</i> (г. Анапа) «УГРОПУССКИЙ НАРОД» – “GENS FIDELISSIMA” Венгерской короны (по материалам книжки для чтения начальной народной школы, изданной для венгерских русинов в 1918 г.)	174
Сведения об авторах	182